

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2 2019
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 2 (240) / 2019

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кожурбаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Зиауддин Сардар* (1951), британский ученый, писатель, телеведущий и культурный критик, один из ведущих мусульманских интеллектуалов в мире и автор более пятидесяти книг об исламе, науке и современной культуре.

Зиауддин Сардар родился в Дипалпуре, Северный Пакистан. Еще маленьким мальчиком он отправился в Лондон, где уже некоторое время работал его отец. В Городском университете Лондона Зиауддин изучал физику и информатику.

Сардар прожил жизнь ученого-авантюриста и много путешествовал. За пять лет своего пребывания в Исследовательском центре им. Хаджа Университета короля Абдула Азиза в Джидде (Саудовская Аравия) стал ведущим специалистом по хаджу, паломничеству в Мекку. В этот период он странствовал по всему исламскому миру, собирая материал для своей первой книги «Наука, технологии и развитие в мусульманском мире», а также работал в качестве журналиста. Затем его снова ждал переезд в Лондон и работа корреспондентом от мусульманского мира в научных журналах *Nature* и *NewScientist*. В 1982 году Сардар стал тесно сотрудничать с лондонским телеканалом *Weekend Television* и как репортер помогал в запуске новаторской азиатской программы *Eastern Eye*. Он был одним из редакторов журнала *Inquiry*, в котором сочетались идеи и политика, посвященные мусульманским странам. В то же время в Чикаго он основал «Центр изучения политики и будущего» при Восточно-Западном университете. Его путешествие продолжилось в Малайзии, где он стал советником Анвара Ибрагима, министра образования, снова в Лондоне — профессором научно-технических исследований в Университете Мидлсекса, редактором журнала *Futures*. Сардар написал и представил серию программ об исламе для ряда телеканалов. Его 90-минутный фильм «Битва за ислам»,

вышедший на канале BBC2, получил широкую известность во всем мире.

Сам Сардар называет себя критическим эрудитом. Его фундаментальный принцип заключается в том, что «существует множество способов быть человеком... Будь то человек, придерживающийся западных традиций, или человек — приверженец ислама, или австралийский абориген...» — говорил он, — «Я вижу каждую культуру как единую вселенную со своим собственным способом познания, существования и действия и, следовательно, со своим собственным способом быть человеком». Он любит задавать вопрос: «Откуда вы знаете?» Ответ во многом зависит от того, кто «вы»: «Как вы смотрите на мир, как вы формируете свой запрос, каковы период и культура, которые развивали ваш кругозор, и что за ценности влияют на ваше мышление?»

За последние три десятка лет Зиауддин Сардар написал около полусотни книг по исламу и современным культурным вопросам. Произведения носят характер как классического исследования — «Будущее мусульманской цивилизации», «Исламское будущее: форма идей для грядущего», — так и интеллектуального нападения на постмодернизм: «Постмодернизм и другое», «Ориентализм». И, конечно, его международный бестселлер — «Почему люди ненавидят Америку?». Большая часть сочинений Сардара посвящена тому, что происходит с людьми, языком и общественными организациями, когда одна страна была колонизирована другой.

На литературном фестивале в Лахоре он получил первую премию за книги о городах «Потребление в Куала-Лумпуре» и «Мекка: священный город», а также премию Рамната Гознки за выдающиеся достижения в области журналистики.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Агапова Г. Г.**
Понятие коррупции в российском законодательстве, ее сущность и признаки89
- Антонец Д. Д.**
Формы участия граждан в местном самоуправлении в России92
- Антонец Д. Д.**
Понятие местного самоуправления в Российской Федерации.....96
- Беленко Д. Г.**
Идеологический аспект проблемы эффективного управления земельными ресурсами в России на современном этапе..... 100
- Беляева Е. Н.**
Актуальные проблемы современной избирательной системы 102
- Берг Н. А., Волкова О. Р.**
Роль Федерального казначейства в исполнении федерального бюджета..... 103
- Бернаккиа К. Г.**
Развитие института приемной семьи в России 105
- Брыкова С. С.**
Сравнение зарубежного опыта организации и правового регулирования государственной службы (на примере Франции)..... 107
- Бугаенко Е. А.**
Элементы системы общих начал назначения наказания 109
- Валентиновичте И. Г.**
Анализ новел в сфере социального обеспечения судей..... 111
- Гапчукова В. В.**
Актуальность создания Федеральной государственной информационной системы Единого государственного реестра недвижимости 113
- Гараджа Ю. В., Придворова М. Н.**
Проблемы организации деятельности корпораций в аспекте механизма правового регулирования..... 115
- Гараджа Ю. В., Придворова М. Н.**
Проблемы правового регулирования корпораций в России и в Великобритании: общие черты и различия 117
- Гараджа Ю. В., Придворова М. Н.**
Проблемы развития корпоративного законодательства в РФ 119
- Гараджа Ю. В., Придворова М. Н.**
История становления и развития корпоративного законодательства в России ... 122
- Джумагазиева Г. С., Бернаккиа К. Г.**
Правовое регулирование института приемной семьи на территории Астраханской области ... 124
- Дудаева Н. Э.**
Актуальные вопросы правового статуса индивидуальных предпринимателей..... 126
- Ильин А. А.**
Особенности приобретения процессуального статуса потерпевшего в российском уголовном процессе..... 128
- Кинжибеков В. В.**
Конституционное и законодательное регулирование права граждан РФ на свободу передвижения и выбор места пребывания и жительства в пределах РФ 130
- Крамская М. С.**
Проблемы организации деятельности мировых судей в Российской Федерации..... 133
- Крюкова О. А., Тугушева А. Ф.**
Об отдельных вопросах бюджетно-правового регулирования..... 134
- Мирзоева Э. Р.**
Актуальные вопросы охраны гражданских и военных захоронений 135
- Михайлова Е. А.**
Миграционная активность молодежи Архангельской области 139
- Непомнящих И. А.**
Правовое регулирование государственного строительного надзора 141
- Радчина Ю. М.**
Особенности привлечения корпорации к юридической ответственности..... 143

Рождественская Н. А. Институционализация государственной кадастровой оценки земель.....	145	Третьякова К. Е. Проблемные вопросы полного и правильного исполнения судебных актов в рамках исполнительного производства и методы их решения	162
Саврико И. В. Понятие и юридическая природа экстрадиции	148	Турусбекова Д. О. Сравнительный анализ защиты авторского права в России и США.....	166
Саврико И. В. Процедура экстрадиции из Великобритании в Россию.....	149	Шаханова М. Х. Вопросы правового регулирования личных неимущественных отношений	168
Соколова Е. А. Критический уровень правовой культуры как детерминант преступности среди несовершеннолетних.....	151	Шахруева А. Р. Субъекты осуществления функций российского государства.....	169
Стрейкмане Л. Р. Принцип состязательности сторон в уголовном процессе России	154	ИСТОРИЯ	
Сухорукова К. Н. Защита имущественных прав несовершеннолетних органами опеки и попечительства	156	Романов Р. Е. От Транссиба до БАМа: эволюция стратегии мобилизационной занятости в контексте освоения Сибири (конец XIX — XX в.)	172
Титкова Е. А. Понятие и сущность коррупции в России.....	158	Смирнов Е. А. Дневник государственного деятеля А. А. Половцова: источник-историографический очерк	183
Титкова Е. А. История развития коррупции в России.....	160		

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Понятие коррупции в российском законодательстве, ее сущность и признаки

Агапова Галина Гавриловна, студент
Челябинский государственный университет

В данной статье анализируются различные подходы к понятию коррупции, даются авторские определения понятий «коррупционное действие» и «коррупция», выделяются признаки коррупции, обосновывается необходимость закрепления на законодательном уровне понятия коррупции как явления и признаков коррупционного действия.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство, понятие коррупции, коррупционное действие, признаки коррупции, явление.

Коррупция — слово, которое сейчас на слуху у каждого члена общества и каждый вкладывает в него свое значение.

До принятия Федерального закона от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2] (далее — Федеральный закон «О противодействии коррупции») единого подхода к определению понятия «коррупция» не существовало. Некоторыми специалистами, исследователями делалось предположение о том, что одной из проблем, препятствующей эффективной борьбе с коррупцией в России, являлось отсутствие нормативного закрепления понятия «коррупция».

Бороться и противодействовать коррупции не просто необходимо, а жизненно необходимо для самого государства как политической организации общества, поскольку коррупция «разъедает» его институты изнутри, подрывает доверие к государству как к форме существования общества.

Через громких коррупционных скандалов, сотрясающих информационную повестку средств массовой информации в последние несколько лет, красноречиво свидетельствует, как минимум, о двух фактах. Первый: коррупционные нарушения нашли свое благодатное поле на высших уровнях государственной власти (задержание министра А. В. Улюкаева, губернаторов регионов и других высокопоставленных чиновников). И второй вывод — начало полномасштабной борьбы с коррупционными явлениями во всех эшелонах власти, невзирая на положение и регалии.

Однажды появившись, антикоррупционное законодательство в настоящее время активно совершенствуется, претерпевает изменения, реагирует на призывы общества.

В условиях повышенного внимания государства к вопросам ответственности государственных служащих, совершивших коррупционные правонарушения, особую роль стоит отвести теоретическому понятию коррупции. В научных трудах, посвященных проблемам коррупции и противодействия ей, одним из самых обсуждаемых и дискуссионных вопросов является теоретическое понятие коррупции. Множественность мнений относительно ее определения связана с широкой дифференциацией проявлений коррупции в современной действительности, причем как в государственном, так и в частном секторе.

А. В. Кудашкин по данному поводу считает, что «разнообразии используемых формулировок понятия «коррупция» не всегда позволяет выявить все существенные признаки этого явления. Общепринятым является понимание коррупции как использования должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащих установленным правилам. Однако следует отметить, что такой подход не может привести к формированию системной основы противодействия коррупции, поскольку не позволяет точно определить критерии коррупционных проявлений, и особенно правонарушений» [10, с. 41].

В. М. Корякин отмечает, что отсутствие единого нормативного определения коррупции и связанных с этим термином других понятий (коррупционное преступление, коррупционное правонарушение и др.) является одним из основных препятствий к созданию эффективного механизма борьбы с коррупцией [8, с. 13].

К числу дискуссионных вопросов, в российской уголовно-правовой и криминологической науке, относится понятие коррупции. Основное различие заключается в объеме трактовки термина «коррупция».

Сторонники узкой трактовки определяют коррупцию как продажность — подкуп представителей власти. С. В. Ванюшкин и А. И. Долгова и понимают под коррупцией «социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных и иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей» [11, с. 501]. Схожую позицию занимает Н. Ф. Кузнецова. Ее точка зрения такова, коррупция — это «социально-негативное явление, выражающееся в подкупе одних лиц другими» [13, с. 21]. Н. Ф. Кузнецова отмечает, критикуя более широкий взгляд на коррупцию, что «именовать коррупцией всю систему корыстных должностных преступлений, например, злоупотребление властью, превышение власти, подлоги, не только нецелесообразно, но и несогласуемо с принципом дифференциации вины, ответственности и дифференциации наказания. В уголовном праве это весьма осложнило бы законодательную регламентацию хозяйственных и должностных преступлений, внесло бы путаницу в квалификацию преступлений и их наказуемость» [13, с. 22—23]. Сторонники данной трактовки термина «коррупция» обращают внимание на высокую общественную опасность коррупционных сделок, что само по себе является положительным моментом. Но все же описание коррупции через призму уголовно-правовых категорий явно сужает границы этого негативного социального явления. Значительный массив деяний, совершаемых представителями власти единолично или в составе группы лиц, явно имеющих коррупционную составляющую, остается без соответствующего анализа и оценки.

Сторонники широкого понимания коррупции акцентируют внимание не столько на преступной сделке между публичным служащим и частным лицом, сколько на всяком корыстном поведении должностного лица.

Г. Н. Борзенкова считает, что коррупция предполагает «разложение управленческого аппарата, основанное на использовании чиновниками своего служебного положения в корыстных целях» [3, с. 30]. По мнению, В. С. Комиссарова коррупция — это «использование субъектом управления своих властных полномочий вопреки интересам службы из личной заинтересованности» [9, с. 26].

Б. В. Волженкин полагал, что коррупция суть «... социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус, авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [4, с. 47].

В Российской Федерации понятие коррупции было дано Федеральным законом «О противодействии коррупции». Закон не устанавливает собственно дефиниции, предпочитая определять явление через совокупность деяний, ко-

торые стремится наказывать, приводя их в статье 1. Но признаки деяний, которые указанный Закон определяет как составляющие коррупцию, являются не чем иным, как уже известными Уголовному кодексу Российской Федерации составами преступлений, предусмотренных статьями 201, 204, 285, 290 и связанными с ними. По выражению С. В. Плохова, «произошла подмена понятий »коррупция« и »преступление коррупционной направленности« [20, с. 19]. Данный подход к понятию »коррупция« трактуется, как слишком широкий.

Фактически можно констатировать, что в российском уголовном праве в настоящий момент нет однозначного определения коррупции как деяния (т.е. понятия через перечисление его признаков и существенных характеристик), а наличествующее легальное определение представляет собой не более чем техническую норму с прямыми отсылками.

Таким образом, на первый план выходит проблема формулировки понятия коррупции, которое могло бы стать практически применимым в рамках российского законодательства.

Логичным шагом в этом деле кажется обращение к ратифицированной Российской Федерацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции [1], тем более что подобные документы международного права являются частью действующего российского законодательства.

Сама Конвенция не создает собственного определения коррупции, используя установленное Девятым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями [16, с. 17] в Каире понятие коррупции как злоупотребления государственной властью для получения выгоды в личных целях. Сравнивая этот подход с легальной дефиницией закона «О противодействии коррупции», можно выделить однозначное указание на корыстную мотивацию.

Сложным моментом является вопрос об иных видах личной заинтересованности как о мотиве коррупционных деяний. Закон «О противодействии коррупции» в этом смысле вполне однозначно склоняется в сторону ограничения мотивации только лишь корыстной. Конечно, отсутствие криминализации понятия нематериальной выгоды в действующем российском антикоррупционном законе является большой проблемой, эта точка зрения часто высказывалась и вполне обоснована [5, с. 8]. В статье 16 Конвенции указано, что неправомерные преимущества не обязательно имеют коммерческий характер. Определения неправомерных преимуществ нет, как и любого указания возможности его расширенного понимания до любых, в том числе и нематериальных, видов. Единственным моментом остается необязательность коммерческого характера.

Неправомерным преимуществом, не связанным с коммерцией и отвечающим корыстному мотиву, является, например, сохранение источника присваиваемых финансовых средств, получение имущества для личного

пользования, обладание льготами. Таким образом, Конвенция также не содержит в себе указания на нематериальные выгоды [16, с. 18].

Подводя итог, можно сделать вывод, что ограниченность закона «О противодействии коррупции» в части подхода к коррупции как к явлению корыстной мотивацией, является слабой, но вполне допустимой с точки зрения международных обязательств России позицией. Поскольку работа российской правоприменительной системы строится исходя из этого подхода, то можно только посоветовать на излишне узкое понимание, но продолжать попытки формулировать понятийный аппарат.

Коррупция ограничивается только лишь сферой государственных отношений. Такого подхода придерживаются, например, Б. А. Воронин, А. Н. Митин [5, с. 8], А. Е. Шалагин, Д. Э. Кабиров [25, с. 64].

Коррупция выступает той или иной формой торговли властью или злоупотребления служебным положением, направленным на приобретение имущества или иных выгод. Таков подход, например, Ю. А. Нисневича [19, с. 4], В. В. Халяпина, Г. И. Шахворостова [24, с. 17].

Коррупция воспринимается как некая форма рыночных отношений. Такой подход описывали А. А. Татуев, А. И. Бородин, Н. Н. Шаш [23, с. 3].

Думается, что каждый из этих подходов следует принимать во внимание, тем более что авторы каждого из них найдут достаточное количество аргументов в поддержку своей точки зрения. Тем не менее важным моментом кажется не выбор одной из точек зрения, а попытка совместить их, как позволяющая рассмотреть явление через предмет изучения.

Конечно, выбор одной из точек зрения и её отстаивание имеет большие плюсы с позиции рассмотрения коррупции как предмета научного изучения, но не стоит забывать, что описываемое явление не столько предмет изучения, сколько объект реального мира.

Попытка узкого рассмотрения может дать значимый научный результат, но не гарантирует ее конечной применимости на практике. И, наоборот, рассмотрение в широких границах позволяет сохранить возможность того, что если одно из направлений окажется в итоге неверным, то мы все равно получим научно значимый результат, пускай и в меньшей степени, чем если бы использовали одну из теорий, оказавшихся в итоге полностью правильной.

Тем не менее один момент следует подчеркнуть. Когда мы говорим о коррупции, то каждый раз видим отождествление этого явления с рыночными отношениями. Когда дело касается взяточничества, взяточатель обменивает свои служебные полномочия или результат таких полномочий, в единичном акте или на постоянной основе, на денежные средства или личные, материальные или нематериальные, блага.

Более сложным вопросом являются случаи, когда сам акт торговли не очевиден: например, при хищении (присвоении) должностным лицом денежных средств, которыми оно распоряжается. Однако неочевидность акта не означает отсутствия наказуемого деяния; просто в таком случае момент торговли властью полномочиями переходит в область мотивации. Должностное лицо предает интересы службы, государственной и иной, ради своего экономического положения, проще говоря, проводит капитализацию своих полномочий в иной форме. Да, возможно, это нельзя признать актом отношений купли-продажи, однако оно соответствует рыночному поведению экономического агента.

Таким образом, итоговым результатом будет предложение дефиниции коррупции как сложной социальной формы злоупотребления государственной и иной властью путем того или иного вида капитализации властных полномочий с целью получения личной выгоды каким-либо официально уполномоченным лицом.

Литература:

1. Конвенция ООН против коррупции. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 12.12.2018).
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
3. Борзенков Г. Н. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник МГУ. Сер. 11. — 2016. — № 1. — С. 12–16.
4. Волженкин Б. В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2015. — 143 с.
5. Воронин Б. А., Митин А. Н. Понятие, сущность коррупции и ее проявление в аграрной и иных сферах экономики // Аграрное и земельное право. — 2016. — № 7 (139). — С. 8–12.
6. Гринько С. Д. Квалификация взяточничества // Закон и право. — 2013. — № 2. — С. 45–48.
7. Дамаскин О. В. Коррупция: состояние, причины, противодействие: Монография. М.: Триумфальная арка, 2015. — 123 с.
8. Закомолдин Р. В. Коррупция в сфере военной службы: состояние и структура // Военно-юридический журнал. — 2018. — № 8. — С. 12–16.
9. Криминология: учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Долговой. М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М., 2018. — 564 с.

10. Комиссаров В. С. Уголовно-правовые аспекты борьбы с коррупцией // Вестник МГУ. Сер. 11. — 2017. — № 1. С. 12–17.
11. Корякин В. М. Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия: Монография. М.: За права военнослужащих, 2016. — 265 с.
12. Криминология: учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Долговой. М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М., 2017. — 523 с.
13. Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: Научно-практическое пособие. М.: Норма, Инфра-М, 2017. — 267 с.
14. Кузнецова Н. Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник МГУ. Сер. 11. 2017. — № 1. — С. 21–26.
15. Куракин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации: Автореф. дис... д.ю.н. Люберцы, 2016. — 123 с.
16. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: НОРМА, 2015. — 76 с.
17. Максимов В. К. Понятие коррупции (криминологический аспект) и меры ее предупреждения в государственном аппарате: Дис... к.ю.н. М., 2015. — 231 с.
18. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. 3-е изд. М.: Дело АНХ, 2018. — 654 с.
19. Нисневич Ю. А. Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003–2012 годах. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2018. — 127 с.
20. Плохов С. В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере: Автореф. дис... канд. юрид. наук / С. В. Плохов. Саратов, 2017. — 216 с.
21. Поляков М. М. Административно-правовые способы предупреждения коррупционных правонарушений: Автореф. дис... к.ю.н. М., 2017. С. 10–15.
22. Прокументов Л. М. К понятию «коррупция» в российском уголовном законодательстве // Современное состояние и проблемы развития российского законодательства: материалы регион. науч.—практич. конф. / отв. ред. И. Ю. Остапович. Горно-Алтайск, 2018. — 112 с.
23. Татуев А. А., Бородин А. И., Шаш Н. Н. Феномен современной коррупции и факторы формирования коррупционных услуг в государственном секторе // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2015. — № 21 (255). — С. 3–10.
24. Халяпин В. В., Шахворостов Г. И. Анализ методов противодействия коррупции в государственных органах // Регион: Государственное и муниципальное управление. — 2015. — № 3 (03). — С. 15–19.
25. Шалагин А. Е., Кабиров Д. Э. Приоритетные направления предупреждения коррупционной преступности на современном этапе // Уголовное право и криминология. — 2015. — № 1 (19). — С. 63–65.
26. Шинкевич В. Е. Феномен коррупции как социального явления: к проблеме осмысления // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и терроризмом в России на современном этапе. Красноярск, 2018. — 54 с.
27. Щедрин Н. В. О законодательном определении коррупции // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и терроризмом в России на современном этапе: сборник материалов методологического семинара / отв. ред. Д. Д. Невирко; Сибирский юридический институт МВД России. Красноярск, 2017. — 168 с.

Формы участия граждан в местном самоуправлении в России

Антонец Дарья Дмитриевна, студент магистратуры

Балтийский государственный технический университет «Военмех» имени Д. Ф. Устинова (г. Санкт-Петербург)

Местное самоуправление является одним из основополагающих принципов осуществления публичной власти. Этот принцип прописан как один из главных элементов конституционного строя Российской Федерации, посредством которого должно осуществляться народовластие на местном уровне. Местное самоуправление, являясь одновременно и институтом народовластия, и самостоятельным уровнем публичной власти, наиболее

приближенным к населению, призвано играть роль одной из гарантий подлинной демократии в стране.

Изучение местного самоуправления как институт народовластия является актуальной проблематикой, которая обусловлена противоречивым развитием современного общества. В наши дни определены два основных суждения, которые определяются повседневной практикой: коллективистский, относящийся к сохранению

устоявшихся форм совместной деятельности, и либеральный, обращающий внимание на ценности индивидуальной свободы, свободы личности. Развивающееся российское общество находится под влиянием этих двух разных направленностей в процессе взаимодействия индивида, общества и государства. В некотором роде, преобладание материальных ценностей, благополучие каждого индивида является обязательным свойством современного «общества потребления», в противовес этому присутствует потребность в использовании потенциала объединения в целях полного функционирования государства как важнейшее условие успешной социализации, адаптации и распознавания индивида как гражданина страны.

В настоящее время деятельность самоуправления на местном уровне выражается в следующих моментах: во-первых, это политическая деятельность, которая отражается в участии в распределении власти и борьбе за нее; во-вторых, она сфокусирована на представительство и защиту интересов народа и нацелена на нормализацию социально-политических процессов согласно этим интересам; в-третьих, принятие участия в социально-политической деятельности обуславливается актуальными требованиями к жизни каждого жителя и местного общества в целом. Данные аспекты дают возможности рассматривать члена сообщества в качестве субъекта управления и в тоже время принимать во внимание, что действие каждого человека играет важную роль, так как оно является частью системой общественных взаимоотношений и неотъемлемым элементом групповой деятельности [1].

Важно отметить, что участие населения в местном самоуправлении повышает качество демократического управления. Предполагается, что уровень компетентности типично типичного гражданина по вопросам местного значения выше, чем по вопросам, разрешенным властями более высоких уровней. Соответственно, в рамках местного самоуправления можно добиться максимального участия населения в управлении. Гражданское участие важно не только как фактор законности власти и совершенствования управления, а самоуправление способствует проявлению разных способностей людей. Участие имеет потенциал для развития патриотизма и формирования государственной и гражданской идентичности. Кроме того, он может улучшать жизнь граждан различными способами.

Вне формальных институтов управления добровольные и некоммерческие организации, которые частично поддерживаются пожертвованиями и участием отдельных лиц, предоставляют очень широкий спектр льгот и услуг, которые не могут быть предоставлены ни государством, ни рынком. Имеются данные о том, что более высокий уровень гражданской активности, особенно активное членство в группах и включение в социальные сети, приводит к большему удовлетворению людей качеством как своей личной жизни, так и жизни сообщества. Поэтому мобилизация потенциала естественной солидарности и разнообразного гражданского опыта способствует повышению

эффективности системы регулирования социальных отношений и стабильности общественного развития государства.

Согласно ст. 130 Конституции РФ местное самоуправление осуществляется гражданами в различных организационных формах, которые в совокупности образуют единую систему местного самоуправления в рамках соответствующих муниципальных образований, посредством которой обеспечивается решение вопросов местного значения. Федеральный закон 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепляют несколько групп организационных форм, посредством которых осуществляется местное самоуправление в Российской Федерации [2].

В первую группу входят формы прямого выражения воли, понимаемые как непосредственная реализация власти людьми, различные формы принятия гражданами решений государственного, регионального и местного характера. К ним относятся муниципальные выборы, местный референдум, сбор граждан, инициатива по инициативе людей, граждане, обращающиеся в местные органы власти, публичные слушания, опросы общественного мнения и т.д. Эти формы представляют собой различные общественные практики поведения, связанные с включением в официальный социально-политический диалог.

Наиболее популярными среди них являются муниципальные выборы и призывы граждан к органам местного самоуправления, но другие довольно редки в самоуправлении, поэтому их вряд ли можно считать эффективными механизмами для выражения воли населения. Несмотря на то, что граждане во многих отношениях позитивно оценивают результаты своей деятельности в рамках этих форм, это не определяет все разнообразие деятельности самоуправлений граждан. Кроме того, они эпизодичны, что усложняет процесс повседневного взаимодействия местного самоуправления с населением муниципалитета. Причинами отсутствия спроса на эти формы являются высокий уровень недоверия к местным чиновникам, партийным политикам и сотрудникам некоммерческих организаций. Основной идеей является преобладание корпоративных интересов в деятельности этих представителей социально-политической элиты, отчуждение этих людей от населения местной территории.

Вторая группа организационных форм — это ежедневная практика участия граждан в делах местного общества. К сожалению, теоретическое и юридическое исследование было получено только по форме ТОС (территориальное общественное самоуправление). Определяя эффективность различных практик, стоит отметить, что, если социальная проблема возрастает, что повышает значительную численность населения и имеет большой потенциал протеста, а также входит в компетенцию местного самоуправления, тогда их эффективный

потенциал очень высокий. В то же время для достижения положительного результата необходимо, чтобы решение проблемы никоим образом не затрагивало «фундаментальные вопросы», не угрожало сужением полномочий властей, не противоречило прямым экономическим интересам определенных представителей местной политической элиты.

Таким образом, проблема достижения социальной помощи, сохранения культурного наследия, поддержания общественного порядка, ухода за подрастающим поколением, творческого саморазвития чаще всего является предметом деятельности гражданских активистов в рамках практики повседневного участия. Гражданское участие здесь часто стимулируется недостатками работы муниципальных служб, особенно в сфере ЖКХ. Это участие является вынужденным, оно сопровождается недовольством работой местных властей, но в то же время создает чувство ответственности за положение дел в городе, местный патриотизм. Однако нельзя сказать, что ситуационная деятельность ведет к более широкому, систематическому гражданскому участию. Такое преобразование — это особый процесс, который стимулируется внутренними намерениями человека, влиянием окружающей социальной среды, успехом предыдущего опыта и социальной компетентностью.

Третья группа организационных форм местного самоуправления составляют выборные и другие органы местного самоуправления, которые формируются населением и перед которыми они несут ответственность за надлежащее осуществление своих полномочий. Основная социальная функция органов местного самоуправления, помимо управления муниципальным образованием и создания необходимых условий для нормальной жизни людей, заключается в обеспечении условий для проявления социальной активности граждан.

Процесс взаимодействия с властями приводит к формированию определенных критериев субъективности. Граждане формируют свою повестку дня или включают в существующие публичные структуры или создают их заново. Более того, существующие противоречия по различным вопросам с местными органами власти часто приводят к более четкому определению целей и стратегий их достижения, разработке процедур для решения конкретных проблемных ситуаций. Для такого рода деятельности необходима определенная степень свободы.

Свобода как отсутствие принуждения заключается в том, что граждане имеют право, а не обязательство участвовать в местном самоуправлении, выбирать в соответствии с их ценностными ориентациями какую-либо деятельность и участие в соответствующих общественных объединениях или партиях, свободно выбирать их представителей в местные органы власти. Важным проявлением свободы на уровне местного самоуправления заключается в свободе выбора вариантов решений, связанных с последующей ответственностью за последствия их реализации. В этих условиях необходимо создать соответ-

ствующие условия для местных властей. Прежде всего, мы говорим о признании гражданами местной политики, проводимой властями как прозрачной, открытой, направленной на диалог и сотрудничество. Органы местного самоуправления должны продемонстрировать населению их реальную возможность напрямую влиять на принятие решений.

Проблема повышения эффективности местного самоуправления в России всегда была актуальной. И сегодня эта проблема остается одной из самых острых, несмотря на долгосрочный процесс реформирования этого института общественной власти. Трансформации касались главным образом отношений между центральными, региональными и местными органами власти и мало учитывали такие факторы, как участие граждан в осуществлении местного самоуправления. Между тем, гражданское участие должно стать основным фактором в оценке эффективности местного самоуправления.

Современная система государственного управления невозможна без развитого местного самоуправления, не столько против государственной власти, сколько эффективного выполнения своих функций в активном взаимодействии с государственными и общественными институтами. Местное самоуправление как форма демократии в некотором смысле «освобождает» государственную администрацию от оперативного решения различных многочисленных, но «малых» проблем — локальных по своему содержанию, менее актуальных для государственного или международного уровня [3].

Также уровень местных общин, члены которых ценят местное самоуправление с точки зрения удовлетворения их интересов, важен. Таким образом, эффективность местного самоуправления представляется сложной проблемой, включающей вопросы принятия управленческих решений, политической автономии и гражданского участия.

На государственном уровне узкое понимание эффективности местного самоуправления становится приоритетом, в ущерб развитию местной автономии и местной демократии. Это проявляется в распространении практики назначения руководителей местных администраций и усиления административного контроля со стороны государственных органов. Однако эффективность местного самоуправления невозможна без развитой местной демократии и автономии. В свою очередь, она является главным аргументом в пользу развития децентрализованных форм управления, признания местного самоуправления, как более высокого уровня управления и населения.

Для многих россиян очевидно несоответствие между масштабами и сложностью задач, стоящих перед местным населением, а также полномочий и ресурсов, доступных местным властям. Граждане в первую очередь обеспокоены снижением уровня жизни (низкая заработная плата, пенсии, рост цен на жилье и коммунальные услуги, инфляция), безработица, низкое качество государственных услуг, распространение негативных явлений

в обществе (коррупция, преступность, алкоголизм, наркотика зависимость). В представлении граждан ответственность за решение этих проблем традиционно лежит на государстве, но сегодня она разделена между различными уровнями. Те, кто более дифференцированно подходят к определению роли местных органов власти, чаще всего связаны со сферой своей ответственности ростом цен на жилищно-коммунальные услуги, низкой заработной платой и пенсиями, безработицей, плохими дорожными условиями. Большая часть несоответствий между объемом ответственности и ограниченными ресурсами характерна для сельских районов, а также для субсидируемых муниципалитетов и регионов, жители которых представляют только потенциальную эффективность местного самоуправления.

Разнообразие и сложность проблем, существующих на территории конкретного муниципального образования, специфичность их восприятия жителями, безусловно, сказывается на уровне социальной активности. Однако возникновение проблемы (или осознание ее большинством населения) не является достаточным условием возникновения социальной активности. Уровень активности населения для решения вопросов местного значения определяется целым комплексом различных факторов: политических, экономических, демографических, культурных и психологических.

Оценка эффективности местного самоуправления — это результаты мониторинга деятельности местного самоуправления и социологического опроса жителей муниципалитетов. Мониторинг позволяет выявлять «слабые места» в развитии муниципалитетов и корректировать как региональную социально-экономическую политику (в том числе принципы построения межбюджетных отношений), так и социально-экономическую, преимущественно бюджетную политику местного самоуправления. В свою очередь, окончательный рейтинг — это прежде всего инструмент влияния высшей власти на руководство муниципалитетами. Положительная ценность мониторинга заключается в способности отслеживать динамику и оценивать муниципалитеты и регионы [4].

Однако это не решает проблему участия граждан в местном самоуправлении. Повышение эффективности все еще находится в сфере контроля над высшими органами власти и получения государственных субсидий для развития муниципалитета. В то же время местные жители могут использовать информацию мониторинга, чтобы сравнить эффективность своего местного правительства с другими, проанализировать взаимосвязь между программами финансирования и достигнутыми результатами и даже принять участие в формировании набора показателей и определении целей. Повышение эффективности местного самоуправления также ограничено значительной дифференциацией муниципалитетов с точки зрения социально-экономического развития. Несмотря на то, что самодостаточность муниципалитетов и регионов, использование внутренних ресурсов для жиз-

необеспечения и развития территорий является одной из основных целей государства, дифференциация между муниципалитетами в пределах одного региона может отличаться несколькими показателями в десятки раз.

Повышение эффективности местного самоуправления, формирование позитивного имиджа и достижение высокой оценки деятельности органов местного самоуправления являются взаимосвязанными задачами. Решение этих задач невозможно только благодаря усилению государственного контроля и регулирования сферы предоставления государственных услуг. Несомненно, «упорядочение» на местах является важной областью деятельности государства, но оно должно скорее относиться к соблюдению верховенства закона и не должно заменять право местного сообщества осуществлять местное самоуправление. Поскольку местное самоуправление подразумевает совпадение субъекта и объекта управления, то есть участие местного населения в решении всех связанных с ними вопросов, оценка его эффективности, в первую очередь, зависит от степени участия граждан в решении локальных проблем [5].

Активное участие граждан, их энтузиазм, способствуют улучшению ситуации в муниципалитетах. Но есть ряд проблем, которые препятствуют активному участию населения в решении вопросов местного значения. Это недостаток знаний, некомпетентность, отсутствие веры в способность влиять на решения, недоверие к местному правительству, а иногда и просто безразличие к общему бизнесу.

Сегодня население не имеет опыта реализации возможностей самоуправления, предоставляемых ему федеральным законодательством, в первую очередь для удовлетворения своей личной заинтересованности. Для этого необходимо накапливать положительный опыт самоуправления в каждом муниципалитете. Без развития такого позитивного опыта интерес к самоуправлению не возникает. Органы местного самоуправления должны проводить постоянную работу, направленную на повышение интереса населения к жизни территории, в том числе в развитии муниципального образования. Для этого необходимо создать условия для участия общественности в разработке, принятии и реализации решений; организует специальные семинары и тренинги в муниципалитетах, которые стимулируют появление групп муниципальных активистов; работать с молодежью, разрабатывать специальные молодежные программы; развивать детские общественные организации и ассоциации и т.д. [6].

Можно сделать вывод, что граждане имеют большие права и возможности для осуществления местного самоуправления. Парадокс заключается в том, что большинство граждан даже не подозревают об их возможностях управлять городом, о денежных потоках и возможности улучшить условия жизни. Таким образом, необходимо совершенствовать систему общественных слушаний, разрабатывать эффективный механизм участия граждан в определенных процессах.

Для повышения степени участия населения в местном самоуправлении необходимо планировать и осуществлять ряд согласованных мер со стороны государственных и муниципальных органов власти при активном участии граждан в этом процессе. В то же время особое внимание следует уделить повышению важности, общественного признания и уважения к работе общественных инициативных органов как со стороны населения, так и со стороны государственных чиновников и органов местного самоуправления.

Местное самоуправление может стать жизненно важной формой популяризации, принадлежащей им власти, когда идея ее организации становится понятной

для общественности, и каждый находит приемлемые формы участия в этом процессе. Можно сделать вывод, что местные власти должны обратить внимание на серьезную работу среди населения по разъяснению сути местного самоуправления, формированию основы для информированного участия населения в осуществлении местного самоуправления, созданию условий для осуществления прав граждан на самоуправление, ценности. Повышение эффективности местного самоуправления, формирование позитивного имиджа и достижение высокой оценки деятельности органов местного самоуправления являются взаимосвязанными задачами.

Литература:

1. Е. Н. Гоголева, Е. И. Самарцева; «Формы участия граждан в местном самоуправлении в России: востребованность и эффективность»; Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015 г.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ)
3. Федеральный закон от 06.10.2003 N131-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
4. Шаповалов А. А. Участие населения в местном самоуправлении: иностранные тренды и российская практика // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 3
5. Огнева В. В., Ильин В. И. Управленческий механизм в реализации форм консультативной демократии в системе местного самоуправления // Среднерусский вестник общественных наук. — 2016; № 6
6. Зорин А. Ю. Актуальные проблемы низкой популярности основных форм (моделей) взаимодействия населения с органами местного самоуправления Студенческий: электрон. научн. журн. 2018. № 2(22). 7. Муниципальное право России: учебник / коллектив авторов; отв. ред. В. В. Комарова. — Москва: КНОРУС, 2017.

Понятие местного самоуправления в Российской Федерации

Антонец Дарья Дмитриевна, студент магистратуры

Балтийский государственный технический университет «Военмех» имени Д. Ф. Устинова (г. Санкт-Петербург)

Определение «местное самоуправление» в отечественной науке муниципального права не имеет единой интерпретации, которую разделили бы все ученые. Существует несколько традиционных подходов к определению характера местного самоуправления. По мнению некоторых ученых, основой этого определения является социальное самостоятельное начало. Другая группа юристов настаивает на том, что местное самоуправление является частью государственного аппарата. Существует мнение, что местное самоуправление объединяет как государственные, так и общественные функции, являясь независимым уровнем государственной власти. Местное самоуправление следует рассматривать как нижний уровень государственной власти в государстве. При осуществлении своих полномочий он не должен нарушать рамки, определенные законом, его функционирование не может противоречить государственной власти [1].

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года не содержит определения местного самоуправления, но на конституционном уровне закрепляет право населения на местное самоуправление и признает его как одну из основ конституционной системы. В соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» местное самоуправление является одной из форм осуществления народами своей власти, обеспечивающей в пределах, установленных Конституцией, федеральным законодательством, а также в установленных случаях законами субъектов Российской Федерации, независимыми и находящимися под его ответственностью, самостоятельное и под свою ответственность решение местного населения непосредственно и (или) через органы местного самоуправления по местным вопросам с учетом интересов населения и местных традиций [2].

Местное самоуправление можно рассматривать как:

- 1) одна из основ конституционного строя;
- 2) элемент правового статуса гражданина;
- 3) форма демократии.

Как основа конституционного строя местное самоуправление является самым важным институтом, который в значительной степени определяет российское государство как демократическое и правовое. Конституция о местном самоуправлении говорит в связи с осуществлением людьми своей власти, распространением форм собственности. В то же время подчеркивается роль самоуправления в общем механизме социального управления. Учитывая, что эти правила имеют особую юридическую силу, законодатель должен руководствоваться ими при изменении или дополнении Конституции. В соответствии с Конституцией Российской Федерации единственным источником власти в Российской Федерации является народ (единый источник власти — один). Формы реализации власти различны. Власть народа осуществляется непосредственно, а также через государственные органы и органы местного самоуправления.

Органы государственной власти должны оказывать регулирующее влияние на местное самоуправление, в частности путем выявления основных фундаментальных параметров институциональных механизмов муниципального управления и отношений между его элементами, что обусловлено конституционно-правовым характером местного самоуправления как одного из уровней публичной власти, наиболее близкого к общественности, с учетом необходимости достижения с участием местного самоуправления целей конституционного развития России. В свою очередь, права и обязанности местного самоуправления, деятельность его органов и должностных лиц должны соответствовать Конституции, а также созданным на основании ее законам и другим нормативным правовым актам.

Согласно этому, структура органов местного самоуправления должна определяться населением не в произвольном порядке, а в рамках общих принципов организации органов местного самоуправления, установленных федеральным законом, в т.ч. касающиеся форм осуществления местного самоуправления, процедур формирования муниципальных органов власти, их полномочий и т.д. В то же время законодательное регулирование вопросов местного самоуправления должно соответствовать требованиям Конституции Российской Федерации, а также общепризнанным принципам и нормам международного права и обеспечивать уважение и защиту права на осуществление местного самоуправления, наряду с другими непосредственно действующими правами гражданина, которые определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

Право гражданина на осуществление местного самоуправления включает в себя широкий круг возможностей для участия в решении местных проблем. Итак, наиболее важными являются права: принимать участие в местном

референдуме; избирать и быть избранными в органы местного самоуправления; поступать на муниципальную службу; взаимодействовать с органами местного самоуправления. В осуществление местного самоуправления входят и другие права граждан:

1) индивидуальные (применяются к каждому гражданину и осуществляется отдельными членами местного общества независимо от других членов), например, право на поступление на муниципальную службу;

2) коллективные (производятся путем коллективных действий членов местного сообщества). Например, право на законодательную инициативу, право принимать решения по местным вопросам, право создавать органы местного самоуправления.

Таким образом, местное самоуправление осуществляется гражданами посредством референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления. Именно эти формы осуществляют независимость в решении локальных проблем.

В наши дни в России по-прежнему проводятся реформы в области местного самоуправления. Для современной России система органов местного самоуправления необходима для экономики, и если это взаимодействие произойдет, тогда они смогут помочь государству в проведении экономических реформ и выполнении возложенных на них социальных функций. Основой современной модели местного самоуправления являются органы местного самоуправления, которые не только самостоятельно поддерживают деятельность широкого спектра экономических и социальных услуг, но также используются как объект и проводник социально-экономической политики федеральных органов власти и органов субъектов Российской Федерации. Все это делает местное самоуправление неотъемлемой частью всего государственного аппарата.

Одним из важнейших показателей при определении значимости местных органов власти является тот факт, что значительная часть муниципальных работников работает на этом уровне управления. Органы местного самоуправления подразделяются на органы общей компетенции, то есть местные органы власти, которые имеют полномочия выполнять многие функции и решать различные вопросы местного значения, а также специальные органы компетенции (отраслевые, функциональные), созданные для выполнения любого или больше функций. Одной из главных особенностей модели местного самоуправления является ответственность представительных органов, руководителей местного самоуправления, в первую очередь, перед населением.

Принцип ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением направлен на обеспечение:

1. Эффективности решения местных задач, возложенных на муниципальные власти;
2. Учета и защиты интересов населения муниципалитетов в деятельности местного самоуправления;

3. Тесное взаимодействие с органами и должностными лицами местного самоуправления.

Основанием для начала ответственности в соответствии с законодательством является утрата доверия народа. Порядок и условия ответственности перед населением определяются уставами муниципалитетов. Население может выразить свое недоверие органам, должностным лицам местного самоуправления через формы прямого выражения воли граждан, например референдум или отзыв официального лица [3].

В уставах муниципалитетов конкретно указывается, что эффективное управление муниципальной собственностью осуществляется органами местного самоуправления. Они имеют право осуществлять любые сделки с муниципальной собственностью, регулировать условия использования муниципальной собственности и приватизировать муниципальную собственность. Закон обеспечивает местным органам власти право создавать предприятия, учреждения и организации для осуществления экономической деятельности.

Еще одной гарантией минимальной финансовой основы является то, что федеральные государственные органы, государственные органы субъектов в соответствии с законодательством обеспечивают муниципальное образование минимальными местными бюджетами путем установления источников доходов для покрытия минимально необходимых бюджетов. В соответствии с Конституцией Российской Федерации органы местного самоуправления имеют право самостоятельно формировать, утверждать и выполнять местный бюджет, что еще раз подтверждает финансовую независимость местного самоуправления.

В настоящее время глобальная тенденция заключается в участии местных органов власти в осуществлении государственных полномочий. Это объясняется тем, что более целесообразно решать большинство вопросов на местах. В свою очередь, такое утверждение о взаимоотношениях между органами местного самоуправления и государственными органами ведет к децентрализации управления и обеспечивает равноправное участие этих органов в решении региональных государственных проблем. Хотя о полном равенстве между местными и государственными органами говорить нельзя, поскольку государственные органы осуществляют контроль за исполнением некоторых полномочий органов местного самоуправления. Причем основная задача этих органов заключается в пополнении доходов местных бюджетов и рациональном использовании бюджетных ресурсов.

Особенностью модели местного самоуправления в России является вопрос ее природы. Таким образом, для оптимальной модели местного самоуправления характерно множество признаков. Эти особенности являются основными и позволяют говорить о единой модели местного самоуправления в государстве с различными организационными формами в различных муниципалитетах. Поэтому новая оптимальная модель местного самоуправления может быть сформирована только в том случае,

если обеспечивается комплексная реализация этих характеристик.

В последние годы принимаются решения об улучшении эффективности местного самоуправления. Их можно разделить на несколько этапов:

1) совершенствование вопросов территориальной организации местного самоуправления;

2) оптимизации разграничения полномочий, материальных и финансовых ресурсов между уровнями власти недостаточно.

Устойчивые темпы экономического роста, модернизации экономики могут быть достигнуты только при активном участии субъектов Российской Федерации и муниципалитетов. Органы местного самоуправления должны иметь больше полномочий для формирования инвестиционного климата и решения социально-экономических проблем в местных районах. Поэтому им нужна соответствующая государственная власть и финансовая база.

В настоящее время большинство субъектов приняли законы, регулирующие некоторые вопросы, касающиеся обладания местными органами власти отдельными государственными полномочиями. Законодательство не предусматривает ограничений либо на количество государственных полномочий, переданных одному муниципальному органу, либо на условия, с которыми должно быть связано решение о делегировании полномочий в конкретных случаях [4].

Федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов обязаны осуществлять контроль за выполнением определенных государственных полномочий, переданных им органами местного самоуправления в порядке, установленном законом. Органы местного самоуправления обязаны исполнять определенные государственные полномочия, переданные им в порядке, установленном законом.

Однако несоответствие между федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации, которые предусматривают выделение определенных государственных полномочий органам местного самоуправления, требованиям закона, является основанием для отказа в осуществлении этих полномочий. Органы местного самоуправления несут ответственность за осуществление определенных государственных полномочий в пределах материальных ресурсов и финансовых ресурсов, выделяемых муниципальным образованиям для этих целей.

Таким образом, представляется целесообразным законодательно установить отдельные государственные полномочия, регулировать порядок и пределы предоставления органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Передача государственных полномочий должна быть такова, что местное самоуправление не может заменить государственную власть и исказить характер местного самоуправления, государственные полномочия, переданные органам мест-

ного самоуправления, не должны создавать препятствий для разрешения эти вопросы местными властями.

Поскольку местное самоуправление представляет собой уровень государственной власти, независимого политико-территориального образования, при определении его компетенции необходимо исходить из социального, территориального, экономического состояния соответствующей территории. Соответственно, это должно определяться в рамках компетенции конкретного муниципального образования, характеристики которого определяются всеми основными параметрами содержания компетенции. При определении компетенции муниципального образования, в первую очередь, следует исходить из числа его населения, демографической структуры, природных и географических и экономических ресурсов, а также объема финансовых ресурсов, которые может иметь данный муниципальный орган для реализации его компетенции. Таким образом, основным критерием для распределения сферы полномочий органов местного самоуправления должна быть максимальная эффективность решения на муниципальном уровне определенного круга социально значимых вопросов с учетом мобилизации местных ресурсов, которые не видны от государственного уровня — человеческих, географического, природных и т.д.

С точки зрения системного подхода, большое значение имеет адекватность организационной структуры (типы органов местного самоуправления, их внутренняя структура, численность персонала, квалификация муниципальных служащих) и содержание компетенции муниципалитета. При этом необходимо учитывать уровень системы, взаимозависимость всех этих элементов.

Местное самоуправление как субъект собственной компетенции может быть определено как особый уровень государственного управления, наделенный полномочиями по обеспечению наиболее эффективного решения местных вопросов, а также отдельных государственных полномочий непосредственно населением или местными

органами власти и должностными лицами в рамках муниципалитет. К сожалению, действующее законодательство сознательно отказывается дать местному сообществу статус полноправного субъекта управленческих отношений, предпочитая официально заявить о принципе независимости этого уровня власти как формы власти народа. Начало процесса переосмысления текущей ситуации не выходит за рамки научных исследований и обладает скорее концептуальным характером, чем практичным [5].

Чтобы разрешить существующие противоречия, систематический обзор существующих властных отношений требуется проводить путем последовательного движения к разумной децентрализации, что подразумевает четкое распределение компетенций между тремя уровнями государственной власти (федерация, регион, местное самоуправление) и соответствующим разграничением государственной собственности. Децентрализация значительно усилит баланс уровней власти и повысит мотивацию для эффективного решения государственных дел местными органами власти. Приоритетными направлениями государственной политики должны быть сокращение административных расходов, улучшение баланса административной системы.

Только в случае радикальной реформы всей системы государственного управления, основанной на принципе разумной децентрализации власти, можно обеспечить фактическую независимость местного самоуправления в пределах своей компетенции. Государственная вертикаль власти должна быть ограничена уровнем субъекта Российской Федерации и на определенных территориях по уровню района. Соответственно, местному самоуправлению в поселениях и городских районах должны быть предоставлены гарантии реальной автономии. Таким образом, местное самоуправление фактически отделяется от уровня государственной власти и приобретает свойства независимого политического и социального феномена, который реализует интересы местного сообщества.

Литература:

1. Ашинов Р.Н. Местное самоуправление в Российской Федерации // Наука и образование сегодня № 3 (4), 2016 г.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ)
3. Федеральный закон от 06.10.2003 N131-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
4. Реброва Т. П., Алямкин С. Н. К вопросу о понятии местного самоуправления в науке и законодательстве // Мир науки и образования. № 1 2016.
5. Дунаева Н. С. Современное состояние институтов местного самоуправления: свежий взгляд на проблемы // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 10.

Идеологический аспект проблемы эффективного управления земельными ресурсами в России на современном этапе

Беленко Дмитрий Геннадьевич, студент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

В статье рассматриваются проблемы управления земельными ресурсами в России на современном этапе в связке с общественными процессами. Выдвинуты предположения о связи общественных процессов с положениями Конституции РФ. Даны рекомендации по преодолению проблемных вопросов.

Ключевые слова: земельные ресурсы, система управления, эффективное управление, кадастр недвижимости, землеустройство, мониторинг земель, земельный контроль, законодательство, идеология, российское общество.

The ideological aspect of the problem of effective management of land resources in Russia at the present stage

The article deals with the problems of land management in Russia at the present stage in conjunction with social processes. Assumptions about connection of social processes with provisions of the Constitution of the Russian Federation are put forward. Recommendations are given to overcome the problematic issues.

Keywords: land resources, management system, effective management, real estate cadastre, land management, land monitoring, land control, legislation, ideology, Russian society.

Земля является богатством и достоянием нашей страны. Россия обладает колоссальными земельными ресурсами, которые при этом используются недостаточно эффективно. Как «заставить» землю «работать» на человека и повысить уровень жизни россиян? Как при этом рационально использовать земельные ресурсы и не допустить их истощения? Над вопросами эффективного управления земельными ресурсами размышляли многие отечественные авторитетные исследователи. Одним из главных условий эффективного управления земельными ресурсами выступает наличие сбалансированной системы управления. [4, с. 43–44]

Основными методами управления земельными ресурсами являются землеустройство, кадастр недвижимости, мониторинг и земельный контроль. [4, с. 94] В совокупности эти методы позволяют установить в обществе слаженную систему управления земельными ресурсами, приносящую как экономический эффект, так и способствующую бережному отношению к земле:

1) кадастр недвижимости производит учет, хранение и оценку, тем самым гарантирует права землевладельцев, способствуя развитию цивилизованного оборота земли, предоставляет информацию об объектах недвижимости для различных целей, помогает государству в выполнении фискальной функции в отношении недвижимого имущества;

2) землеустройство, используя базу научных знаний, создает организационно-территориальную основу для эффективного использования земельных ресурсов, непосредственно взаимодействуя с объектами землеустройства с использованием геодезии, картографии, почвоведения, геоботаники, экономики и др.;

3) мониторинг позволяет отслеживать состояние земельных ресурсов для своевременного реагирования;

4) земельный контроль призван предотвращать и пресекать нарушения земельного законодательства, привлекать нарушителей к ответственности, тем самым способствуя профилактике правонарушений.

Эти методы управления могут быть эффективно использованы в системе управления земельными ресурсами при условии отсутствия серьезных противоречий внутри системы, а также при наличии благоприятных внешних условий, например, в виде отточенной нормативно-правовой базы.

Многие авторитетные отечественные исследователи, как Сергей Николаевич Волков, ректор Государственного университета по землеустройству, академик Россельхозакадемии, профессор, указывают в своих работах на наличие множественных проблем в современной системе управления земельными ресурсами нашей страны. Это и свертывание землеустроительных работ по изучению, охране, освоению и улучшению земель, недостаток их финансирования, это и нарушение земель, деградация земель, вывод сельскохозяйственных земель из оборота, перевод земель сельскохозяйственного назначения в другие категории, это и отсутствие возможности у многих граждан и юридических лиц, имеющих в собственности земельные участки, реализовать свои имущественные права вследствие отсутствия документов о регистрации права и межевания, и многое другое. [3, с. 6–8; 5, с. 6–7]

Кадастр недвижимости также имеет массу недостатков, главным из которых является его фрагментарность. Наполняемость кадастра напрямую зависит от зем-

леустройства, но поскольку землеустройство свернуто, то в настоящий момент сведения в кадастр поступают только по заявительному принципу. [2, с. 93–95]

Также исследователями отмечается наличие недостатков в российском законодательстве в области регулирования земельных отношений. В частности, указывается на необоснованность исключения из федерального закона № 78-ФЗ «О землеустройстве» положений, касающихся обязательного проведения землеустройства при определении границ ограниченных в использовании частей объектов землеустройства, при перераспределении земель, используемых гражданами и юридическими лицами для осуществления сельскохозяйственного производства, при предоставлении и изъятии земель и пр. [3, с. 9]

Принимая во внимание всю совокупность приведенных выше фактов, можно сделать вывод о присутствии некоторой системности в проблемах, связанных с управлением земельными отношениями и недостатками в законодательстве.

Российское общество переживает не лучшие времена. Налицо социальное расслоение, конфронтация, отчуждение, экономическая нестабильность и постепенное снижение благосостояния большой массы населения, вызывающее процессы миграции. Как социальная система, российское общество нуждается в объединении усилий для достижения лучшего положения. Части социальной системы должны установить тесные взаимосвязи друг с другом, направив общие усилия на преобразование и преодоление противоречий. Но на данный момент складывается ощущение пробежавшей «черной кошки» между элементами социальной системы российского общества.

Для успешного развития любого общества в центре должна находиться некоторая идеология, выражающая интересы данного общества. Эта идеология должна приниматься большинством. Идеология представляет собой основу духовных, творческих сил людей, принимающих ее или следующих ей. На этой основе каждый человек в от-

дельности и общество в целом способно эффективно решать насущные проблемы. Единство идеологии объединяет общество. [6, с. 16]

Если мы откроем основной закон Российской Федерации — Конституцию от 12.12.1993 г., то в статье 13 пункте 2 прочтем, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. [1]

Таким образом, если на уровне государства не вырабатано никакой идеологии, более того, никакая идеология не может быть установлена в качестве государственной, т.е. обязательной в первую очередь для участников государственной системы — чиновников, то государство будет представлять собой систему с плохо взаимодействующими составляющими. Результаты работы такой системы нам очень хорошо известны: коррупция, казнокрадство, использование полномочий в личных целях и т.д. Разрозненные части системы замыкаются на самих себя и начинают обслуживать собственные интересы.

Если отбросить влияние противоборствующих сил, тех самых «черных кошек», то нашему обществу действительно не хватает объединяющей идеи для аккумуляции общих усилий в едином направлении. Это способствовало бы и изменению законодательства, привнесению в нормативные акты положений, способствующих их эффективному применению для общего блага, и изменило бы отношение каждого члена общества друг к другу и к своему Отечеству, своему достоянию, главным из которых по праву считается земля.

Исследователи предупреждают о скорых возможных необратимых изменениях в структуре земельного фонда нашей страны, связанных с недостаточно уделяемым вниманием проблемам земельных отношений. [3; 5] Принятие на государственном уровне позитивной идеологии развития в интересах большинства населения России принесет не только социальный и экономический эффект, но также будет способствовать становлению эффективной системы управления земельными ресурсами.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информационно-правового портала «Гарант». <http://constitution.garant.ru>.
2. Аксёнова Е. Г., Гаранова М. В. Актуальные проблемы землеустройства и кадастра // Экономика и экология территориальных образований. 2017. № 1. С. 93–95.
3. Волков С. Н. Концепция управления земельными ресурсами и землеустройства сельских территорий в Российской Федерации // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2013. № 11. С. 6–9.
4. Варламов А. А. Управление земельными ресурсами: учебник. М.: Государственный университет по землеустройству. 2003. С. 3, 45, 94.
5. Волков С. Н., Варламов А. А., Лойко П. Ф. Новые земельные отношения в Российской Федерации // Земельный вестник России. 2005. № 1–2. С. 6–7.
6. Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1. Роль идеологии в модернизации России. М.: МГИМО—Университет, 2012. С. 16.

Актуальные проблемы современной избирательной системы

Беляева Евгения Николаевна, учитель истории и обществознания
МБОУ СОШ № 46 с УИОП г. Сургута

В данной статье проведен анализ проблем избирательной системы Российской Федерации. Даются выводы о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в сфере вопросов организации и проведения выборов в России. Поднимается проблема конституционных гарантий судебной защиты избирательных прав граждан. Анализируются проблемы, касающиеся стадии выдвижения и регистрации кандидатов. Рассматривается важность нарастания такого явления, как абсентеизм, что свидетельствует о расхождении интересов между политической элитой и населением и является признаком политического конфликта. Освещается проблема доступности для кандидатов средств массовой информации, точнее, отсутствие ограничений по объемам платных выступлений, что приводит к очевидному неравноправию кандидатов. Рассматривается проблема возможности фальсификации результатов выборов.

Ключевые слова: Российская Федерация, Конституция, избирательное право, выборы, волеизъявление, избирательная система, избирательный процесс, политическая элита, абсентеизм, фальсификация.

Конституция Российской Федерации провозглашает носителем суверенитета и единственным источником власти в России ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть через органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также непосредственно через участие в референдумах и выборах [1]. Вследствие чего, свободные и демократические выборы в органы государственной власти и органы местного самоуправления, наравне с референдумом, нужно считать высшим непосредственным выражением принадлежащей народу власти.

Избирательная система в России регламентируется массой нормативно-правовых актов разного уровня. Исследователи и ученые в области юриспруденции выделяют проблему стабильности избирательного законодательства. Ни для кого не секрет, что в избирательное законодательство РФ в последнее время изменения вносятся довольно часто [2]. Н. А. Михалева в своих научных трудах в области избирательного права и избирательного процесса, высказала мнение о необходимости включения в действующую Конституцию РФ главы «Избирательная система» или как минимум закрепления принципов избирательного права в первой главе Конституции [3].

П. В. Нудненко в своих исследованиях указывает на то, что основы избирательной системы при выборах в органы местного самоуправления указываются в скользь ст. 130 Конституции РФ. Он обращает внимание на то, что в Конституции РФ нет ни одной нормы, посвященной избирательной системе при выборах в законодательные органы власти субъектов Российской Федерации [4].

Следует отметить, что большинство парламентариев, ученых и практиков выступают за качественное преобразование законодательной базы на федеральном, региональном и местном уровнях. Важно определить избирательные стандарты, процедуры и технологии.

В противовес вышеизложенным мнениям Н. В. Виктюк писал о том, что не нужно трогать Конституцию, нет необходимости в создании новых положений и глав [5].

Актуальной остается проблема в сфере конституционных гарантий судебной защиты избирательных прав граждан. Количество подобных обращений в суд, постоянно увеличивается, а процедура и сроки принятия решений по ним оставляют желать лучшего. Определенное продвижение в этом вопросе призван обеспечить инициированный членами Совета Федерации законопроект о внесении дополнений в федеральные законы об основных гарантиях и о выборах депутатов Госдумы, касающийся порядка рассмотрения поступающих в суд жалоб о нарушениях избирательных прав граждан [6].

В избирательном законодательстве на муниципальном уровне существуют проблемы касательно стадии выдвижения и регистрации кандидатов, например, требования: о собственноручной подписи для отдельных категорий избирателей (инвалиды, безграмотные) или написания ими записей в подписные листы; требования по оформлению подписных листов; сведений, подтверждающих подлинность подписей избирателей. Вопрос о защите избирательных прав при оформлении подписных листов такой категории граждан, как вынужденные переселенцы, вопрос о том, как можно совершенствовать процедуру проверки достоверности подписи избирателя, собранных в поддержку кандидатов, в которой должны принимать участие избирательные комиссии в Российской Федерации, а также компетентные лица и учреждения, список которых должен быть утвержден Центральной избирательной комиссией Российской Федерации. Вынужденные переселенцы в сложившейся ситуации лишаются права поддержки кандидата, так как их паспортные данные не соответствуют месту их проживания, а выданные им справки не являются документом в полной мере заменяющим паспорт.

Если отойти от теоретических и процессуальных проблем, то можно вспомнить и о таком явлении как абсентеизм — отказ избирателей от участия в голосовании. Нарастание абсентеизма свидетельствует о расхождении интересов между политической элитой и населением, что

является признаком политического конфликта. С учетом современной тенденции к увеличению отказа от голосования, политическая ситуация во всем мире начинает приобретать тревожные черты, что делает изучение конфликтного потенциала абсентеизма и поиск путей борьбы с ним актуальным. Поиск путей решения данной проблемы невозможен без совместного комплексного исследования политологов, социологов, юристов и психологов. Пока, к сожалению, парламентариями предлагается снижение порога явки избирателей, при котором выборы считаются состоявшимися. Первые работы, посвященные теме абсентеизма написали Ю. В. Грудина, А. В. Дмитриев, В. Н. Иванов, А. А. Малькевич, О. С. Морозова, М. Р. Холмская.

Одной из актуальных проблем исследователи называют доступ кандидатов к средствам массовой информации. Существующее законодательство не предусматривает никаких ограничений по объемам платных выступлений, как в государственных, так и в частных СМИ, результатом чего становится засилье на экранах и в печати «больших денег» и очевидное неравноправие кандидатов. Решению этой и других аналогичных проблем может помочь разработка и принятие федерального закона «О политической рекламе» [2].

Одной из серьезных проблем избирательной системы является возможность фальсификации резуль-

татов выборов. ЦИК РФ 12 июля 1994 года приняла Концепцию создания государственной автоматизированной системы «Выборы». В первоначальном варианте ее основное назначение сводилось к процедурам автоматизации процесса сбора, учета и обработки информации, поступающей в избиркомы, а также созданию общегосударственной системы регистрации избирателей и подведению итогов выборов и референдумов в РФ. 28 февраля 1995 года Президент РФ издал Указ «Об обеспечении создания, функционирования и развития ГАС РФ «Выборы»». Созданная сеть представляет собой гигантскую информационную сеть, закрытую от общества, рассчитанную на исполнительную власть, закрытые ведомства. Требуется эффективный общественный контроль за проведением выборов, который устранил бы недостатки и не дал в итоге поводов усомниться в честности проведения выборов.

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что общая концепция избирательной системы в Российской Федерации соответствует демократическим стандартам в области избирательных прав граждан. Однако ее необходимо реформировать в соответствии с изменениями развивающегося государства, ведь успешное проведение выборов и признание обществом их результатов — важнейший признак способности такого общества решать настоящие проблемы государственного строительства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2012. № 4. Ст. 445.
2. Ижевский Д. О. Проблемы инициирования и проведения местных референдумов в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6.
3. Михалева Н. А. Парламентские и президентские выборы в России (в вопросах и ответах). 2-е изд., изм. и доп. М.: ЮРКОМПАНИ. 2012. С. 24.
4. Нудненко П. В. К вопросу об определении понятия избирательной системы // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 5. С. 24.
5. Виктюк Н. В. Конституционный Суд Российской Федерации и совершенствование избирательного законодательства // Конституция и избирательное право: настоящее и будущее: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Самара, 2009. С. 26–27.
6. Колюшин Г. И. Судебная защита избирательных прав граждан. М.: Городец-издат. 2009.

Роль Федерального казначейства в исполнении федерального бюджета

Берг Наталья Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент;
Волкова Оксана Радимовна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Ключевые слова: Федеральное казначейство, Российская Федерация, Федеральное казенное учреждение, федеральный бюджет, контроль

В толковом словаре Ушакова «Казённый» обозначает как принадлежащий государственной казне [2]. Не-

обходимость, в контроле государственных финансов имела место во все времена Российской истории. В первые упо-

минание слова «казённый» на государственном уровне приходится на 15 век нашей эры, когда в период правления Ивана III Васильевича появился казенный двор. Он являлся хранилищем царской вещевой казны. Далее при Петре I была создана Казначейская контора, которая при реформах Екатерины II переросла в казенные палаты, созданные в каждой губернии. В 19 веке контроль и управление государственных финансов сложились в четкий и отлаженный механизм. Роль Казначейства в централизации государственного хозяйства и бюджета упрочилась. Тогда же и появилась иерархическая структура управления от Департамента государственного казначейства, до местных казначейств. На период правления Советской власти роль казначейства была упразднена, и заменена другими структурами. Но после развала советского союза, была необходимость в выборе управления государственными средствами. В те беспокойные 90-е годы прошлого века было принято решение в прозрачности, бюджетных расходов, которые сможет обеспечить только казначейская система. Тем самым постановлением правительства от 27.08.1993 года № 864 было создано Федеральное Казначейство Российской Федерации в составе Министерства Финансов Российской Федерации.

В настоящее время Федеральное казначейство — это федеральный орган исполнительной власти, действующий в соответствии с законодательством Российской Федерации. Область право применительно функции Федерального казначейства это:

- исполнение федерального бюджета;
- кассовое обслуживание бюджетной системы Российской Федерации;
- предварительный контроль за операциями связанные с исполнением бюджета Российской Федерации;
- текущий контроль за операциями связанные исполнением бюджета Российской Федерации;
- внешний контроль качества работы аудиторских организации;
- контроль и надзор в финансово-бюджетной сфере Российской Федерации.

В своей деятельности Федеральное казначейство регламентируется «Положением о Федеральном казначействе» Утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 года № 703. В разделе 1 «Положения о Федеральном казначействе» Описываются его функции, направления деятельности и структура подчиненности Федерального казначейства. В разделе 2 «Положения о Федеральном казначействе» описываются полномочия федерального казначейства. В пункте 5 раздела 2 перечислены полномочия, а в пункте 6 раздела 2 права Федерального казначейства по исполнению своих функций. В разделе 3 «Положения о Федеральном казначействе» описывается организации деятельности Федерального казначейства [1].

Реализуя свою контрольную функцию Федеральное казначейство согласно «Положения о Федеральном казначействе» в праве:

- запрашивать и получать сведения и документы, необходимые для осуществления контроля;
- организовывать проведение необходимых экспертиз, испытаний, анализов и оценок, а также научных исследований;
- привлекать в установленном порядке для проработки вопросов, отнесенных к установленной сфере деятельности, научные и иные организации, а также ученых и специалистов;
- осуществлять контроль за деятельностью территориальных органов Федерального казначейства;
- применять предусмотренные законодательством Российской Федерации меры ограничительного, предупредительного и профилактического характера, направленные на недопущение и (или) пресечение нарушений юридическими лицами и гражданами обязательных требований в установленной сфере деятельности, а также меры по ликвидации последствий указанных нарушений;
- обращаться в суд с исковыми заявлениями в случае неисполнения предписаний о возмещении ущерба, причиненного нарушениями бюджетного законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения [1].

Данные права юридически закрепляют контрольную функцию Федерального казначейства.

Для осуществления функций своей деятельности, Федеральное казначейство имеет 85 территориальных органов и одну подведомственную организацию — Федеральное казенное учреждение «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России». Территориальные органы в свою очередь состоят из Отделов. Отделы осуществляют контрольную функцию за исполнением федерального бюджета на муниципальном уровне. Территориальные органы осуществляют контроль за исполнением федерального бюджета на уровне субъектов Российской Федерации. Федеральное Казначейство осуществляет контроль на федеральном уровне и консолидацию отчетов деятельности территориальных органов [3].

Для обеспечения деятельности в области хозяйственного, материально-технического, автотранспортного и архивного обеспечения в структуре Федерального казначейства имеется Федеральное казенное учреждение «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России». Данный центр занимается обслуживанием и обеспечением деятельности Органов Федерального казначейства.

Структура федерального казначейства имеет иерархическую структуру управления. Каждый уровень структуры отвечает за свою область контроля. Но в свою очередь каждый вышестоящий орган может осуществлять контроль за нижестоящим. Для обеспечения деятельности создано отдельное юридическое лицо, что позволяет осуществлять органам Федерального казначейства качественный контроль и выполнение своих непосредственных функций, не отвлекаясь на несвойственные задачи по обеспечению деятельности.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 N703 (ред. от 29.12.2017) «О Федеральном казначействе» // «Собрание законодательства РФ», 06.12.2004, N49, ст. 4908, «Российская газета», N272, 08.12.2004.
2. Толковый словарь Ушакова онлайн // Словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/about.php> (дата обращения: 9.01.2019).
3. Структура Федерального казначейства // Официальный сайт Казначейства России. URL: <http://www.roskazna.ru/o-kaznachejstve/struktura-fk/#tab1> (дата обращения: 9.01.2019).

Развитие института приемной семьи в России

Бернаккиа Кристина Германовна, студент магистратуры
Астраханский государственный университет

В социологическом смысле под приемной семьей понимается любая семья, принявшая на воспитание хотя бы одного ребенка, оставшегося без попечения родителей, независимо от возникающих в связи с этим юридических последствий.

Ключевые слова: дети, приемная семья, орган опеки и попечительства, государство.

С середины XX в. социальное сиротство стало приобретать угрожающие масштабы. В этот период активно вошла в исследовательское поле научных знаний категория «социальное сиротство», отражающая состояние детей, их характеристики, способы жизнедеятельности, отличные от общепринятой для этой возрастной группы.

«В настоящее время в теоретических исследованиях многих авторов обширно употребляются два понятия: »сирота« и »социальный сирота«. Социальный сирота — это ребёнок, который имеет биологических родителей, но они по каким-то причинам не занимаются воспитанием ребёнка и не заботятся о нём. В этом случае заботу о детях берут на себя общество и государство. Социальное сиротство — явление, обусловленное наличием в обществе детей, оставшихся без попечения родителей вследствие лишения их родительских прав, признания родителей недееспособными, безвестно отсутствующими и т.д.» [1, с. 25]

Мы полностью согласны с данным определением, так как терминология со временем устаревает и необходимо находить новые актуальные понятия для развития цивилистической науки.

Обнаружилось и качественно новое явление — «скрытое» социальное сиротство, которое «распространяется под влиянием ухудшения условий жизни значительной части семей, падением нравственных устоев семьи». [2, с. 157]

Данное нами определение отражает правовое положение детей и является вкладом в понятийный аппарат российской цивилистической науки. «Социальное сиротство — понятие многоплановое, включающее несколько категорий детей, которые могут быть условно систематизированы по месту пребывания: интернатные учреждения; улица (беспризорные дети, дети-беглецы); семья

(безнадзорные дети). Проблема социального сиротства детей в России усугубляется, становясь объектом повышенного внимания со стороны не только общества, но и Президента РФ.

Известно, что роль семьи для человека очень велика. Именно в семье закладываются установки и ценностные ориентации, представления и ожидания, направленные на самореализацию индивида в различных социальных ролях и функциях в будущем. Дети, лишённые полноценного эмоционального и тактильного контакта с родителями, растут апатичными, безынициативными, подозрительными и конфликтными, вплоть до агрессивности. Условия жизни детей-сирот, находящихся на государственном обеспечении, формируют иждивенческую позицию, приводят к отсутствию бережливости и ответственности.

Большая часть детей-сирот повторяет жизненный путь своих родителей. Родители этих детей страдали алкогольной или наркотической зависимостью, не работали. Опыт проживания детей сначала в дисфункциональных семьях, а затем в государственных учреждениях, усугубляет их слабую трудовую мотивацию и искажённое представление о моделях семейно-брачных отношений, что, в свою очередь, репродуцирует семейное неблагополучие и социальное сиротство в следующих поколениях.

Причины неудач на «семейном фронте», характерные для большинства детей-сирот, обусловлены специфическими особенностями их личности и жизни. Это:

- 1) отчуждённость, недоверие к людям, недоброжелательное, враждебно-отстранённое отношение к ним, неумение общаться, что затрудняет установление контактов;
- 2) неразвитость культуры чувств и социального интеллекта;
- 3) слабо развитое чувство ответственности за свои поступки;

4) эгоизм, потребительское отношение к близким людям;

5) низкая самооценка, неуверенность в себе.

В начале XXI в. проблема социальной адаптации выпускников институциональных учреждений для детей-сирот не только не была решена, но и усугубилась: «... Так, в 2010 г. доля выпускников, покинувших детский дом или интернат, которым удалось встать на ноги и наладить нормальную жизнь, составляла 20%, а сегодня — только 10%. Становятся алкоголиками и наркоманами 40% выпускников сиротских учреждений, ещё 40% совершают преступления. Часть ребят сами становятся жертвами криминала, а 10% кончают жизнь самоубийством...». [3]

По утверждению министра образования РФ Д. Ливанова, «... стране необходимы более эффективные инструменты для решения имеющихся в сфере охраны детства проблем, которые станут локомотивом к достижению цели «Россия без сирот...».

Главные пути преодоления социального сиротства в обществе:

1) стабилизация социально-экономических и политических процессов в обществе;

2) возрождение духовной культуры нации;

3) экономическая, законодательная, социальная поддержка семьи, материнства и детства;

4) совершенствование системы устройства детей-сирот.

Государственными и общественными организациями внедряются комплексы обучающих программ, направленных на преодоление социального сиротства для подростков и молодых семей. К сожалению, такая работа проводится далеко не повсеместно. Таким образом, проблема социального сиротства в России должна разрешаться поэтапно, с привлечением различных служб и ведомств, в том числе путём реализации законодательных инициатив.

На современном этапе данное направление социальной политики характеризуется процессами децентрализации управления социальной сферой, делегированием полномочий региональным и муниципальным органам управления. Проводимые мероприятия социальной направленности призваны обеспечить мобилизацию финансовых, материальных и других ресурсов для решения приоритетных задач жизнеобеспечения детей, включая улучшение качества жизни, создание им благоприятных условий для развития.

Таким образом, приемная семья является видом семьи как малой социальной группы, основанной на браке, родстве, усыновлении и иных формах принятия детей на

воспитание, связанных общностью жизни, а также семейными правами и обязанностями. [4, с. 22] При этом в зависимости от последствий принятия детей на воспитание можно выделять опекунские семьи, семьи усыновителей и непосредственно приемные семьи. В учебной и научной литературе даются различные определения приемной семьи как формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, но чаще всего они либо вообще не отражают ее специфики как самостоятельной формы устройства, либо содержат лишь один или два отличительных признака.

М. В. Антокольская определяет приемную семью как «новый институт семейного законодательства» и как «гибридную форму, содержащую в себе некоторые черты опеки, детского учреждения и усыновления». [5, с. 311]

В этом определении делается акцент на новизну данной формы устройства и ее сложный характер, сочетающий в себе различные элементы существующих форм устройства, но не раскрываются сущность и специфические особенности приемной семьи.

Ряд ученых отмечают, что приемная семья отличается от других форм устройства тем, что передача детей на воспитание происходит на основе особого соглашения (договора) между органами опеки и попечительства и лицами, желающими воспитывать ребенка. [6, с. 5]

Соответственно, для определения приемной семьи они используют один, но, по нашему мнению, основной отличительный признак приемной семьи — договорный порядок передачи в нее детей на воспитание.

Л. Ю. Михеева определяет приемную семью как форму устройства детей, при которой лица, осуществляющие охрану прав и интересов ребенка, получают вознаграждение за исполнение ими своих обязанностей. [7, с. 83]

Таким образом, для определения приемной семьи Л. Ю. Михеева использует также только один ее специфический признак — это возмездность данной формы устройства.

Центральное место в формировании личности ребенка занимает семья. В семье ребенок получает первичные навыки в восприятии действительности, приучается осознавать себя полноправным представителем общества. Поэтому приемные и многодетные родители вынесли предложение, что для гармоничного развития семьи и детей в семье необходимо повысить общий образовательный уровень родителей. То есть дать возможность родителям получить доступное высшее образование. Бесплатное образование для многодетных и приемных родителей также повлияет на повышения имиджа многодетных и приемных семей, что сегодня актуально.

Литература:

1. Чепурных Е. Е. Преодоление социального сиротства в России в современных условиях // Народное образование. 2011. № 7. С. 25.
2. Калинина Н. Н. Юридическая наука: история, современность, перспективы // Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки и 25-летию Международ-

ного юридического института / сост. е. В. Усова. Астрахань: Астраханский филиал Международного юридического института, 2017. С. 157.

3. Брынцева Г. Неотчий дом // Российская газета. Столичный выпуск. 2011. № 5660 (284).
4. Мананкова Р. П. Правовой статус членов семьи по советскому законодательству. Томск, 2011. С. 22.
5. Антокольская М. В. Семейное право: Учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2017. С. 311.
6. Косова О. Ю. Семейное и наследственное право России: Учебное пособие. М., 2011. С. 218; Муратова С. А. Семейное право: Учебник. М., 2004. С. 268; Половцев И. Н. Краткий комментарий к закону Санкт-Петербурга «О размере оплаты труда приемных родителей». СПб., 2015. С. 5.
7. Михеева Л. Ю. Опекa и попечительство: Правовое регулирование: Учебно-практическое пособие / Под. ред. проф. Р. П. Мананковой. М., 2012. С. 83.

Сравнение зарубежного опыта организации и правового регулирования государственной службы (на примере Франции)

Брыкова Светлана Сергеевна, студент
Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ)

Государственная служба появилась вместе с государством и существует в неразрывной связи с ним. Государственная служба в России прошла путь от «служилых людей», «княжеской дружины» до современных государственных служащих и лиц, замещающих государственные должности. Однако большую часть этого пути занимала госслужба в условиях абсолютной монархии, которую сменила госслужба особого советского периода, и наконец совсем небольшой промежуток времени занимает госслужба РФ.

В начале девяностых за короткий срок была заложена правовая база молодого государства с богатой историей. В Конституции 1993 года была определена республиканская форма правления (без прямого указания вида: президентская, парламентская или смешанная), федеративное устройство, провозглашена демократия и определены некоторые высшие государственные должности и их полномочия (Президент, Председатель Правительства, Председатель Совета Федерации). От государственного устройства зависит организация и правовое регулирование государственной службы. На государственное устройство в свою очередь откладывает свой отпечаток экономическая система. Переход же с плановой (командно-административной) экономики был резким.

Государственная служба должна идти в ногу со временем, отвечая на изменения общественной жизни, ведь общество — это динамическая среда, а от эффективной работы государственных институтов зависит благополучие граждан.

Потому целесообразно изучать зарубежный опыт организации государственной службы, в особенности стран, в которых рынок и демократия существуют не первое столетие. В частности, любопытен опыт Франции, где республиканская форма правления была провозглашена одной из первых в Европе.

Французская Республика, как и Российская Федерация, является трансконтинентальным государством, то есть находится в нескольких частях света. Однако если у РФ это естественная протяженность по Европе и Азии с географической границей по Уральским горам, то у Франции, помимо основной территории в Европе, есть «морские» владения: Гваделупа, Мартиника и Гвиана — в Америке; Майотта и Реюньон — в Африке. Что касается территории, то Франция является достаточно крупным европейским государством и занимает 48-ую строчку в мире по этому показателю.

В отличие от РФ, Франция имеет унитарное устройство, что объясняется её значительно меньшими размерами. К примеру, площадь Иркутской области составляет 774846 кв. км, а Франции — 674875 (с учетом морских владений). Франция также является многонациональным демократическим государством с республиканской формой правления.

Государственную службу, согласно французскому законодательству, можно определить как совокупность людей, находящихся на службе государства, местных коллективов и их административных учреждений. То есть в понятие «государственные служащие» входят не только те, кто служит в центральных органах власти, но и в местных тоже. В РФ же государственная и муниципальная службы, пусть и тесно связаны, но законодательно отделены профильными законами, которые, впрочем, довольно схожи.

Основные принципы государственной службы закреплены в Конституции Французской Республики от 4 октября 1958 года, более детальная регламентация гражданской службы осуществляется «Общим статутом публичной службы». В РФ основные положения закрепляются в Федеральном законе «О системе государственной службы РФ» от 27.05.2003 № 58-ФЗ, более де-

тально в «профильных» законах — «О государственной гражданской службе» от 27.07.2004 № 79-ФЗ и т.д.

Корпус во Франции объединяет чиновников, выполняющих одинаковую работу, так что всего в системе центральной государственной службы насчитывается около тысячи подобных корпусов. Существуют особые правила перемещения служащего из одного корпуса в другой. В РФ корпусной системы нет, однако различаются гражданские служащие, военные, иных видов, федеральные, субъектов, а также обеспечивающие служащие и т.д. Внутри корпуса во Франции служащие подразделяются по четырем категориям (классам): А, В, С, D. Так, категория «А» объединяет чиновников, выполняющих функции по разработке концепций и руководству, категория «А» должна иметь высшее образование. Категория «В» является исполнителями упомянутых ранее управленческих концепций, для них обязательно наличие среднего образования. В свою очередь, в обязанности представителей категорий «С» и «D» входят чисто технические и вспомогательные функции.

В РФ категории должностей называются: руководители, помощники, специалисты, обеспечивающие специалисты, а также есть пять групп: высшая, главная, ведущая, старшая, младшая. В принципе категории достаточно схожи, вот только внутри них у нас есть деление на группы. Да и квалификационные требования в России строже, так, для категорий «руководители», «помощники», «специалисты» высшей и главной группы нужно иметь высшее образование не ниже уровня специалитета, магистратуры. Для замещения же должностей гражданской службы этих же категорий, только ведущей группы, а для «специалистов» ещё и старшей групп должностей гражданской службы, а также категории «обеспечивающие специалисты» главной и ведущей групп обязательно наличие высшего образования — бакалавриата. Среднего профессионального образования достаточно для категории «обеспечивающие специалисты» старшей и младшей групп должностей гражданской службы.

Карьера чиновника во Франции обычно проходит внутри корпуса путем повышения в ступени и ранге, а также в должности. Получение ранга определяется результатами конкурсных экзаменов и прохождением повышения квалификации. Повышение в ранге зависит от выслуги лет и аттестации. Для перевода же в более высокую категорию необходимо либо решение руководства, либо прохождение конкурса. Конкурс обычно необходим и при переходе в другой корпус. Так что здесь наши системы, за исключением корпусной составляющей, похожи.

Префекты (руководители департаментов или региона), послы и министры (категория «А») назначаются распоряжением правительства или указом президента. В свою очередь работники исполнительно-технического персонала на уровне категорий «С» и «D» набираются с помощью тестов и экзаменов по специальности, но не по конкурсу. В РФ также есть определенные патронажные должности, назначаемые Президентом.

Конкурс во Франции проводится либо в виде экзаменов, либо по степеням и званиям, когда сравниваются послужные списки кандидатов. Существует различие между «внешним конкурсом» (для кандидатов извне, имеющих высшее образование) и «внутренним» — для лиц, уже находящихся на государственной службе, но претендующих на другую должность.

Также есть конкурс в Национальную школу администрации, основанную в 1945 году, готовящую государственных служащих высшей категории. Также работают региональные институты администрации, готовящие кадры для центральной государственной службы. Они готовят кадры для всех министерств, но некоторые из них имеют и собственные специализированные школы.

В России своеобразными эквивалентами можно считать Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и Дипломатическую академию Министерства иностранных дел РФ. У РАНХиГС есть филиалы в каждом федеральном округе, всего их более пятидесяти. Это довольно успешный вуз, готовящий будущих госслужащих, однако пока сравниться с успехами французской Национальной школы администрации, выпустившей двух президентов и семь премьер-министров, не может.

Наверное, потому что Национальная школа администрации — это не вуз в привычном понимании, его учащиеся — практикующие чиновники, учеба засчитывается им в стаж, а многие абитуриенты уже имели опыт работы на госслужбе, большинство — образование уровня бакалавриата. Следовательно, полного эквивалента в России нет, именно для подготовки «высшего эшелона» из уже имеющих какой-то опыт или образование людей. Также весьма интересной кажется проведение отдельного конкурса для действующих чиновников, а также лиц, побывавшими «народными избранниками»; и внешний конкурс для выпускников бакалавриата и даже для иностранцев. Последний конкурс для иностранцев в реалиях России можно было бы опустить, но саму идею ЭНА взять на заметку.

Лицам, прошедшим «внешний» конкурс на зачисление на госслужбу во Франции, обычно предоставляется возможность поступления в соответствующее специализированное учебное заведение для учебы в нем в течение 2–3 лет. Также перед назначением на должность претендент обычно работает в учреждении в течение года стажером. В России такого нет. Прошедшего конкурс могут зачислить в кадровый резерв, либо сразу на вакантное место, установив испытательный срок.

Система отбора персонала и его подготовки во Франции достаточно развита, поэтому стоит задуматься над изучением их опыта. Конечно, следует развивать собственные концепции, но и прислушиваться к веяниям в странах, имеющим более богатый опыт в этом вопросе, тоже не повредит. Единственное, любое заимствование должно быть тщательно продумано и переработано с учетом всех отличительных особенностей Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993
2. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ
3. Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 № 58-ФЗ
4. «Конституция Французской Республики» от 04.10.1958 (с изм. и доп. от 23.07.2008) (в переводе)
5. Туганов Ю. Н. Государственная и муниципальная служба: учебник для академического бакалавриата / Ю. Н. Туганов [и др.]; под ред. Ю. Н. Туганова. — 2-е изд., пер. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2016. — 294 с.

Элементы системы общих начал назначения наказания

Бугаенко Елена Андреевна, студент магистратуры
Петрозаводский государственный университет

Система — это совокупность элементов, находящихся во взаимосвязи друг с другом, и образующих единую целостность. Так, система общих начал назначения наказания является целостной структурой, включающая в себя подсистемы и их элементы. При выпадении хотя бы одного структурного элемента целостность и единство системы разрушается. Ряд авторов отмечают, что невозможно индивидуализировать наказание, например, без учёта характера общественной опасности преступления. Это может привести к ошибкам с выбором вида и размера наказания.

Как отмечалось выше, в уголовном законодательстве Российской Федерации и в юридической литературе нет точного, единого определения общих начал назначения наказания. В связи с этим, достаточно дискуссионным вопросом является определение количества элементов, составляющих систему общих начал назначения наказания. В юридической литературе выделяют от четырех до девяти элементов общих начал назначения наказания. При этом четкой аргументации выдвигания именно данного количества элементов не приводится. [2]

Определяя количества элементов общих начал назначения наказания, необходимо, в первую очередь, опираться на текст статьи 60 УК РФ. Так, законодателем установлено, что лицу, совершившему преступление, назначается справедливое наказание. Многие авторы не выделяют справедливость наказания в отдельный элемент системы общих начал назначения наказания. Это связано с тем, что справедливость является принципом уголовного права в целом, и относится не только к системе назначения наказания. [3]

Е. Е. Череднеченко в своей работе «Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации» считает, что стоит упразднить ч. 3 ст. 60 УК РФ, в связи с тем, что она дублирует положения ст. 6 УК РФ. Стоит считать данное мнение ошибочным так как, ч. 2 ст. 6 УК РФ устанавливает, что никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Данное положение отно-

сится к конституционным, и имеет свое отражение в ч. 1 ст. 51 Конституции РФ. Соответственно, принцип справедливости и справедливость наказания не тождественны друг другу, но при назначении наказания они взаимодействуют. Многие авторы схожи во мнении, что принцип справедливости соединяет в себе содержание всех иных принципов уголовного права и необходим для достижения максимальной индивидуализации наказания. [1] Справедливость наказания также необходима для реализации индивидуализации при назначении наказания. Взаимодействие данных понятий отражено председателем судебной коллегии по уголовным делам Мурманского областного суда в справке по результатам изучения судебной практики судов апелляционной инстанции по вынесению решений об отмене или изменении приговоров, определений, постановлений судов первой инстанции в сторону ухудшения положения осужденного. [4]

Так, за 2017 год Ловозерским районным судом в апелляционной инстанции был изменен приговор мирового судьи судебного участка Ловозерского судебного района, ввиду чрезмерно мягкого наказания, назначенного осужденному, так как оно не соответствовало требованиям статей 6 и 60 УК РФ, принципу его соразмерности и справедливости. Приговором мирового судьи судебного участка Ловозерского судебного района, гражданин А. осужден по статье 264.1 УК РФ к обязательным работам на срок 400 часов с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами на срок 3 года. Судом апелляционной инстанции установлено, что при назначении наказания гражданину А. мировой судья не взял во внимание как характер и степень общественной опасности совершенного подсудимым преступления, так и личность виновного.

Изменяя приговор мирового судьи, суд апелляционной инстанции учел, что гражданин А. ранее судим за совершение умышленного преступления, относящегося к категории средней тяжести, направленного против порядка управления, к условному наказанию. Во время испытательного срока гражданин А. совершил еще одно престу-

пление, небольшой тяжести, направленное против безопасности движения. В период действия испытательного срока данный гражданин зарекомендовал себя с отрицательной стороны, не раз допускал нарушения порядка отбывания наказания, на основании чего, ему дважды продлевался испытательный срок. Кроме того, на основании судебных решений, с гражданина А. производились удержания в размере 50% от всех видов дохода на содержание несовершеннолетних детей. С учетом изложенного, а также, характера и степени общественной опасности преступления по ранее вынесенному приговору и вновь совершенного преступления, наличия смягчающих и отсутствием отягчающих наказание обстоятельств, данные характеризующие личность гражданина А., которые имеет на иждивении троих малолетних детей и его заработок является основным источником дохода семьи, что в случае реального осуждения могло оказать негативное влияние на условия жизни его семьи, а также положительные характеристики по месту жительства и работы, его отрицательное поведение в период испытательного срока, в целях социальной справедливости, исправления подсудимого и предупреждения совершения им новых преступлений, суд апелляционной инстанции назначил наказание гражданину А. в виде лишения свободы на срок 1 год 6 месяцев условно с испытательным сроком 3 года с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 3 года.

В данном примере раскрывается взаимодействие принципа справедливости и одного из элементов системы общих начал назначения наказания, как — справедливость наказания.

Вторым элементом системы выделяют назначение наказания в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ. В отличие от первого элемента, этот выделяют большинство авторов. Суд при выборе наказания, руководствуется санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, и оно не может выходить за минимальную или максимальную границу санкции. Но часть авторов считает, что не целесообразно выделять данный элемент, как самостоятельный. Так как, мера наказания «на прямую зависит от степени общественной опасности конкретного преступления, смягчающих и отягчающих обстоятельств, данных о личности виновного». [5] Например, в санкциях статей Особенной части не закреплен такой вид наказания, как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина или государственных наград. Несмотря на это, суд при назначении наказания за тяжкое или особо тяжкое преступление, и с учетом личности виновного лица, суд может назначить данный вид наказания в качестве дополнительного. Стоит отметить, что такого рода исключения могут относиться и к основным видам наказания. Санкции Особенной части УК РФ закрепляют те меры воздействия на лицо, совершившего преступное деяние, которые в большей мере соответствуют деяниям,

описанным в диспозиции. С учетом вышеизложенного, данный элемент стоит определить как назначение наказания с учетом положений Особенной части УК РФ.

Следующим элементом системы являются положения, закрепленные в ч. 2 ст. 60 УК РФ «Более строгое наказание, чем предусмотрено соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса за совершенное преступление, может быть назначено по совокупности преступлений и по совокупности приговоров в соответствии со статьями 69 и 70 настоящего Кодекса. Основания для назначения менее строгого наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за совершенное преступление, определяются статьей 64 настоящего Кодекса».

При назначении наказания суд должен рассматривать возможность применения менее строго наказания, и если ее нет, то уже тогда рассмотреть необходимость применения более строго наказания. В юридической литературе отмечается, что данный элемент является реализацией на практике принципа рационального применения мер уголовно-правового воздействия. А также, в ходе назначения наказания законодатель обязан учитывать цели наказания, закрепленные в ст. 43 УК РФ. Что касается назначения наказания по совокупности преступлений или приговоров, то эти положения являются специальными правилами назначения наказания и не могут выделяться в отдельный элемент системы общих начал назначения наказания.

И заключительным элементом является учет характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного, в том числе обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Многие авторы разъединяют данные понятия в отдельные элементы системы. [6] Стоит не согласиться с данной позицией. Все они являются составляющими индивидуализации наказания, и это их объединяет.

Все вышеперечисленные элементы, представляют собой систему общих начал назначения наказания, не учет хотя бы одного элемента при назначении наказания может привести к судебской ошибке, и отмене или изменению приговора. Соответственно система общих начал назначения наказания состоит из следующих элементов:

— назначенное наказание должно быть справедливым; — наказание назначается с учетом положений Общей части Уголовного кодекса РФ;

— наказание назначается с учетом положений Особенной части Уголовного кодекса РФ;

— более строгий вид наказания назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания;

— наказание назначается с учетом характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного, влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Литература:

1. А. В. Бриллиантов. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. — 2-е изд. — М.:, 2015 г. — 579 с.;
2. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. Российское уголовное право: учебник. — М.:, 2011 г. — 375 с.;
3. С. В. Покамин. О системе общих начал назначения наказания. — Ярославль: Образование. Практика. Наука, 2016 г. — 67–72 с.;
4. Справка по результатам изучения судебной практики судов апелляционной инстанции по вынесению решений об отмене или изменении приговоров, определений, постановлений судов первой инстанции в сторону ухудшения положения осужденного// Мурманский областной суд. URL: http://oblsud.murm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=2 (дата обращения: 10.01.2019);
5. Татарников В. Г. Понятие общих начал назначения наказания и их содержание/ В. Г. Татарников // — Иркутск, 1985, с. 45–46;
6. Тащилин М. Т. Назначение наказания в уголовном праве Российской Федерации/ М. Т. Тащилин// — Пятигорск, 2003, с. 105–108;

Анализ новел в сфере социального обеспечения судей

Валентиновичуе Ирэна Гедимино, студент

Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Томск)

Ключевые слова: социальное обеспечение, материальное обеспечение, статус судей, внесение изменений.

Повышения уровня денежно-имущественной незаинтересованности судей, есть гарантия их независимости. В связи с этим вопрос о предоставлении судьям наряду с установленными нормами социального и материального обеспечения дополнительных, является широко осязающимся.

Законодатель, обращая внимание на данную проблему, принимает законопроект № 548878–7 О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», статью 6 Федерального закона «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» и признании утратившими силу пунктов 10 и 11 Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с применением Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» [1].

Данный законопроект призван обеспечить нуждающихся в жилых помещениях судей, по средствам предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилых помещений либо вместо нее на основании заявления судьи жилое помещение в собственность.

Разработчики законопроекта в пояснительной записке по праву замечают, что Конституционный суд в своем постановлении от 31 января 2008 г. № 2-П [2.], писал, о том, что законодателью необходимо надлежащим образом установить порядок обеспечения жилыми помещениями судей, нуждающихся в улучшении жилищных

условий. В целях определения критериев нуждаемости, порядка и сроков предоставления данного материального обеспечения.

Вводимые изменения не являются принципиально новыми, подобный порядок был ранее введен Федеральным законом от 31.12.2017 N492-ФЗ [3.] в отношении работников прокуратуры. Данный порядок почти идентичен тому, который в настоящее время вводится для судей.

В связи с данными изменениями, совместно был принят законопроект № 548880–7 «О внесении изменения в статью 217 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» [4.], в которой нуждающиеся судьи, получившие сумму единовременной социальной выплаты, освобождаются от налогообложения на данный единовременный доход.

Данные изменения видятся актуальными вследствие реформ, коснувшихся судоустройства в стране, а именно формирования новых апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции. Данные суды не связываются пределами административно-территориального деления, и с целью стимуляции переезда в места образовавшихся судов опытных и компетентных специалистов, предоставления единовременной выплаты будет рассматриваться позитивно.

Большой интерес вызывает законопроект N534181–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам материального

обеспечения судей, пребывающих в отставке, и пенсионного обеспечения отдельных категорий граждан» [5.], который призван, предоставить социальные гарантии при наступлении инвалидности у судьи, в случаях, не связанных с исполнением им служебной деятельности, и препятствующей в дальнейшем занимать должность судьи.

Рассматриваемый законопроект N534181–7, был разработан в целях исполнения Постановления Конституционного Суда от 19 февраля 2018 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан», пункта 5 статьи 15 и пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с запросом Промышленного районного суда города Смоленска» [6.], которым было признано, что ч. 5 ст. 2 ФЗ «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан» и п. 5 ст. 15 ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации» не соответствуют Конституции РФ. Поскольку в настоящее время не существует право-

вого механизма гарантии судьям, ставших инвалидами, по причинам не связанным со служебной деятельностью, и до приобретения ими права на ежемесячное пожизненное содержание ушедшим в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, социальные выплаты в размере, который соотносился бы с утраченным доходом в виде ежемесячного денежного вознаграждения.

В целях устранения данного пробела, законодатель предлагает ввести ежемесячное денежное содержание по инвалидности, размер которого устанавливается в процентном отношении от суммы ежемесячного денежного вознаграждения и в зависимости от группы инвалидности и стажа работы в должности судьи.

Таким образом, в настоящее время законодатель устраняет противоречия в действующем законодательстве, по средствам внесения изменений. Такие действия должны оказать позитивное влияние на осуществление правосудия в стране, и укрепить действующие принципы судопроизводства в целом.

Литература:

1. Законопроект № 548878–7 О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», статью 6 Федерального закона «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» и признании утратившими силу пунктов 10 и 11 Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с применением Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/548878-7> (дата обращения: 29.10.2018)
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2008 г. N2-П г. Москва «По делу о соответствии Конституции Российской Федерации положения пункта 2 статьи 14 Федерального закона от 22 августа 2004 года N122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» // Российская газета, № 4587 (0), 13.02.2008.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон О прокуратуре Российской Федерации и Федеральный закон О Следственном комитете Российской Федерации» от 31.12.2017 N492-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286759/ (дата обращения: 29.10.2018)
4. Законопроект № 548880–7 «О внесении изменения в статью 217 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» // URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/548880-7> (дата обращения: 07.11.2018)
5. Законопроект N534181–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам материального обеспечения судей, пребывающих в отставке, и пенсионного обеспечения отдельных категорий граждан» // URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/534181-7> (дата обращения: 07.11.2018)
6. Постановление Конституционного Суда от 19 февраля 2018 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан», пункта 5 статьи 15 и пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с запросом Промышленного районного суда города Смоленска» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291217/ (дата обращения: 07.11.2018)

Актуальность создания Федеральной государственной информационной системы Единого государственного реестра недвижимости

Гапчукова Виктория Вячеславовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Государственный кадастровый учет позволяет определить индивидуальные характеристики недвижимого имущества и существование или прекращение существования такого объекта недвижимости для последующей регистрации вещных прав и обременений (ограничений). Государственная регистрация прав является признанием и подтверждением от имени государства факта возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество. Данные сведения должны быть внесены в Единый государственный реестр недвижимости [1].

Министерство экономического развития Российской Федерации сделало заказ на создание Федеральной системы единой централизованной базы данных. Система должна реализовать единую учетно-регистрационную процедуру через объединение существующих разрозненных процедур кадастрового учета и регистрации прав.

С мая 2017 года пилотные версии данной системы были запущены в нескольких регионах, включая Красноярский край, Новгородскую и Тверскую области. На всей территории Российской Федерации программный продукт должен был заработать с 1 января 2017 года, но такие регионы как: Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Татарстан и Краснодарский край до сих пор не подключены к новой программе.

В 2013 году была разработана Федеральная целевая программа «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014–2020)» утвержденная постановлением Правительства РФ от 10.10.2013 № 903 [2]. Целью данной программы является упорядочить систему земельно-имущественных отношений, которая будет соблюдать интересы государства и общества, обеспечивать взаимную ответственность и отвечать инновационным требованиям, ориентированным на экономическое развитие Российской Федерации [2]. Согласно разработанным задачам, Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии необходимо перейти на единую систему.

На данный момент процедура кадастрового учета проводится в Автоматизированной информационной системе государственного кадастра недвижимости (АИС ГКН). Государственная регистрация прав осуществляется в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН), пришедшем на смену Единому государственному реестру прав (ЕГРП) в 2017 году. Данные системы являются самостоятельными базами данных отдельно для каждого региона. Новая система ФГИС ЕГРН должна объединить в себе всю информацию, содержащуюся в отдельных базах данных (АИС ГКН и ЕГРН).

При этом новая система должна защитить информацию от раскрытия и несанкционированного доступа, отвечать политике конфиденциальности, требованиям информационной безопасности.

В отличие от предыдущих систем ФГИС ЕГРН автоматически предоставляет и получает информацию из Министерства Внутренних Дел, Верховного Суда РФ, Минприроды, Министерства строительства, Федеральной налоговой службы, Росимущества и Минсельхоз, а также, в зависимости от ситуации, передает сведения в Росимущество, Государственную информационную систему жилищно-коммунального хозяйства, Федеральную налоговую службу РФ.

Технологическая основа ФГИС ЕГРН объединяет в себе разделы предыдущих систем и ряд новых подсистем:

1. Подсистема приёма и обработки запросов. На данной стадии ведется учет электронных документов и запросов, документы проходят форматно-логический контроль, коррекция данных и распределение запросов.

2. Подсистема кадастрового учета и регистрации прав. Этот этап предполагает рассмотрение документов, проведение правовой экспертизы, внесение, утверждение и выдачу сведений.

3. Подсистема обработки пространственных данных. Эта система отвечает за картографическую основу ФГИС ЕГРН, в ней ведется картографическая основа, реестр, границ, сервис работы с картоосновой и публикация публичной кадастровой карты.

4. Подсистема мониторинга и отчетности. Данная система предназначена для статистической и аналитической отчетности.

5. Единая система управления нормативно-справочной информацией. В базе ведется основной классификатор, внутренние справочники и общероссийские классификаторы, такие как общероссийский классификатор территорий муниципальных образований, общероссийский классификатор организационно-правовых форм, общероссийский классификатор органов государственной власти и управления, общероссийский классификатор видов экономической деятельности, общероссийский классификатор единиц измерения. Подсистема автоматически обновляет справочник Федеральной информационной адресной системы. В данной подсистеме ведется реестр лицензий и справочник кадастрового деления.

6. Подсистема миграции автоматизированного рабочего места. Данная система предназначена для переноса информации и верификации данных, то есть проверка и подтверждение перенесенных сведений.

7. Сервис идентификации и аутентификации. Эта техническая структура отвечает за управление учетными записями пользователей, техническое назначение и отзыв полномочий доступа к различным подсистемам ФГИС ЕГРН, проверка и контроль процессов и действий, проводимых в подсистемах, безопасности и мониторинг информации.

Новый цикл приема документов, принятых на государственный кадастровый учет и (или) государственную регистрацию прав в системе ФГИС ЕГРН, увеличивает количество этапов рассмотрения документов, т.е. несколько первичных обработок. В каждой подсистеме у регистратора определенные полномочия и ответственность (рис. 1).

Рис. 1. Алгоритм обработки обращений [3]

Данный цикл должен уменьшить коррупционную составляющую, увеличить качество работы, уменьшить количество технических и реестровых ошибок.

Отметим, что новая система регистрации и учета предполагает, что первичную экспертизу и подготовку документов будет проводить Кадастровая палата. Далее регистратор Росреестра проверяет сведения, принимает решение и вносит их в реестр. В настоящее время, данная практика применяется для кадастрового учета, но процесс пока имеет массу недочетов. Главным недостатком является недостаточный уровень подготовки государственных регистраторов прав, так как большинство из них не обладают достаточными знаниями в области кадастрового учета.

Благодаря объединению ЕГРН и ГКН планируется создать достоверный источник информации о недвижимом имуществе, разработать единую учетную систему (в том

числе с дополнительными функциями, обеспечивающими прием всех типов электронных документов), что позволит не только снизить удельную ресурсоемкость предоставления государственных услуг в сфере регистрации прав и кадастрового учета, но и повысить налогооблагаемую базу.

Создание системы приведет к преобразованию ИТ-инфраструктуры ведомства. Во-первых, планируется значительное сокращение количества сопровождаемых информационных систем в ведомстве — с запуском Единого государственного реестра недвижимости такие системы, как Единый государственный реестр недвижимости и Государственный кадастр недвижимости, должны быть выведены из эксплуатации. Во-вторых, будет оптимизирована и централизована ИТ-инфраструктура ведомства, что будет способствовать существенному повышению эффективности расходования средств бюджета на ИТ-нужды.

Литература:

1. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости»: Федер. закон от 13.07.2015 года № 218-ФЗ: принят Гос. Думой 03 июля 2015; одобрен Советом Федерации 08 июля 2015 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2017. — № 31. — Ст. 4767.
2. О федеральной целевой программе «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014–2020 годы)»: Постановление Правительства Российской Федерации от 10.10.2013 № 903 (ред. от 17.02.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 42. — Ст. 5364.
3. Методические указания Филиала ФГБУ «ФКП Росреестра» по Новгородской области «Единый Государственный Реестр Недвижимости (ФГИС ЕГРН)» — URL: [http:// https://ppt-online.org](http://https://ppt-online.org) (дата обращения: 22.12.2018).

Проблемы организации деятельности корпораций в аспекте механизма правового регулирования

Гараджа Юлия Валерьевна, студент магистратуры;
Придворова Мария Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

В статье рассматриваются проблемы механизма правового регулирования корпораций в аспекте действующего законодательства Российской Федерации. Выявленная проблематика указывает на необходимость дальнейшего совершенствования механизма правового регулирования деятельности корпораций.

Ключевые слова: корпорация, механизм правового регулирования, юридические лица, корпоративное законодательство, консолидация, совершенствование, пробелы правового регулирования.

Problems of the organization of corporate activities in the aspect of the mechanism of legal regulation

Garadzha Julia V., master student
Pridvorova Maria Nikolaevna, Ph.D., Associate Professor
Tambov State Technical University

The article deals with the problems of the mechanism of corporate legal regulation in the aspect of the current legislation of the Russian Federation. The identified issues indicate the need for further improvement of the mechanism for the legal regulation of corporate activities.

Keywords: corporation, legal regulation mechanism, legal entities, corporate legislation, consolidation, improvement, legal regulation gaps.

Реформа 2014 г. существенным образом изменила правовую природу юридических лиц, внесла ряд новшеств в порядок их образования, структуру органов управления и функциональные возможности. Федеральным законом от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [3] впервые введено деление юридических лиц на: корпоративные и не корпоративные. Этот закон во многом отразил идею концепции развития гражданского

законодательства, где, в частности, говорится, что такая классификация позволит урегулировать в общем виде (в определенной мере единообразно даже для коммерческих и некоммерческих организаций) не только структуру управления и статус (компетенцию) органов корпораций, но и ряд их внутренних отношений, вызывающих практические споры (возможность оспаривания решений общих собраний и других коллегиальных органов, условия выхода или исключения из числа участников и т.п.). Формальная классификация юридических лиц с учётом корпоративного элемента, в свою очередь, привела к значительным

пробелам законодательства в регулируемой области корпоративных отношений. ГК РФ, как основополагающий кодифицированный нормативный правовой акт, содержит общие положения о корпорациях, в остальной части имеется значительное количество отсылочных норм к различным нормативным правовым актам. Ввиду наличия указанных обстоятельств, значительно снижается уровень правовой защиты корпоративных отношений в его глобальном аспекте.

В связи с указанным, проблема механизма правового регулирования, как основы эффективной правовой защиты субъектов корпоративных отношений заслуживает особого внимания.

Несмотря на особенности правовой природы каждой организационно-правовой формы корпорации, общая правовая природа корпораций в целом, предопределяет наличие централизованного характера её деятельности, что вызывает необходимость строгой регламентации правового механизма её деятельности. Указанный факт заслуживает особого внимания ввиду особенностей корпоративных отношений. В частности, если более подробно проанализировать механизм правового регулирования корпоративных отношений, то можно понять, что к числу особенностей правового регулирования корпоративных отношений относятся, в том числе, особые основания их возникновения, а также вся система правовых норм, которые их регулируют. Достаточно часто, ввиду отсылочного характера правовых норм корпоративного законодательства, можно обнаружить всевозможные противоречия и дублирование правовых норм, что является дополнительным фактором, снижающим уровень правовой защиты субъектов корпоративных отношений и противоречит положениям правовой доктрины Российской Федерации.

Такие факты можно установить в сфере корпоративного законодательства и законодательства о банкротстве. К примеру, ст. 64 ГК РФ не предусматривает удовлетворение требований внеочередных текущих кредиторов, [1] тогда как Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривает такую категорию кредиторов (п. 1 ст. 134) [2]. Возникает вопрос: означает ли это, что удовлетворение требований внеочередных текущих кредиторов в ходе ликвидации должно осуществляться только в установленной кодексом очередности? Указанные факты находят своё проявление в различных областях регулирования корпоративных отношений, анализ которых указывает на необходимость реализации института систематизации корпоративного законодательства.

При этом, характер имеющихся пробелов позволяет определить, что основным способом устранения таких пробелов, является консолидация всего механизма корпоративного законодательства.

Консолидация корпоративного законодательства является одной из форм систематизации, правовая природа которой состоит в объединении корпоративных нормативных актов по тому или иному вопросу в единый акт.

Ранее действовавшие нормативные акты в этой связи прекращают свое существование. В результате такой работы получают укрупненные нормативные документы, объединяющие значительное количество правовых норм корпорации.

Деятельность по систематизации корпоративных актов является одним из важных показателей работы корпорации. Однако, переходя непосредственно к вопросу реформирования механизма правового регулирования корпоративного законодательства РФ, в аспекте применения консолидации, изначально возникает ряд проблем, связанных, в первую очередь, с организационными аспектами этого вопроса в части отсутствия механизма и технико-юридических правил консолидации и специфики норм корпоративного законодательства РФ. В настоящее время, какая-либо законодательная база, закрепляющая правила или методику юридической техники систематизации законодательства, как на федеральном, так и на региональном уровне, отсутствует. На территории Тамбовской области действует Закон Тамбовской области от 23.06.2006 г. № 51-З «О правовых актах Тамбовской области» [4], который закрепляет лишь общие правила правотворчества. Проблема регламентации юридической техники систематизации имеет место быть и в других странах, однако, к примеру, для США и других стран англо-саксонской системы права это объяснимо. Несмотря на наличие статутного права, правовое регулирование общественных отношений там происходит на основе прецедентного права, а имеющиеся статуты являются достаточно старыми и, как правило, не совершенствуются (к примеру, Конституция США принята в 1787 г. и действует по настоящее время) [5, с. 17] Отсутствие чёткой правовой регламентации правил юридической техники консолидации законодательства, оформленных в официальных документах, ставит под сомнение эффективность её применения для любой отрасли права, в частности, для корпоративного законодательства. Надлежащая правовая регламентация (разработка единых правил консолидации, методических рекомендаций, регламентов, утверждённых компетентными органами) позволит правоприменительным органам избежать двойных стандартов в толковании норм права, субъективизма со стороны уполномоченных должностных лиц, а значит, повысить эффективность применения системы права, уровень защиты прав и свобод её субъектов.

Таким образом, в результате анализа механизма правового регулирования корпоративного законодательства Российской Федерации можно сделать вывод о необходимости его дальнейшего совершенствования. Обобщая выявленную проблематику, важно обозначить, что для совершенствования механизма правового регулирования корпоративных отношений необходимо реформирование корпоративного законодательства РФ в трёх направлениях: нормативно-правовое и методическое обеспечение правосистематизационной деятельности корпораций, совершенствование правосознания членов корпораций, которые, в свою очередь, являются субъектами корпора-

тивного правотворчества, по основам правотворчества и формирование практики применения корпоративного и систематизации корпоративных нормативных актов правотворчества в деятельности корпораций.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (с изм. и доп. от 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 22.12.2014 № 432-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 27 (Ч. 2). — Ст. 4294.
4. О правовых актах Тамбовской области: Закон Тамбовской области от 23.06.2006 № 51-3 (с изм. и доп. от 07.12.2017) // Тамбовская жизнь. — 2006.
5. Реутов В. П. К вопросу о консолидации как форме систематизации законодательстве // В.П. Реутов, А.В. Ваньков. — Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 3. — С. 16–20.
6. Ломакин Д. В. Корпоративное право: актуальные проблемы. — Москва: Инфотропик Медиа, 2015. — 239 с.

Проблемы правового регулирования корпораций в России и в Великобритании: общие черты и различия

Гараджа Юлия Валерьевна, студент магистратуры;
 Придворова Мария Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
 Тамбовский государственный технический университет

В статье проводится сравнительный анализ корпоративного законодательства России и за рубежом, в ходе которого устанавливаются сходства и различия механизма правового регулирования. Сравнительный анализ Российского законодательства и законодательства Великобритании позволяет определить возможность внедрения норм зарубежного корпоративного законодательства в корпоративное законодательство Российской Федерации в целях исключения имеющихся пробелов правового регулирования.

Ключевые слова: корпоративное право, корпорации, федеральные законы, компания, корпоративное регулирование, нормативно-правовые акты, правоотношения.

Problems of legal regulation of corporations in Russia and abroad, the UK: common features and differences

Garadzha Julia V., master student
 Pridvorova Maria Nikolaevna, Ph.D., Associate Professor
 Tambov State Technical University

The article provides a comparative analysis of the corporate legislation of Russia and abroad, during which it establishes the similarities and differences in the mechanism of legal regulation. A comparative analysis of the Russian legislation and the legislation of Great Britain allows determining the possibility of introducing the norms of foreign corporate legislation into the corporate legislation of the Russian Federation in order to eliminate the existing gaps in legal regulation.

Keywords: corporate law, corporations, federal laws, company, corporate regulation, legal acts, legal relations.

Корпорации последней четверти XX в. являются важнейшим элементом развития мировой экономики и международных экономических отношений [8]. Рос-

сийское корпоративное законодательство начало развиваться и функционировать в России, по сравнению с иностранным опытом, незначительный отрезок времени.

В России корпоративные организационно-правовые формы предпринимательской деятельности начали создаваться в XVII веке [9, с. 9]. Лишь к середине 90-х гг. были приняты основные акты, касающиеся регулирования некоторых форм корпорации — федеральные законы «Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью», «О производственных кооперативах» [9, с. 11].

Развитие корпоративного права в России достигло в настоящее время достаточно высокого уровня: разработано большое число законодательных и подзаконных актов, постановлений и распоряжений Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг, накоплена достаточно обширная судебная практика. Вместе с тем существующее на сегодняшний день правовое обеспечение корпоративного бизнеса не отвечает в достаточной степени требованиям современных российских рыночных отношений.

На сегодняшний день фундамент регулирования корпоративных отношений в России составляет Гражданский Кодекс РФ, федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», ФЗ «Об акционерных обществах», ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и другие.

Согласно п. 1 ст. 65.1 Гражданского кодекса РФ корпорациями в России признаются: «хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), нотариальные палаты, товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общины коренных малочисленных народов Российской Федерации» [1].

Общие положения отношений, возникающих в корпоративных юридических лицах, регулируются Гражданским Кодексом Российской Федерации, а также отдельными федеральными законами и иными нормативно-правовыми актами.

Касаемо корпоративного законодательства Великобритании нужно отметить, что там корпоративное право является одно из старейших в мире. В Великобритании, начиная с XII века, создавались первые акционерные компании. С 1985 года появился первый законодательный акт, который регулировал отношения компаний — «Закон о компаниях» [6].

В настоящее время на территории Великобритании основополагающим нормативно-правовым актом регулирующие правоотношения корпораций так же является «Закон о компаниях» только 2006 года [6]. Новый закон был принят в целях реформирования английского корпоративного законодательства, поэтому изначально планировалось включить в этот закон только новые нормы кор-

поративного права. Однако, в ходе принятия решения стратегия поменялась и закон консолидировал в себе большую часть норм, регулирующих английские компании, при всем том — сохранил актуальность норм предшествующего закона о компаниях 1985 года. Данный закон стал самым большим законодательным актом за всю историю английского законодательства. Закон включил в себя 1300 статей, 17 приложений [6].

Согласно закону Великобритании все компании делятся на типы:

1. Частная компания с ответственностью, ограниченной по гарантии. В данном типе компании ответственность акционеров ограничена суммой, которую они могут нести в активы компании в случае ее ликвидации.

2. Частная компания с ответственностью, ограниченной акциями. Уставный капитал разделен на акции, участники компании — акционеры, которые несут ответственность в пределах неоплаченной части акций, которыми они владеют. Такого рода компании продают акции неограниченному кругу лиц.

3. Частная компания с неограниченной ответственностью. Здесь ответственность акционеров не ограничена, иметь уставный капитал не является обязательным условием функционирования компании.

4. Компания ограниченного типа с ограниченной ответственностью. Уставный капитал разделен на акции, ответственность акционеров ограничена суммой невыплаченной по акциям, которыми они владеют, либо суммой, которую они согласны внести в активы компании в случае его ликвидации. Уставный капитал уже конкретизирован для данного типа компаний и не должен быть ниже 50 000 рублей.

5. Компании общественного интереса. К данным компаниям можно отнести компании с ответственностью, ограниченной акциями и не имеющая капитала; компании с ответственностью, ограниченные по гарантии, которые могут иметь или нет уставной капитал предприятия. Главная особенность данных компаний состоит в том, что прибыль здесь направлена на общественно полезные цели.

Делая анализ корпоративного законодательства Великобритании и России можно выявить, некоторые сходства в корпоративном регулировании, например, выделяют публичные и не публичные организации. Например, в России существуют такие типы организационно-правовых форм только акционерных обществ как публичные и не публичные. В свое время как в Великобритании все компании делятся на публичные и не публичные. Между тем, компании в Великобритании делятся на ограниченные и неограниченные ответственностью участников. Подобная схожесть присутствует и в законодательстве РФ, например, хозяйственные общества делятся общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1996 № 208-ФЗ (ред. от 27.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
3. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
4. О производственных кооперативах: Федеральный закон от 08.05.1996 № 41-ФЗ (ред. от 30.11.2011) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 20. Ст. 2321.
5. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 23.06.2014) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.
6. Закон Великобритании о компаниях 2006 года // [Электронный ресурс] URL: http://r-ilc.ru/sites/default/files/o_kompaniyah_0.pdf. (дата обращения 17.09.2018).
7. Андреева А. Р. Правовое регулирование корпоративных конфликтов в зарубежных странах (на примере Великобритании и США) // Государство и право. Юридические науки. 2010. С. 127–128.
8. Будылин С. Л. Новое корпоративное законодательство Великобритании: Companies Act 2006 // Научная сеть Современное право [Электронный ресурс] URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/> (дата обращения 18.09.2018).
9. Каплин С. Ю. Становление корпорации в России // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2010. № С. 8–16.
10. Фролов В. В. Экономическая сущность корпораций и их роль в экономике // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2010. С. 1–6.

Проблемы развития корпоративного законодательства в РФ

Гараджа Юлия Валерьевна, студент магистратуры;
 Придворова Мария Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
 Тамбовский государственный технический университет

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования корпоративных отношений в Российской Федерации. Анализ развития корпоративного законодательства Российской Федерации указывает на недостаточный уровень корпоративного управления и необходимость дальнейшего совершенствования корпоративного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: корпоративное законодательство, корпоративное управление, корпоративные конфликты, корпоративные споры, корпоративное право, правовая система, совершенствование.

Problems of development of corporate legislation in the Russian Federation

Garadzha Julia V., master student
 Pridvorova Maria Nikolaevna, Ph.D., Associate Professor
 Tambov State Technical University

The article deals with the problems of legal regulation of corporate relations in the Russian Federation. Analysis of the development of corporate legislation of the Russian Federation indicates an insufficient level of corporate governance and the need to further improve the corporate legislation of the Russian Federation.

Keywords: corporate law, corporate governance, corporate conflicts, corporate disputes, corporate law, legal system, improvement.

Современное корпоративное законодательство в России начало зарождаться с конца 80-х годов, с момента, когда в СССР начался процесс постепенного перехода к рыночным отношениям [2, с. 91].

Формирование оптимальной институциональной среды для ведения предпринимательской деятельности является одним из главных условий, обеспечивающих стабильность

темпов экономического роста и повышения конкурентоспособности Российской Федерации в условиях глобализации хозяйствующих связей. Деятельность российских корпораций зависит от степени эффективности корпоративного управления и корпоративного законодательства.

В настоящее время, заметной тенденцией последних лет стало увеличение количества корпоративных споров,

конфликтов, которые сопровождаются сменой корпоративного контроля и перераспределением собственности. Эффективное корпоративное управление является залогом для обеспечения инвестиционной привлекательности бизнеса. Улучшение качества корпоративного управления способствует устойчивому росту капитализации корпорации, снижает риски и вероятность возникновения корпоративных конфликтов, увеличения корпоративных связей и стабильность бизнеса.

Анализ существующей практики корпоративного управления на российских предприятиях и законодательной базы корпоративных отношений, выявил недостаточный уровень правового регулирования в сфере корпоративного менеджмента, отсутствие стандартов корпоративного управления в акционерных обществах, соответствующих общепринятой мировой практике, отсутствие необходимых деловых норм в предпринимательской среде.

Несовершенство российского законодательства и неоднозначное толкование его норм, привели к тому, что некоторые нарушения имеют вполне легальную форму. Специфичность ситуации состоит в том, что положения Закона, которые, казалось бы, гарантируют акционеру защиту его интересов, в российских условиях на практике вследствие «умелого» их применения играют противоположную роль.

К наиболее характерным нарушениям прав акционеров и акционерного законодательства относятся: нарушение права акционера на участие в общем собрании, «размывание» капитала, нарушение прав акционеров в ходе реорганизации и консолидации компаний (особенно, случаи перехода на единую акцию), нарушение требований раскрытия информации, вывод активов в «дружественные» компании, трансфертное ценообразование, совершение «заинтересованных» сделок с нарушением установленного порядка, осуществление фиктивных банкротств с последующей скупкой продаваемых активов.

Говоря о широком внедрении договорных начал в корпоративное право, можно отметить, что это приветствуется не всеми учеными. Так, Суханов Е. А., анализируя правила об уставном капитале хозяйственных обществ в праве стран континентальной Европы и англо-американских стран в отношении корпоративных соглашений, отмечает различия в понимании этого института в разных правовых системах. Он замечает, что, в отличие от англо-американского права, в европейском континентальном корпоративном праве такие соглашения рассматриваются как обычные гражданско-правовые сделки владельцев акций по распоряжению своим имуществом, ими могут устанавливаться известные особенности в осуществлении права голоса (участие в управлении). Вместе с тем они не могут быть строго секретными, не могут менять императивно закреплённую законом структуру корпорации, а также ими исключается заключение соглашений о голосовании в интересах третьего лица, чьи интересы могут расходиться с общими интересами корпорации [6, с. 7]. Высказанные замечания следует учи-

тывать при установлении новых правил о корпоративном управлении, необходимо очень внимательно и осторожно относиться к включению в отечественное законодательство институтов из других правовых систем без соответствующей адаптации и анализа последствий применения таких норм.

Корпоративные конфликты в России возникают в связи с низким качеством корпоративного управления [3, с. 25]. Возможность незаконного перераспределения собственности препятствует эффективному ведению предпринимательской деятельности, так как объектами недружественных захватов чаще всего становятся экономически устойчивые и динамично развивающиеся компании. Данная ситуация значительно повышает риски инвестирования в российскую экономику, повышает транзакционные издержки корпораций, снижает их инвестиционную привлекательность и тормозит развитие фондового рынка в качестве источника финансовых ресурсов.

Дальнейшее развитие корпоративного законодательства должно стимулировать увеличение информационной прозрачности и открытости российских компаний, так как в настоящее время большинство компаний не предоставляют информацию о структуре собственности (информация о действительных собственниках) и не раскрывают данные финансовой отчетности. Кроме того, в российском законодательстве пока не получили необходимого отражения проблемы использования инсайдерской информации и манипулирования рыночными ценами.

Казусный момент содержится в Федеральном законе от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» неясности момента перехода доли участника общества от одного лица к другому. Федеральный закон № 14-ФЗ предусматривает, что доли участников переходят на основе договора, совершенных в простой письменной форме, однако в ряде случаев закон устанавливает момент перехода долей к обществу с момента предъявления участником советующего требования [1]. В результате данной процедуры момент перехода доли для остальных участников и третьих лиц не определен. В ходе чего, на практике появились злоупотребление правом, в частности, связанные с оформлением документов, например «задним числом» для того, чтобы избежать ареста или обращения взыскания на долю участника. Так же неопределённым является момент правового статуса приобретателя доли, который не может быть уверен, что доля принадлежит отчуждающему лицу.

Не менее важной является проблема совершенствования системы корпоративного управления в России. Действующие на данный момент модели управления корпорациями стоятся в соответствии с различными зарубежными концепциями [4]. В основе концепции англо-американского права лежит договорная теория — наиболее полная свобода предпринимательства и соответственно практически полное невмешательство государства в эту сферу. В настоящее время в России сформирована неэффективная модель корпоративного управления с пре-

обладанием собственника-инсайдера, ориентированного, прежде всего на защиту от недружественных поглощений, а не на развитие инвестиционного потенциала компании. Кроме того, недостаточное развитие конкуренции, особенно на фондовом рынке, не способствует формированию инструментов законного перехода прав собственности в корпорации к наиболее эффективному собственнику. На практике слабо используются такие известные на мировых рынках возможности корпоративного управления, как:

– самостоятельное урегулирование корпоративных конфликтов через третейские суды или комитеты по корпоративной этике;

– использования механизмов страхования ответственности и диверсификации бизнеса с учетом специфики деятельности корпорации.

В современных условиях одним из основных инструментов развития предпринимательской деятельности корпораций является формирование комплексной и эффективной системы корпоративного законодательства, способствующей повышению конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности российских компаний, а также обеспечивающей прозрачность и эффективность государственного регулирования сферы корпоративных отношений.

В отношении путей совершенствования российского корпоративного права можно сказать, что главная задача с точки зрения государства — это рассмотрение корпоративного управления в контексте защиты прав и законных интересов акционеров и обеспечение баланса интересов всех участников корпоративных отношений. В процессе дальнейшего реформирования корпоративного права необходимо учитывать следующие положения: 1) разный подход к корпорациям разного типа; 2) отказ от заведомо неэффективного внедрения стандартов корпоративного управления; 3) налоговое поощрение дивидендных выплат; 4) развитие законодательства, регулирующего корпоративные группы.

При этом следует учитывать положительный опыт зарубежных стран, разработавших несколько моделей корпоративного управления, не забывая о мировой тенденции сближения моделей корпоративного управления. Ответственность, подотчетность, честность, законность и про-

зрачность являются универсальными стандартами для всех видов корпоративного управления, которые должны найти отражение в российском законодательстве с учетом особенностей национальной правовой системы и предпринимательской деятельности в России.

Таким образом, российская система корпоративного управления должна стать более гибкой и отвечать потребностям публичной власти и широких групп участников корпоративным отношений.

Российское законодательство по реорганизации юридических лиц не отвечает современным требованиям, а также содержит ряд норм, которые на практике приводят к усложнению процедуры реорганизации и сопровождается существенными рисками.

Для стабильности хозяйственного оборота одной из наиболее опасных проблем связана с широко допускаемой возможностью оспаривания реорганизации. Реорганизация юридического лица представляет собой сложный юридический процесс, приводящий к созданию нового субъекта. Если юридическое лицо было создано, даже с нарушениями, целесообразно поддержать стабильность хозяйственного оборота и сохранения такого лица, чем ему ликвидация. В связи с этим необходимо законодательно закрепить возможность процедуры «оздоровления» реорганизации. Ликвидация созданных юридических лиц не должна допускать вовсе или должна допускаться только лишь как исключительное средство правовой защиты.

Таким образом, корпоративное законодательство затрагивает всех без исключения участников хозяйственной деятельности. В результате анализа проблем развития корпоративного законодательства в Российской Федерации можно сделать вывод о необходимости его дальнейшего совершенствования. Обобщая выявленную проблематику, важно обозначить, что для совершенствования корпоративных отношений необходимо реформирование корпоративного законодательства РФ в сфере повышения качества корпоративного управления, внесении изменений в Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [1], в частности установления конкретных сроков и механизма перехода доли участника общества от одного лица к другому, а так же детального описания процедуры реорганизации корпораций.

Литература:

1. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон РФ от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 7 — Ст. 785.
2. Блоцкий В. Н. Особенности современного корпоративного законодательства в Российской Федерации // Проблемы в российском законодательстве. Юридические науки. — 2013. — № 1. — С. 91–93.
3. Гутников О. В. Состояние и перспективы развития корпоративного законодательства в Российской Федерации // Журнал Российского права. — 2007. — № 1. — С. 24–37
4. Концепция правовой политики на период до 2008 года утв. ТПП от 2008 года [Электронный ресурс]: URL: <http://base.garant.ru/6385115/> (дата обращения 20.09.2018).
5. Сергеева И. Г., Грачева Е. А. Совершенствование корпоративного законодательства как средство повышения эффективности предпринимательства // Научный журнал НИУ ИТМО. — 2013. — № 3. — С. 1–6.

6. Суханов Е. А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве // Вестник гражданского права. — 2012. — № 2. С. 4–35.
7. Филиппова Т. А., Коваленко Е. Ю. Корпоративное управление: актуальные проблемы правового регулирования // Известия Алтайского государственного университета. — 2016. — № 1. — С. 159–163.

История становления и развития корпоративного законодательства в России

Гараджа Юлия Валерьевна, студент магистратуры;
Придворова Мария Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

В статье рассматривается история становления корпоративного законодательства в Российской Федерации. Проведённый анализ показывает, что корпоративное законодательство Российской Федерации имеет сравнительно недавнюю историю развития, но при этом достигло достаточно высокого уровня, однако, имеющиеся пробелы правового регулирования корпоративного законодательства требуют соответствующей проработки в части исключения существующих правовых коллизий.

Ключевые слова: корпорации, корпоративные отношения, корпоративное законодательство, корпоративное право, корпоратизация, акционерная компания, государственное управление.

The history of the formation and development of corporate law in Russia

Garadzha Julia V., master student
Pridvorova Maria Nikolaevna, Ph.D., Associate Professor
Tambov State Technical University

The article deals with the history of the formation of corporate legislation in the Russian Federation. The analysis shows that the corporate legislation of the Russian Federation has a relatively recent history of development, but it has reached a fairly high level, however, the existing gaps in the legal regulation of corporate legislation require appropriate study in part of the exclusion of existing legal conflicts.

Keywords: corporations, corporate relations, corporate law, corporate law, corporatization, joint-stock company, public administration.

В России возникновение корпоративных организационно-правовых форм предпринимательской деятельности произошло в 17 веке [9, с. 19]. История корпорации в России, по сравнению с иностранным опытом, занимает незначительный отрезок времени.

Впервые признаки корпорации появились в «Уложении» царя Алексея Михайловича, где появились нормы, регулировавшие расчеты товарищей между собой по поводу распределения непредвиденных убытков и потерь. Реальное ведение товариществ в России и освоение корпоративной идеи произошло при Петре I, когда он под влиянием своих заграничных путешествий решил ввести в России этот институт. Был создан первый законодательный акт, имеющий отношение к корпорациям в Указе от 27.10.1699 года [10, с. 47]. Так же свое отражение корпорации нашли в Указе от 26.12.1706 года, Указе от 02.03.1711 года и Указе от 08.11.1723 года [6, с. 15]. В соответствии с ранее перечисленными указами — купцы и другие свободные граждане должны были торговать путем создания совместных компаний по западноевропейскому образцу.

В этом же направлении работал Александр I в своем Манифесте от 1 января 1807 года. Манифест выражал рекомендации к образованию купцами товарищества: полного и на вере, товарищества «по участкам», то есть товарищества, имеющий складочный капитал. Торговые товарищества получили необходимые условия для развития и были широко распространены вплоть до 1917 года.

Первое появление акционерных обществ появилось в 1830 году при Николае I с Положением Комитета министров «Об учрежденной в Малороссии компании для добывания сахара из свекловицы». Данный документ регламентировал типовой устав, порядок ведения и управления дел в акционерной компании.

В 1836 году царем Николаем I был подписано Положение. Впервые в России вводилось исключительное право акционеров управлять деятельностью компании. Фактически это означало признание права частной собственности. Общее собрание акционеров утверждало состав правления (в современной трактовке совета директоров) численностью не менее трех директоров.

Далее развитие корпорации в России шло медленно. В двадцатом веке корпорации в полную меру существовали и функционировали, имели законодательную почву регулирования. Поэтому смело можно поддержать точку зрения Магданова П. В., что: «корпорации двадцатого столетия перевернули мир и предопределили его будущее».

Во второй половине 1917 года высшим советом народного хозяйства был подготовлен новый проект Декрета об экономических преобразованиях, первый раздел которого был посвящен национализации акционерных компаний.

В год нэпа с развитием товарно-денежной политики ситуация изменилась и в 1922 году было учреждено первое акционерное общество советского периода — акционерное общество внутренней и ввозной торговли кожвенным сырьем «Кожсырье».

Позднее в парадигме корпоративных отношений в сторону формирования законодательства стремительно развивалось и нашло свое отражение в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. В десятом разделе под названием «Товарищество» содержался пятый подраздел, который назывался «Акционерное общество (паевое товарищество)» и включал 45 статей. Кодекс рассматривал акционерное общество как разновидность товарищества, ставил знак равенства между ним и паевым товариществом.

Постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г. был принят Гражданский кодекс РСФСР, в общем плане регулировавший деятельность товариществ, акционерных обществ и государственных трестов, предусматривающий разрешительный порядок создания акционерных обществ с утверждением устава общества государственным органом, а также содержащий основные принципы создания и деятельности организаций, присущие корпоративным организационно-правовым формам. Акционерные общества делились на государственные, смешанные и частные, исходя от формы собственности вкладов участников.

В период 70–80-х гг. в СССР начало активно развиваться корпоративное законодательство в отношении групп организаций — хозяйственных объединений [9, с. 19].

Правовой основой для совершенствования государственного управления экономикой были Закон СССР от 30 июня 1987 г. «О государственном предприятии (объединении)» и Положение о Государственном производственном объединении, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 23 сентября 1987 г., закрепившие правовой статус и виды объединений, к числу которых были отнесены производственные и научно-производственные объединения [6, с. 9].

Формирование объединений с 1991 г. происходит в рамках приватизационного законодательства. Ме-

жотраслевые союзы, ассоциации, концерны, корпорации, холдинги и другие объединения предприятий должны были преобразовываться в товарищества или акционерные общества с одновременным определением размеров вкладов предприятий-участников (учредителей) в их уставный капитал.

В рамках реформирования отношений собственности в переходный период основным звеном явилось создание юридических лиц — частных компаний, представляющих основу всех преобразований. В итоге в середине 90-х были приняты основные акты — федеральные законы «Об обществах с ограниченной ответственностью», «Об акционерных обществах», «О производственных кооперативах».

Однако впервые понятие «корпорации» было законодательно введено по средствам внесения поправок в Гражданский кодекс РФ только в 2014 году. В модификациях 2014 года в ГК РФ впервые было введено деление юридических лиц на: корпоративные и унитарные [1].

В соответствии со статьёй 65.1 Гражданского кодекса РФ корпорациями в России признаются: «хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), нотариальные палаты, товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общины коренных малочисленных народов Российской Федерации» [1].

До принятия федерального закона от 05.05.2014 года № 99 «О внесении изменений в главу 4 Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [5] легальное определение в российском законодательстве отсутствовало. В ходе последней реформы с пониманием корпорации несколько изменилось.

Таким образом, развитие корпоративного права в России достигло достаточно высокого уровня: разработано большое количество законодательных и подзаконных актов, постановлений и распоряжений, а также накоплена достаточно обширная судебная практика. Так как в настоящее время на фоне процессов глобализации, концентрации капиталов отдельных компаний и увеличения количества корпораций идет речь о корпоратизации юридических лиц как очевидном и неизбежном правовом и экономическом явлении. Вследствие этого необходимо проработать и исключить имеющиеся «пробелы», законодательно урегулировать все противоречивые моменты корпоративного законодательства Российской Федерации, которые имеются на сегодняшний день.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.09.2019) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

2. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 1.
3. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 7. — Ст. 785.
4. О производственных кооперативах: Федеральный закон от 08.05.1996 № 41-ФЗ (ред. от 30.11.2011) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 20. — Ст. 2321.
5. О внесении изменений в главу 4 Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 05.05.2014 № 99 (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2014. — № 19. — Ст. 2304.
6. Каплин С. Ю. Становление корпораций в России // Вестник Самарской гуманитарной академии. — 2010. — № 1 (7). — С. 8–18.
7. Кирилловых А. А., Кирилловых А. А. Корпоративное право. Курс лекций. — М.: Юстицинформ. — 2009. — 192 с.
8. Козырева А. Б. Основные подходы к пониманию корпорации // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 346 (47). — С. 93–103.
9. Магданов П. В. История возникновения корпораций до начала XX в. // ARS ADMINISTRANDI. — 2012. — № 1. — С. 15–32.
10. Черенков А. В. Специфика развития корпораций в России // Вестник Тамбовского университета. — 2010 № 4 (84). — С. 45–51.

Правовое регулирование института приемной семьи на территории Астраханской области

Джумагазиева Гульнара Сарсенбаевна, кандидат юридических наук, доцент;
Бернаккия Кристина Германовна, студент магистратуры
Астраханский государственный университет

Институт приемной семьи занимает важнейшее место среди форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: дети, приемная семья, орган опеки и попечительства, государство.

Институт приемной семьи развивается и на территории Астраханской области, поэтому его правовое регулирование является важной задачей органов законодательной власти Астраханской области. Так, на территории Астраханской области действует закон Астраханской области от 11 февраля 2002 года № 6/2002-ОЗ «О защите прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Астраханской области» (далее — Закон), который определяет правовые основы деятельности и компетенцию органов государственной власти Астраханской области в сфере социальной защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также меры государственной поддержки в области защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Статья 1 Закона содержит определение термина приемная семья, под которой понимается форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на основании договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью между органами опеки и попечительства и приемными родителями (супругами или отдельными гражданами, желающими взять детей на вос-

питание в семью). Указанное определение отличается от определения, данного в ст. 152 Семейного кодекса Российской Федерации в части не указания ссылки на срочность договора.

Форма договора о приемной семье утверждается исполнителем органом государственной власти Астраханской области, уполномоченным осуществлять функции по реализации государственной политики, нормативно-правового регулирования в сфере образования, научной, инновационной деятельности, в сфере молодежной политики, воспитания, опеки и попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений Астраханской области.

В соответствии с Постановлением Правительства Астраханской области от 22 декабря 2009 г. № 660-П «О передаче отдельных полномочий Министерства образования и науки Астраханской области Министерству социального развития и труда Астраханской области» с 01.01.2010 года министерству социального развития и труда Астраханской области осуществляемые министерством образования и науки Астраханской области

переданы полномочия по реализации функций органа по опеке и попечительству несовершеннолетних, установленных федеральным законодательством, и по формированию, ведению и использованию регионального банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей, и гражданах (в том числе иностранных и лицах без гражданства), желающих принять детей на воспитание в свои семьи, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Так, институту приемной семьи посвящена статья 6 Закона Астраханской области от 11 февраля 2002 года №6/2002-ОЗ. Указанная статья содержит ряд норм, регулирующих, прежде всего материальное обеспечение приемных семей и формы социальной поддержки. Именно данный вопрос был передан федеральным законодателем на рассмотрение субъектам и регулированием в законах субъектов Российской Федерации.

За воспитание каждого ребенка, не достигшего 3-летнего возраста или имеющего отклонения в психическом или физическом развитии, дополнительно выплачивается ежемесячная доплата к установленной оплате труда приемных родителей в размере 1100 рублей.

Указанные средства на оплату труда приемных родителей ежемесячно выплачиваются исполнительным органом государственной власти Астраханской области, уполномоченным осуществлять функции по реализации государственной политики в сфере социальной защиты населения, включая вопросы выплаты государственных и социальных пособий, за счет средств областного бюджета.

Денежные средства, предусмотренные на содержание приемного ребенка (детей), выплачиваются одному из приемных родителей, указанному в их совместном заявлении, на основании договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в приемную семью.

Размер выплат на содержание ребенка устанавливается не ниже размера ежемесячных выплат опекунам (попечителям) на содержание детей, находящихся под опекой (попечительством).

Выплата денежных средств, предусмотренных на оплату труда приемных родителей и на содержание детей, переданных в приемную семью, прекращается с момента прекращения действия договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в приемную семью.

В случае возникновения спора о размере выплат приемным родителям, им необходимо обратиться в орган опеки и попечительства, который обязан хранить документы по назначению и выплате денежных средств, предусмотренных на оплату труда приемных родителей и на содержание детей, переданных в приемную семью, в личных делах приемных родителей.

В соответствии с п. 3 ст. 6 Закона Астраханской области от 11 февраля 2002 года №6/2002-ОЗ приемные семьи имеют также ряд льгот, а именно:

— скидка в размере 30 процентов от установленной платы за пользование отоплением, водой, канализацией, газом и электроэнергией, а для семей, прожива-

ющих в домах, не имеющих центрального отопления — от стоимости топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению на данной территории. При этом органы местного самоуправления вправе выделять денежные средства на: отопление, освещение, текущий ремонт жилья, приобретение мебели и оплату услуг бытового обслуживания приемным семьям;

— один день в месяц для бесплатного посещения музеев, парков культуры и отдыха, а также выставок;

— бесплатная выдача лекарств, приобретаемых по рецептам врачей, для детей в возрасте до 6 лет;

— бесплатный проезд на внутригородском транспорте (трамвай, троллейбус, автобус городских линий (кроме такси), а также в автобусах пригородных и внутрирайонных линий для учащихся общеобразовательных школ;

— бесплатное питание (завтраки и обеды) для учащихся общеобразовательных и профессиональных учебных заведений.

Органами местного самоуправления для лиц, являющихся приемными родителями, могут устанавливаться дополнительные льготы по земельному налогу и арендной плате за землю, находящуюся в муниципальной собственности.

Приемные родители имеют права на получение иных выплат, пользуются правами и несут обязанности, установленные федеральным законодательством и законодательством Астраханской области.

Дети, переданные на воспитание в приемную семью, пользуются льготами, установленными федеральным законодательством и законодательством Астраханской области для воспитанников образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (п. 8 ст. 6 Закона), а также пользуются правами, установленными федеральным законодательством и законодательством Астраханской области.

Таким образом, правовому регулированию института приемной семьи уделяется большое внимание на территории Астраханской области, существует ряд нормативно-правовых актов, регулирующих материальное обеспечение приемной семьи.

На территории Астраханской области проводится ряд мероприятий, организованных Министерством социального развития и труда Астраханской области, по развитию институтов по устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Институт приемной семьи функционирует на территории Астраханской области с 2003 года.

В настоящее время всю информацию о создании и функционировании института приемной семьи, в том числе необходимый пакет документов к заявлению приемных родителей можно получить на интернет-портале Министерства социального развития и труда Астраханской области: <http://www.minsoctrud.astrobl.ru>. [1] Указанное Министерство выступает также региональным оператором банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей.

Второй технологией развития института приемной семьи можно назвать социально-адаптивный институт — «Школа приемных родителей». Указанные школы сформированы практически во всех субъектах Российской Федерации.

Школа приемных родителей в Астраханской области функционирует на базе государственного учреждения «Центр защиты прав детей», а также государственного учреждения Астраханской области «Центр по организации социально-педагогической и психологической помощи детям и родителям» Министерства социального развития и труда Астраханской области.

Школы приемных родителей — это организации, осуществляющие помощь органам опеки и попечительства в подготовке граждан, выразивших желание взять на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, а также функции по сопровождению замещающих семей.

Целью работы «Школы приемных родителей» является улучшение качества и надежности семейного устройства детей за счет повышения психолого-педагогической грамотности приемных родителей.

В «Школе приемных родителей» основным принципом работы является конфиденциальность. Вся личная информация о слушателях и их семьях, полученная в ходе встреч и обучения, не подлежит разглашению и не передается третьим лицам. Сами слушатели могут обучаться анонимно, выбрав себе любое имя и предоставив только

координаты для оперативной связи с ними в случае непредвиденных изменений в программе занятий.

В настоящее время в качестве одной из технологий развития института приемной семьи является обширный мониторинг деятельности региональных органов опеки и попечительства, способствующий формированию целостной картины деятельности указанных органов на всей территории Российской Федерации. Результаты мониторинга будут являться основой для дальнейшего развития законодательства и принятия необходимых мер для развития института приемной семьи.

Данный мониторинг проводится на базе организации единой информационной системы Департамента воспитания и социализации детей Министерства образования и науки Российской Федерации. [2, с 67]

Таким образом, развитие института приемной семьи как приоритетной формы воспитания, наилучшим образом обеспечивающей интересы ребенка, на территории Астраханской области происходит с внедрением современных технологий — полная информационная поддержка на интернет-портале Министерства социального развития и труда Астраханской области, социально-адаптивная поддержка для потенциальных и существующих приемных родителей путем реализации проекта «Школа приемных родителей», программы «слета приемных родителей».

Литература:

1. Школа приемных родителей — заголовок с экрана// <http://www.usynovite.ru/help/http://www.minsoctrud.astrabl.ru>.
2. Приложение № 4. Анкета мониторинга эффективности развития семейных форм устройства детей-сирот. С. 67

Актуальные вопросы правового статуса индивидуальных предпринимателей

Дудаева Наина Эдуардовна, студент магистратуры

Глобальное реформирование хозяйственной жизни страны, начавшееся в конце XX века, имело своей целью перевести экономику России на рыночные рельсы, что в свою очередь потребовало развития предпринимательской деятельности.

Конституционно закрепленный принцип свободы экономической деятельности для всех граждан страны представляет значительные возможности для использования гражданами своих способностей и имеющегося имущества в целях самостоятельной предпринимательской деятельности, которая оказывает положительное влияние не только на личную доходность граждан, но и на экономику страны в целом.

Законодательная основа, регламентирующая предпринимательскую деятельность в России, базируется как на федеральных нормативно-правовых актах, так и на региональных законах, которые учитывают территориальные особенности предпринимательской деятельности. Несмотря на значительный прогресс в правовом регули-

ровании предпринимательской деятельности, остаются значительные проблемы правового статуса предпринимателей, которые требуют скорейшего разрешения.

Самой актуальной проблемой правового статуса предпринимателей является отсутствие теоретико-методологической базы, основанной на научных гражданско-правовых принципах, которая включала бы в себя целостную концепцию понятия индивидуального предпринимательства в России, его законодательного регулирования, правового статуса субъектов и объектов предпринимательства, учитывала бы национальную специфику предпринимательства в целом и региональные аспекты, в частности.

В российском законодательстве до сих пор нет конкретного законодательного обоснования гражданско-пра-

вового статуса индивидуального предпринимателя, что объясняется отсутствием до конца XX века в России законодательно разрешенного предпринимательства.

Как было сказано выше, отсутствие четкой концепции развития правового регулирования предпринимательства, привело к хаотичному формированию законодательных норм и правил в области предпринимательской деятельности, которые, в большинстве своем не только не взаимосвязаны, но зачастую и противоречат друг другу.

Дискуссионность правового статуса индивидуального предпринимателя обосновывается его двойственностью: с одной стороны индивидуальный предприниматель имеет специфический правовой статус, а с другой стороны у него остаются права и обязанности физического лица.

Права, обязанности, специфика деятельности, степень ответственность, позиция в системе правоотношений — критерии, по которым должен определяться правовой статус индивидуального предпринимателя, обладают особой спецификой, которая в современном законодательстве практически не учитывается.

Для получения статуса индивидуального предпринимателя, физическое лицо обязано пройти законодательно регулируемые процедуры государственной регистрации с обязательной постановкой на налоговый учет (п. 1 ст. 23 ГК РФ). В п. 5 данной статьи эта норма распространяется и на глав крестьянско-фермерских хозяйств [1].

Статус индивидуального предпринимателя в общем правовом поле предпринимательства представляет собой неопределенную позицию между коммерческим предприятием и физическими лицом. При этом, индивидуальный предприниматель, представляя собой активного участника экономических отношений, не образует фактически хозяйствующего субъекта.

Отсутствие адекватной законодательной базы в сфере индивидуального предпринимательства, проблемы в решении дискуссионных вопросов практической частной предпринимательской деятельности, незащищенность индивидуальных предпринимателей по многим правовым вопросам, расширение экономических связей, форм и видов хозяйствования, необходимость самостоятельной защиты индивидуальными предпринимателями своих прав привело к объединению двух диаметрально противоположных по своим целям и функциям конструкций — общественным объединениям предпринимателей.

Развитие общественных объединений предпринимателей на современном этапе является объективной необходимостью. Общественные объединения предпринимателей — это тот элемент рыночной системы, который обладает большими возможностями для выработки совместных интересов, объединение сил и защиты прав индивидуальных предпринимателей. Именно через возможности общественного объединения налаживаются партнерские взаимоотношения с более сильными субъектами рынка — крупным бизнесом и государством.

Объединение предпринимателей сферы малого бизнеса помогает решать стратегически важную задачу —

развитие индивидуального бизнеса, защита его прав и интересов.

Общественное объединение предпринимателей дает возможность полноценной и взаимовыгодной взаимосвязи между государством и индивидуальным предпринимательством в сфере формирования законодательных основ частного бизнеса.

При этом, несмотря на то, что такая правовая конструкция как «общественное объединение» регулируется Федеральным законом «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 №82-ФЗ, конкретно понятие «общественное объединение предпринимателей» вызывает значительное количество дискуссионных вопросов и правовых коллизий [2].

Отсутствие четких определений дает возможность расширенного толкования правового статуса общественного объединения предпринимателей. Это привело к тому, что действующие на данный момент такие формы предпринимательских общественных объединений как торгово-промышленные палаты, ассоциации работодателей, предпринимательские кооперативы, некоммерческие объединения предпринимателей, кредитные кооперативы и микрофинансовые организации, являются самостоятельными организационно-правовыми формами некоммерческих юридических лиц. При этом, учитывая цели и задачи деятельности этих форм объединения, необходимо объединить их в единую унифицированную форму, которая должна получить свое законодательное закрепление.

Таким образом, значительное количество актуальных вопросов в сфере индивидуального предпринимательства, с учетом важнейшей роли его в экономической стратегии развития государства, привело к тому, что назрела необходимость создания отдельного закона об индивидуальном предпринимательстве.

Неурегулированные положения в отношении предпринимательской деятельности создают проблемы в решении сложных ситуаций не только самим участникам, но и контролирующим органам. Особенно это касается тех, кто только начинает свой бизнес и просматривают законы об индивидуальном предпринимательстве в поисках полезной для себя информации [3].

Правовые нормы, регламентирующие права и обязанности индивидуального предпринимателя в современном законодательстве характеризуются разрозненностью, те или иные элементы правового статуса, обязанностей, ответственности и других вопросов регулируются различными законодательными и подзаконными актами, что создает особую сложность при изучении их и реализации в практической деятельности.

Начальный опыт законодательного регулирования в современной России уже был. В 1986 году был введен в действие Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности, в котором была сделана попытка правовой регламентации индивидуальной предпринимательской деятельности. В 1991 году этот закон утратил силу в связи с принятием в 1991 году Закона СССР № 2079–1 «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР»,

где уже индивидуальное предпринимательство регулировалось довольно обобщенно. С принятием в 1994 году первой части Гражданского кодекса РФ вопросы правового регулирования индивидуального предпринимательства отошли глубоко на задний план [4].

Таким образом, на современном этапе назрела острая необходимость принятия закона об индивидуальной пред-

принимательской деятельности, в котором бы четко были урегулированы понятийный аппарат, касающийся терминологии, применяемой в законе, права, обязанности, границы деятельности, условия государственной регистрации, налогообложения, ответственности индивидуальных предпринимателей, формы их объединения, а также формы защиты и гарантии предпринимательских прав.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — ст. 3301
2. Федеральный закон от 19.05.1995 N82-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства РФ. — 22.05.1995. — № 21. — ст. 1930
3. Закон об индивидуальном предпринимательстве: предыстория основные постулаты нюансы и советы // <http://femidahelp.ru/zakon-ob-individualnom-predprinimatelstve-predystoriya-osnovnye-postulaty-nyuan-sy-i-sovety.html>
4. Иванова Е. В. Предпринимательское право. — М.: Юрайт, 2016. — 269с.

Особенности приобретения процессуального статуса потерпевшего в российском уголовном процессе

Ильин Антон Андреевич, студент магистратуры
Петрозаводский государственный университет

Одним из принципов уголовного процесса на стадии судебного производства является состязательность сторон, при этом в досудебном производстве действие данного принципа практически нивелировано. Свое проявление данное обстоятельство находит в неравных процессуальных позициях потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого).

По мнению И. С. Смирновой, юридическая литература содержит множество научных работ, указывающих на сложившуюся в законодательной практике ситуацию, когда права потерпевших не находятся в паритете с правами уголовно преследуемых лиц, а потерпевший является самым незащищенным участником правоотношений, несмотря на предпринятые законодателем усилия [1, с. 59–62]

Одним из последних серьезных изменений, внесенных в процессуальный статус потерпевшего, было принятие Федерального закона от 28 декабря 2013 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», вступившего в законную силу 1 января 2014 года [2].

Данным нормативно-правовым актом были внесены изменения в такой относительно молодой кодифицированный нормативный акт как Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Имениям, помимо прочего, был подвержен процессуальный статус потерпевшего. Новой редакцией внесены регламентирующие про-

цессуальное положение потерпевшего нормы, а также отдельные вопросы, требующие правового регулирования на стадиях предварительного расследования, исполнения приговора. Необходимо отметить, что данным нормативно-правовым актом была усилена ответственность потерпевшего в рамках уголовного процесса.

В соответствии со ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице/

Таким образом, в измененном положении статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации регламентирован срок, в течение которого физическое или юридическое лицо, пострадавшее от преступления, необходимо признать потерпевшим: «Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи

или определением суда. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице» [З. с. 45–48].

Полагаем необходимым обратить внимание, что ученые-процессуалисты значительное время настаивали на том, что Уголовно-процессуальному кодекс Российской Федерации необходимо строгое определение процессуального срока, в течение которого лицо должно быть признано потерпевшим.

В этой связи нельзя не обратить внимание на позицию Уполномоченного по правам человека РФ В.П. Лукина, изложенную в специальном докладе «Проблемы защиты прав потерпевшего от преступления» по вопросу отсутствия в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации указания на срок, в течение которого лицо признается потерпевшим, в которой было отмечено, что «...для устранения отмеченного процессуального дефекта следовало бы проработать вопрос о дополнении статьи 146 УПК РФ положением о том, что пострадавшее от преступления лицо признается потерпевшим одновременно с вынесением постановления о возбуждении уголовного дела».

На наш взгляд наиболее совершенным можно считать вариант, когда постановление о признании лица потерпевшим выносится не позднее трех суток с момента возбуждения уголовного дела и немедленного допроса потерпевшего.

Данная позиция обусловлена тем, что на момент возбуждения уголовного дела зачастую не установлен потерпевший и не определен характер причиненного вреда, в связи с чем вышеуказанный срок позволит органам предварительного расследования осуществить сбор сведений, необходимых и достаточных для признания лица потерпевшим. Полагаем необходимым также обратить внимание на то, что срок, регламентирующий признание лица потерпевшим, нашел отражение именно в статье 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а не в регламентирующих порядок возбуждения уголовного дела нормах [З. с. 45–48].

Раскрывая вопрос момента признания лица, которому был причинен вред преступлением, потерпевшим полагаем необходимым отметить позицию высших судебных органов Российской Федерации, которые разъяснили, что правовой статус потерпевшего устанавливается исходя из его фактического положения и не формируется, а лишь оформляется решением должностного лица, осуществляющего уголовно-процессуальную деятельность.

Вместе с тем только после признания в установленном Уголовным процессуальным кодексом Российской Федерации порядке лица потерпевшим, данное лицо приобретает и может использовать всю совокупность предоставленных ему полномочий. Из указанного можно сделать однозначный вывод, что моментом приобретения статуса потерпевшего в уголовном процессе является вынесение дознавателем, следователем, руководителем следствен-

ного органа или судьей постановления о признании данного лица потерпевшим.

В данном случае можно провести аналогию с приобретением своего процессуального статуса другими участниками судопроизводства — подозреваемого и обвиняемого, которые также приобретают указанный процессуальный статус в результате вынесения соответствующего процессуального решения должностным лицом. При этом неравенство указанных субъектов уголовного процесса заключается в моменте приобретения данного процессуального статуса. Основанием для признания лица подозреваемым может служить постановление о возбуждении в отношении него уголовного дела. С указанного момента подозреваемый вправе реализовывать все права, предоставляемые ему Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

В свою очередь лицо, которому преступлением причинен вред, приобретает процессуальный статус потерпевшего лица «незамедлительно», а не одновременно с возбуждением уголовного дела. Следует отметить, что даже упоминание фамилии потерпевшего в постановлении о возбуждении уголовного дела не означает признание его таковым. Поскольку момент признания потерпевшим не закреплен законодательно, наступление данного события носит субъективный характер и зависит от усмотрения должностного лица.

Для приобретения лицом статуса потерпевшего (другого субъекта уголовного процесса) необходимо наличие основания. В данной связи отсутствие фактов, свидетельствующих о причинении лицу имущественного, физического, морального вреда, является обстоятельством, препятствующим приобретению процессуального статуса потерпевшего.

Исходя из комплексного анализа диспозиции части 1 статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации можно сделать вывод, что основным обстоятельством, необходимым для приобретения статуса потерпевшего, является доказанный факт причинения вреда. Буквальное толкование вышеуказанной нормы позволяет сделать вывод, что только постановление суда может признать лицо потерпевшим, в связи с тем, что только суд может признать лицо виновным в совершении преступления. При изложенных обстоятельствах началом действия положений о приобретении статуса потерпевшего является наличие данных о причинении лицу от преступления вреда, установленного законом [З. с. 45–48].

Таким образом, наличие в материалах доследственной проверки сведений о причинении лицу установленного законом вреда, в случае если есть основания для возбуждения уголовного дела, по нашему мнению, является достаточным основанием для признания лица потерпевшим.

Также полагаем, что полученных в соответствии с частью 1 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации данных, являющихся необходимыми для возбуждения уголовного дела, также достаточного и для приобретения лицом статуса потерпевшего.

Кроме того, необходимо принимать во внимание, что обязанностью следователя или дознавателя, принимающего решение о возбуждении уголовного дела, является квалификация деяния по соответствующей статье Уголовного кодекса Российской Федерации, положения которой в обязательном порядке предусматривают причинение вреда физическому или юридическому лицу.

Литература:

1. Смирнова, И. С. Асимметрия прав потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого) / И. С. Смирнова // Вестник Омской юридической академии. — 2016. — № 2 (31). — С. 59–62
2. Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // «Российская газета», № 295, 30.12.2013.
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Российская газета», № 249, 22.12.2001. — С. 45–48

Таким образом, по нашему мнению, моментом приобретения лицом процессуального статуса потерпевшего должен являться момент принятия решения о возбуждении уголовного дела. В данном случае целесообразным является признание лица потерпевшим в один момент с возбуждением уголовного дела в одном процессуальном акте, с указанием в резолютивной части постановления о признании конкретного лица потерпевшим.

Конституционное и законодательное регулирование права граждан РФ на свободу передвижения и выбор места пребывания и жительства в пределах РФ

Кинжибеков Виталий Владимирович, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Проблемы реализации свободы передвижения всегда были актуальны для нашей страны. Действовавшие еще в царской России паспортный режим и полицейская регистрация устанавливали необходимость получения разрешения как на выезд из страны, так и на передвижение внутри. Похожая система была и в СССР, где были введены паспорта и режим прописки, которые закрепляли каждого гражданина за определенным местом жительства, а также закреплялось положение о получении у властей разрешения на проживание. Прописка была «способом тотального контроля за каждым, инструментом давления, манипулирования, ограничения прав». Это усугублялось и тем, что от наличия или отсутствия соответствующего штампа в паспорте зависела возможность реализации имущественных, трудовых, избирательных, социальных, семейных и других прав граждан. Еще в конце 80-х гг. двадцатого века инициативы об отмене прописки воспринимались как фантастические и невозможные» [1, с 260].

Для России двадцать первого века вопросы нормативного регулирования свободы передвижения, выбора места пребывания и жительства не утратили своей актуальности. Реальное воплощение данного права в жизнь требует не только полной переработки всего законодательства и практики, но и в целом гражданского правосознания.

Нормативное регулирование свободы передвижения имеет очень сложную структуру, в которой особая роль

принадлежит Конституции Российской Федерации принятой в 1993 г.

Конституция РФ закрепляет право каждого человека, законно находящегося на территории России, свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Это естественное, неотчуждаемое право каждого человека, которое также представляет собой некий комплекс правомочий, которые включают возможность без каких-либо препятствий передвигаться по территории РФ в нужном направлении, а также свободно выезжать за пределы РФ и свободно возвращаться назад.

Кроме ведущего и фундаментального конституционного закрепления этого права, который является одним из наиболее важных показателей уровня свободы человека и прогресса демократии в обществе, следует сказать еще о нескольких уровнях его нормативного установления.

Очень важное значение имеет международно-правовой уровень регламентации этого права. Свобода выбора места жительства нашла свое закрепление в пункте 1 статьи 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, являющихся согласно части 4 статьи 15 Конституции РФ составной частью правовой системы России.

Также нужно отметить важность регламентации реализации данного права и на уровне текущего законодательства РФ (гражданского, административного,

трудового, жилищного и др.). Этому праву посвящен самостоятельный закон, именуемый как Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», которые был принят еще до принятия Конституции 1993 года и который заложил всю основу для реализации в нашей стране свободы передвижения, выбора места пребывания и жительства. Также стоит отметить, что некоторым моментам реализации права уделяется внимание в Гражданском кодексе РФ, где под местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает» [2], в Жилищном кодексе РФ, установившем, что граждане, законно находящиеся на территории Российской Федерации, имеют право свободно выбирать жилые помещения для проживания в качестве собственников, нанимателей или на иных предусмотренных законодательством основаниях». [3].

Право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства регламентируется и на уровне законодательства субъектов РФ, которое редко основывается на идеях и принципах, заложенных нормативными актами федерального и международного уровня.

Основополагающие конституционные, международно-правовые и другие нормы о свободе передвижения находятся также в актах подзаконного характера. Например, Указ Президента РФ от 4 мая 1998 г. № 488 «О мерах по обеспечению права граждан Российской Федерации на свободный выезд из Российской Федерации» ввел в правовое регулирование реализации данного права понятие «место фактического проживания», указав на то, что именно по месту фактического проживания на территории РФ территориальным органом ФМС гражданину РФ, не имеющему подтвержденного регистрацией места жительства или места пребывания либо имеющему место жительства за пределами РФ, по его заявлению производится оформление и выдача паспорта, удостоверяющего его личность за пределами РФ». [4]. Следует отметить, что данный уровень нормативного регулирования также зачастую содержит нормы, не в полной мере соответствующие конституционному содержанию этого права. Статья 27 Конституции РФ не содержит каких-либо оговорок относительно возможности ограничения права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства. Возможность определенных ограничений предусмотрена ч. 3 ст. 55 Основного Закона, согласно которой «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» и ст. 56, предусматривающей, что «в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут

устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия».

Таким образом, право человека на свободу передвижения не является абсолютным, оно неизбежно ограничивается с учетом интересов других людей, общества, государства. Допустимые ограничения прав и свобод человека и гражданина приведены в международно-правовых актах, есть они и в национальном законодательстве России.

В ст. 8 Основного Закона РФ 1993 г. закреплены основания, при которых возможно ограничение права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ. Причем речь идет скорее не об основаниях ограничения права на свободу передвижения, а о тех территориях, на которых может быть установлен особый режим въезда, выезда и пребывания. К примеру, законодательство устанавливает особые правила въезда граждан для постоянного или временного пребывания на территорию ЗАТО, который заключается в необходимости заранее договариваться о въезде с ФСБ. Это предварительное согласование предусматривает оформление допуска к государственной тайне. При этом особенно проблематично согласование въезда на территорию ЗАТО граждан, которые ранее проживали в нем, но отбывших наказание в виде лишения свободы и получивших судимость.

Помимо ЗАТО, к территориям, в которых могут действовать ограничения свободы передвижения, закон относит: пограничную полосу; закрытые военные городки; зоны экологического бедствия; отдельные территории и населенные пункты, где в случае опасности распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей введены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности; территории, где введено чрезвычайное или военное положение.

Между тем, провозглашение Конституцией РФ права на свободу передвижения вовсе не означает его соответствующего обеспечения в рамках существующих правоотношений. К сожалению, следует признать, что ч. 1 ст. 27 Конституции РФ в настоящее время в основном носит декларативный характер, а многие конкретизирующие ее положения текущего законодательства (как федерального, так и регионального уровня) зачастую противоречат заложенному в ней смыслу. Государственные органы как федерального, так и регионального уровня, осуществляя предоставленные им законодательством полномочия, далеко не всегда руководствуются положениями Конституции РФ и Закона РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». Так, органы регистрационного учета зачастую воспринимают регистрацию граждан по месту жительства как свое право, несмотря на то, что ни закон 1993 г., ни Правила регистрации и снятия граждан с регистрационного учета 1995 г. не предусматривают оснований для

отказа в регистрации по месту жительства граждан. Речь идет не о праве, а об обязанности соответствующих органов не позднее трех дней со дня предъявления необходимых документов зарегистрировать гражданина по месту жительства, т.е. удостоверить акт свободного волеизъявления гражданина при выборе им места пребывания и жительства, зафиксировать нахождение человека в определенном населенном пункте, прежде всего, в правоохранительных целях и в целях контроля за миграцией.

Справедливости ради следует отметить, что Российская Федерация не единственное государство, сталкивающееся с проблемами реализации права на свободу передвижения. Под влиянием глобализационных процессов, даже [5, с. 22] европейские государства, подписавшие Шенгенское соглашение, в целях защиты национальных интересов периодически вынуждены вопреки международным договоренностям вводить определенные ограничения данной свободы. Примером может служить возобновление пограничного контроля в Дании, приостановление железнодорожного сообщения на границе Франции и Италии. Эти примеры показывают, что в случае возникновения внезапных угроз публичным интересам, носящих критичный характер, страны Европейского союза на ходу корректируют свою миграционную политику, отступая от достигнутых договоренностей в области реализации права на свободу передвижения. [6, с.13]

Однако проблемы реализации права на свободу передвижения в странах ЕС в большей мере связаны с внешними миграционными процессами. Что же касается нашей страны, то проблемы реализации данного права связаны с вопросами скорее не внешней, а внутренней миграции граждан. Это объясняется спецификой России, имеющей очень сложный многонациональный, многоконфессиональный состав населения. Если в европейских государствах власти стараются ограничить миграционные потоки извне, так как прибывающие к ним выходцы из Ирана, Ирака и иных регионов не только не ассимилируются,

но и не адаптируются, не уважают местные традиции, не стремятся овладеть местным языком и т.д., то в России подобные проблемы возникают с внутренними мигрантами, которые часто демонстрируют неадекватное, злое, провоцирующие и неуважительное поведение. Эти проблемы приводят к попыткам ужесточения миграционного законодательства, в частности к инициативам по ужесточению правил регистрации и санкций за их нарушение (введению уголовной ответственности за нарушение миграционных правил и норм регистрации), без ущемления конституционных прав граждан на выбор места жительства.

Большое значение для реализации на практике конституционных и международных норм о свободе передвижения имеют решения Конституционного суда РФ, которые являются окончательными, не могут быть обжалованы, действуют непосредственно и подлежат исполнению всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления и должностными лицами.

Конституционный суд РФ неоднократно признавал не соответствующими Конституции РФ многие правовые нормы, ограничивающие право на свободу передвижения, которое невероятно важно для развития демократии и гражданского общества в России.

В своих решениях данный суд отстаивает позицию, согласно которой возможность свободно передвигаться не должна отражаться на обладании иными естественными правами человека.

Как представляется, решения Конституционного суда РФ касающиеся реализации права человека на свободу передвижения, составляют самостоятельный уровень нормативной регламентации свободы передвижения в РФ, а сам Конституционный суд является сегодня органом, который обеспечивает защиту данного права в РФ. Почти все другие органы деятельность которых определяют права и свободы человека и гражданина, так или иначе сориентированы на ограничение права на свободу передвижения под самыми различными предлогами.

Литература:

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2011., С. 260
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // «Российская газета», N172, 08.08.2018
3. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N188-ФЗ(ред. от 03.08.2018) // «Российская газета», N172, 08.08.2018
4. Указ Президента РФ от 4 мая 1998 г. № 488 «О мерах по обеспечению права граждан Российской Федерации на свободный выезд из Российской Федерации» // «Российская газета», N86, 06.05.1998
5. Лимонова Н. А. Влияние глобализации и интеграции на реализацию личностью свободы передвижения // Миграционное право. 2012. № 4.
6. Тарибо Е. В. Право российских граждан на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства в контексте проблем внутренней миграции // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3.

Проблемы организации деятельности мировых судей в Российской Федерации

Крамская Мария Сергеевна, студент магистратуры

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Ростов-на-Дону)

Основным гарантом обеспечения судебной защиты для граждан является своевременный и эффективный доступ к правосудию.

Основная нагрузка задач по реализации данного права ложиться на судебный орган, в частности на мировых судей, осуществляющих правосудие в Российской Федерации в соответствии с федеральным законодательством, а также законов субъекта Российской Федерации.

Мировые судьи, ни для кого не секрет, наиболее приближены к народу, поскольку данный институт охватывает бытовые, социальные проблемы граждан, как в спорных правоотношениях, так и в бесспорных.

Однако, если детализировать механизм деятельности мировых судей, можно наткнуться на ряд проблем, которые наблюдаются как в законотворческой, так и в практической составляющей данного института.

На сегодняшний день многие теоретики и авторы научных работ пытаются разрешить данные проблемы, изменить в пользу понимание статуса мирового судьи, внести поправки в те или иные законодательные акты, тем самым, решить ряд важных задач, стоящих перед мировой юстицией.

Ст. 4 Федерального закона «О мировых судьях Российской Федерации» [1] гласит, что председатель районного суда уполномочен производить распределение нагрузки мировых судей, которое осуществляется путем передачи части гражданских, административных, уголовных дел другому мировому судье, который является наименее загруженным в определенный период осуществления деятельности. Как отмечает Гарифуллина А. Р., «данное правило имеет рациональные основания, хотя формально в него вполне укладывается такое противоречащее стандартам правосудия явление, как фаворитизм». Однако, как показывает практика, такое нововведение малоэффективно и особо не решит проблему нагрузки на мировых судей, поскольку имеет разовый характер [4].

Судебные участки создаются по принципу плотности населения в том или ином судебном районе, однако это не означает, что нагрузка для мировых судей будет одинаковой. Отсюда вытекает еще одна проблема — неравномерность нагрузки между судебными участками, которая может разрешиться только вышеназванным путем.

Также одной из самой зримой проблемы, на мой взгляд, является неурегулированность правового статуса мировых судей в главном законе Российской Федерации — Конституции Российской Федерации.

В ст. 128 Конституции РФ закреплен порядок назначения судей Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и других федеральных судов, а также их полномочия и порядок деятельности, однако ни порядок назначения,

ни порядок организации деятельности мировых судей, которые также входят в единую судебную систему РФ, в Конституции РФ не отражены.

В соответствии со ст. 124 Конституции РФ финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом. Тем самым, в основополагающем федеральном законе «О мировых судьях в Российской Федерации» указано, что имеется два источника финансирования деятельности мировых судей. Например, расходы на заработную плату, социальные выплаты, пособия аккумулируются из федерального бюджета. Стало быть, это является первым источником финансирования деятельности мировых судей. А вторым источником является местный бюджет, который служит для материально-технического обеспечения деятельности мировых судей и их аппаратов.

Также конституционное законодательство не отражает полномочия, компетенцию мирового судьи в отличие от судьи Конституционного (уставного) суда, который также является звеном конкретного субъекта РФ и регламентируется Конституцией РФ, конституциями (уставами) субъектов РФ и иными законами субъектов РФ.

Анализ конституционно-правовых положений говорит о том, что имеются недоработки в области закрепления норм финансирования деятельности мировых судей, а также их полномочий на различных уровнях законодательной базы [6].

Тем самым, предлагается возможным, так или иначе, отразить компетенцию мировых судей в главном источнике права, ведь этот шаг поможет официально закрепить статус и полномочия мирового судьи.

На практике мировые судьи входят в состав федеральных судов Российской Федерации, несмотря на то, что являются представителями субъекта РФ. Тем самым, отнесение мирового судьи к определенному субъекту РФ является номинальным и фактическим. Это все свидетельствует о том, что законодатель пытается преобразовать мировую юстицию в юстицию федерального типа.

Однако достичь реализации всех принципов осуществления правосудия в Российской Федерации возможно только реформистским путем. Реформирование будет осуществляться передачей мировой юстиции на федеральное обеспечение. Но можно ли тогда охарактеризовать институт мировых судей как выражение народной власти? Ведь изначально, с принятием Постановления ЦИК СССР от 29.09.1930 «Об организации сельских судов» сельские суды создавались для народа, для тру-

дящего класса, для решения их социальных проблем и споров [3]. Сельские суды — народные суды.

Действующее российское законодательство не знает такого словосочетания, как «мировой суд». Во всех нормативно-правовых актах РФ указано понятие «мировой судья». Как считает Дорошков В. В., мировой судья употребляется в российском праве как некое учреждение, судебных орган, который входит в систему судов общей юрисдикции, а уже потом мировой судья рассматривается как полноценный субъект, осуществляющий правосудие в Российской Федерации [5].

В 2008 г. Президентом Российской Федерации было дано поручение, связанное с подготовкой заключения о возможности передачи на федеральный уровень во-

просов деятельности мировых судей. Это, безусловно, позволило бы завершить формирование стройной вертикали судебной власти. Правительство Российской Федерации и Министерство финансов Российской Федерации если и начинали рассматривать данный вопрос, то в конечном итоге переносили его на более поздний срок. Решение VII Всероссийского съезда судей по данному вопросу также оказалось нереализованным [2].

Мировая юстиция, на мой взгляд, на сегодняшний день не является до конца сформированным звеном в судебной системе РФ. Поэтому, необходимо сформировать все острые проблемы и не останавливаться на достигнутом в развитии организации деятельности мировых судей в РФ.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.12.1998 N188-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О мировых судьях в Российской Федерации»
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 г. // Российская газета. 2008. 6 ноября.
3. Борисов Г., Хапилин А. От мировых судей — к мировым судам // Российская юстиция. 2002. N3. 78 С.
4. Гарифуллина А. Р. Мировая юстиция как социальная технология // Мировой судья. 2017. N1. 210 С.
5. Дорошков В. В. Состояние современного правосудия: Монография / В. В. Дорошков. М.: МГИМО, 2016. 252 С.
6. Клеандров М. И. О двух векторах развития мировой юстиции в России // Мировой судья. 2015. N6. 8 С.

Об отдельных вопросах бюджетно-правового регулирования

Крюкова Оксана Алексеевна, студент;

Тугушева Альфия Фейязовна, студент;

Научный руководитель: Попов Василий Валерьевич, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В последнее время вопросы правовой регламентации бюджетной сферы в России стали особенно актуальными. Это объясняется растущим интересом общества к надлежащему функционированию отношений, связанных с исполнением бюджетов бюджетной системы страны.

Бюджет можно рассматривать в разных аспектах.

Во-первых, бюджет как экономическая категория — это форма организации отношений распределения национального дохода в связи с функционированием бюджетного устройства государства. Функция распределения национальных доходов, закрепленных за бюджетами государства и муниципальных образований как составных частей бюджетного устройства, реализуется в рамках правоотношений, проявляющихся на ведомственном и территориальном уровнях [1].

Во-вторых, как материальная категория — это государственный (муниципальный) централизованный фонд денежных средств [2]. В соответствии со ст. 6 Бюджетного кодекса РФ [3] (далее — БК РФ) бюджет — это форма образования и расходования фонда денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления.

В-третьих, в правовом аспекте бюджет — финансовый план публично-правового образования, который разрабатывается и утверждается в форме федерального закона, закона субъекта Российской Федерации, правового акта представительного органа местного самоуправления. Такое понимание бюджета отражено в статье 11 Бюджетного кодекса РФ.

Бюджетные правоотношения, основанные на бюджете, в свою очередь, разграничиваются на [4]:

1) отношения, возникающие непосредственно относительно структуры бюджета (формирование бюджетной системы, определение ее принципов, установление бюджетной классификации доходов и расходов);

2) отношения, возникающие в связи с установлением структуры доходов и расходов и их распределения между различными уровнями бюджетной системы (создание общей системы доходов и расходов, их передачи с одного уровня бюджетной системы в другой);

3) отношения в рамках бюджетного процесса (составление, рассмотрение и утверждение проектов бюджетов, исполнение бюджета, составление и утверждение отчета об исполнении бюджета);

4) бюджетно-контрольные отношения (разрабатываются в рамках различных этапов бюджетного процесса).

Как следует из приведенного перечня, бюджетные правоотношения весьма разнородны.

Проблемные вопросы, связанные с правовым регулированием бюджетных отношений, не подлежат однозначной оценке [5]. Поэтому большая роль придается практике Конституционного суда РФ, Верховного суда РФ, арбитражных судов.

Так, положения статьи 239 БК РФ предусматривают судебный порядок защиты нарушенных прав субъектов бюджетных отношений, а также субъектов, так или иначе связанных с бюджетом государства и муниципальных образований. Указанная статья предусматривает иммунитет бюджетов — правовой режим, при котором взыскание бюджетных средств осуществляется только на основании судебного акта.

Исходя из названных положений БК РФ, судебные акты, по которым возможно взыскание на бюджетные средства, можно разделить на две группы. Первая группа — это акты, устанавливающие компенсацию в размере недофинансирования, если собранные средства были утверждены законом в пределах бюджетных расходов (стадия исполнения бюджета). Вторая группа — судебные акты, предусматривающие возмещение убытков, причиненных физическим или юридическим лицам в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов. В этом случае речь идет о защите прав лиц, не являющихся субъектами бюджетных правоотношений. При-

влечение к ответственности за вред, причиненный актами органов власти, базируется на положениях статьи 53 Конституции РФ и статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса РФ [6]. Такая ответственность квалифицируется как ответственность за причинение вреда действиями руководства и действиями правоохранительных органов. Возмещение вреда в указанном случае осуществляется за счет средств определенного бюджета (федерального, субъекта РФ, местного), который является неотъемлемой частью соответствующей казны. Установление порядка исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетной системы РФ относится к бюджетным полномочиям федеральных органов государственной власти (ст. 7 БК РФ). Порядок исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетной системы одинаковый на всей территории Российской Федерации. Это требование является одним из элементов принципа единства бюджетной системы, закрепленного в статье 29 БК РФ.

Несмотря на значительное количество дел, связанных с бюджетными правоотношениями, практика российских арбитражных судов далека от совершенства. Например, нередко случаи, когда суды не в полной мере изучают условия и цели предоставления и использования средств, выделяемых из фондов финансовой поддержки (отчасти из-за их нечеткой формулировки в бюджетном законодательстве), что негативно сказывается на функционировании бюджетной системы страны в целом. В связи с этим правильное разрешение таких споров способствует не только выяснению истины, но и дальнейшему совершенствованию концептуальных подходов к пониманию бюджетной системы РФ.

Литература:

1. Пешкова Х.В. Бюджетные правоотношения в России: проблемы теории и практики // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 1. С. 81–84.
2. Зуев В.М. Финансовое право Российской Федерации: учебн. — метод. комплекс / В.М. Зуев. — Томск: Изд-во НТЛ, 2006. С. 176.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; 2018.
4. Финансовое право / Под ред. Л.Г. Востриковой. — М.: Юстицинформ, 2007. С. 97.
5. Химичева Н.И., Покачалова Е.В. Финансовое право: Учебно-методический комплекс. — М., 2005. С. 364.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)

Актуальные вопросы охраны гражданских и военных захоронений

Мирзоева Эльвира Расимовна, студент магистратуры
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

На протяжении всей жизни, от рождения и до самой смерти, человек нераздельно связан с историей и культурой своего народа. Представления о культуре складываются из разрозненных убеждений, традиций, обычаев, привычек представителей этноса.

И хотя, несомненно, существуют особенности, характерные для различных стран, тем не менее, можно про-

следить некоторые сходные черты, выражающие отношение к какому-либо явлению или событию в мире.

Так, вне зависимости от расы, вероисповедания, уровня благосостояния, у всех представителей национальной культуры существует трепетное отношение к телу умершего, к ритуалу захоронения и почитания усопших. Формирование глубочайшего почтения к покойнику скла-

дывается на протяжении всей истории человечества. По мнению С. Рязанцева [11, с. 125], «владея количеством отрывочных данных, можно отметить, что издревле человек проявлял особую заботу и уважение к умершим, поклонение которым было священной обязанностью».

Вопросы правового регулирования содержания и охраны гражданских и воинских захоронений периодически становятся темой для обсуждения среди теоретиков и практиков в сфере юриспруденции. Достойное содержание не только гражданских, но и воинских захоронений, установление имён похороненных, открытие новых мемориалов в память о погибших защитниках Отечества является святым долгом каждого гражданина.

В соответствии с положениями статьи 3 Закона № 4292–1, захоронения погибших при защите Отечества с находящимися на них надгробиями, памятниками, стелами, обелисками, элементами ограждения и другими мемориальными сооружениями и объектами являются воинскими захоронениями.

К ним относятся военные мемориальные кладбища, воинские кладбища, отдельные воинские участки на общих кладбищах, братские и индивидуальные могилы на общих кладбищах и вне кладбищ, колумбарии и урны с прахом погибших, места захоронений в акваториях морей и океанов, места гибели боевых кораблей, морских, речных и воздушных судов с экипажами.

Согласно статье 5 указанного Закона, ответственность за содержание воинских захоронений на территории Российской Федерации возлагается на органы местного самоуправления.

В соответствии со статьей 10 Закона № 4292–1, работу по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества организуют и проводят уполномоченные федеральные органы исполнительной власти, а в части захоронения и содержания мест захоронения — органы местного самоуправления.

Согласно статье 11 Закона № 4292–1, регламентирующей полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления, осуществляющих работу по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества, органы местного самоуправления осуществляют мероприятия по содержанию в порядке и благоустройству воинских захоронений, мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества, которые находятся на их территории, а также работы по реализации межправительственных соглашений по уходу за захоронениями иностранных военнослужащих на территории Российской Федерации.

То обстоятельство, что муниципальное образование не является собственником земельного участка, на котором расположено захоронение, а также отсутствие земельного участка в реестре муниципальной собственности муниципального образования, не освобождает орган местного самоуправления от соблюдения соответствующих требований законодательства в области охраны захоро-

нений. Данный вывод находит свое подтверждение в материалах судебной практики, например в определении Ленинградского областного суда от 18 июня 2014 года № 33–3066/2014 [8].

Согласно положениям Закона № 4292–1 к формам увековечивания памяти погибших относятся мероприятия по сохранению и благоустройству воинских захоронений и объектов, увековечивающих память погибших (в том числе без праха военнослужащих), ведение учета погибших, установление сведений о пропавших без вести, занесение фамилий погибших при защите Отечества и других сведений о них в Книги Памяти, сооружение памятников и мемориалов и другое.

В целях обеспечения сохранности воинских захоронений в местах, где они расположены, обязанность по содержанию в порядке и благоустройству воинских захоронений, которые находятся на их территории и относятся к памятникам местного значения, в том числе по установлению охранных зон и зон охраняемого природного ландшафта, возложена на органы местного самоуправления. Данный вывод поддерживается материалами судебной практики.

Так, например, решение о возложении обязанности на Администрацию Кировоградского городского округа установить охранную зону и зону охраняемого природного ландшафта в целях обеспечения сохранности «Братской могилы 12 умершим в госпитале в годы войны солдат», поскольку захоронение является памятником местного значения, содержится в Апелляционном определении Свердловского областного суда от 4 августа 2015 года по делу № 33–11735/2015 [7].

Воинские захоронения подлежат государственному учету. На территории Российской Федерации их учет ведется местными органами власти и управления. На каждое воинское захоронение устанавливается мемориальный знак и составляется паспорт.

На момент прекращения существования Советского Союза в областных военных комиссариатах и посольствах СССР за рубежом имелись данные количественного учета воинских захоронений периода Великой Отечественной войны, собранные в 40–50-е годы XX века. Всего на территории Союза ССР насчитывалось более 40 тысяч воинских захоронений.

По состоянию на 1 января 2011 года на основании проведенного мониторинга насчитывается 46972 российских (советских) воинских захоронений (на территории Российской Федерации — 24318, на территории зарубежных государств — 22654), из них 30891 паспортизировано (на территории Российской Федерации — 19354, на территории зарубежных государств — 11537) [3].

Сведения о паспортизации ранее не учтенных воинских захоронений продолжают поступать. Ежегодно увеличивается количество останков воинов, имена и места захоронения которых установлены.

Государственный учет воинских захоронений на территориях иностранных государств ведется российскими ди-

пломатическими представительствами и консульскими учреждениями. Так, например, при Посольстве России в Федеративной Республике Германия в 2010 году был создан отдел по увековечению памяти погибших при защите Отечества. Паспортизация российских (советских) воинских захоронений на территории Германии — основа работы отдела по увековечению памяти погибших при защите Отечества. Её цель — составление полного перечня российских (советских) воинских захоронений, предоставление возможности родственникам погибших на основе содержащихся в карточке сведений самостоятельно найти могилу своего близкого.

По учетным данным управления Министерства обороны РФ, в 49 зарубежных государствах захоронено 3974869 защитников Отечества, из них пофамильно известны 747311 [10].

Советские воинские захоронения содержатся за счет средств иностранных государств, с которыми заключены межправительственные соглашения об охране воинских могил, в которых определен порядок ухода, содержания и благоустройства захоронений. Межправительственные соглашения по воинским захоронениям заключены с иностранными государствами, на территориях которых находится наибольшее количество воинских захоронений защитников Отечества.

К сожалению, не все страны относятся к воинским захоронениям в соответствии с Женевскими конвенциями. Всё чаще фиксируются акты вандализма по отношению к могилам советских бойцов в Эстонии, Латвии, Польше, Чехии, и особенно на Украине.

«Парадокс заключается в том, что России оказалось легче договориться о сохранности и уходе за воинскими могилами с государствами, воевавшими на стороне гитлеровской Германии, чем с бывшими советскими республиками» [9].

В настоящее время существуют политические трудности, связанные с позицией отдельных государств по историческим вопросам, а также такое позорное явление как вандализм в отношении воинских захоронений. Но хуже всего, когда это соединяется воедино — противоправные действия отдельных лиц не пресекаются властями и не находят должного осуждения в обществе, что фактически означает поощрение вандализма.

Полагаем, что необходимо формировать атмосферу абсолютной нетерпимости к любым актам вандализма по отношению к воинским и иным захоронениям, и тем более к ситуациям, когда это не преследуется властями соответствующих государств.

Считаем, что на отношение к российским (советским) захоронениям может повлиять только поиск совместных с зарубежными странами решений на основе межгосударственных договоров и соглашений.

Не менее актуальным является необходимость совершенствования отдельных российских нормативных правовых актов по содержанию гражданских и воинских захоронений.

Согласно положениям Федерального закона от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» [1] ответственность за сохранение памятников возлагается на федеральные, региональные органы исполнительной власти и органы местного самоуправления. Соответственно, на содержание мемориалов должны выделяться средства из различных бюджетов. В итоге в регионах конкретные суммы разительно отличаются, до мелких городских и сельских поселений они просто не доходят. Кроме того, в Законе о погребении старыми военными и ранее неизвестными захоронениями считаются захоронения погибших в боевых действиях на территории Российской Федерации. Отсюда можно сделать вывод о том, что если такие захоронения будут обнаружены на территориях других государств, они не будут обладать таким статусом.

Необходима корректировка законодательства и по объёмам полномочий федеральных органов в отношении воинских захоронений. Несмотря на создание специально уполномоченного органа по увековечению памяти защитников Отечества, организация учёта, паспортизация воинских захоронений на территориях других государств, проведение мероприятий по установлению сведений о пропавших без вести в ходе боевых действий одновременно возложены и на МИД России.

Хотелось бы отметить, что в соответствии с Перечнем поручений Президента Российской Федерации от 23 апреля 2003 г. № пр-698 по вопросам организации военно-мемориальной работы в Российской Федерации [5] и Указом от 22 января 2006 года № 37 «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества» [2], Министерством обороны Российской Федерации создан Обобщенный компьютерный банк данных, содержащий информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период (ОБД Мемориал).

Главная цель проекта — дать возможность миллионам граждан установить судьбу или найти информацию о своих погибших или пропавших без вести родных и близких, определить место их захоронения.

Военно-мемориальным центром Вооруженных Сил Российской Федерации проведена уникальная по масштабам, технологии и срокам исполнения работа, в результате которой создана информационно-справочная система глобального значения, не имеющая аналогов в мировой практике.

В целях сохранения и реконструкции военно-мемориальных объектов в Орловской области Правительство Орловской области Постановлением от 07.11.2012 № 400 [6] утвердило государственную программу Орловской области «Развитие культуры и искусства, туризма, архивного дела, сохранение и реконструкция военно-мемориальных объектов в Орловской области».

Данная государственная программа разработана в соответствии со Стратегией социально-экономического

развития Центрального федерального округа на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2011 года № 1540-р [4].

Срок реализации данной программы: 2014–2020 годы. В рамках данной программы предусмотрен ряд мероприятий по восстановлению и обустройству воинских захоронений; перезахоронению останков военнослужащих из братских и одиночных могил; разработке муниципальных программ (планов, перечней мероприятий) по содержанию и благоустройству воинских захоронений и другие. Общая сумма бюджетных ассигнований на финансирование подпрограммы «Сохранение объектов культурного наследия и военно-мемориальных объектов в Орловской области» составляет 15 102 300 рублей.

В Областном управлении культуры Орловской области и архивного дела не скрывают, что существует ряд проблем по вопросам охраны воинских захоронений, в связи с этим и принята программа, согласно которой будут выделяться средства на реставрацию памятников, многие из которых находятся в запущенном состоянии.

Нерешённым остаётся также вопрос отсутствия собственников и балансодержателей военно-мемориальных памятных мест и сооружений. Проблема заключается в том, что многие памятники, установленные в 1950–80-х годах и построенные за счёт средств предприятий, в уставный капитал при приватизации не вошли и в установленном порядке не были переданы муниципальным

образованиям. Работа по определению собственников мемориальных мест началась в канун 65-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне (основанием послужили поручения президента Российской Федерации). Однако, как показало время, финансовые трудности и ряд других причин в данной сфере в неюбилейные годы приостановили либо тормозят эту работу.

Считаем, что активным участником военно-мемориальной политики должны быть и общественные институты, а именно шефские организации. Сегодня данная работа проводится в основном силами общеобразовательных школ. Многие предприятия и учреждения остаются в стороне, хотя могли бы внести существенный вклад.

Кроме того, приведенная судебная практика свидетельствует о том, что на сегодняшний день существует множество проблем в сфере охраны воинских захоронений как памятников истории, а также в вопросе объемов полномочий федеральных и местных органов власти в отношении воинских захоронений.

На основании вышеизложенного, целесообразно сделать вывод о разрозненности действий различных уровней власти и общества по формированию целенаправленной политики сохранения военно-мемориальных сооружений. Координирующим и информационным центром должна выступить именно региональная администрация с целью объединить усилия и донести до муниципальных властей основы федерального законодательства в сфере сохранения памяти погибших при защите Отечества.

Литература:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 19.05.1995 № 80-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // СЗ РФ, — 1995. — № 21 — Ст. 1928; 2014. — № 45 — Ст. 6142.
2. Указ Президента Российской Федерации от 22.01.2006 № 37 «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества» // СЗ РФ, — 2006. — № 4 — Ст. 357.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2011 № 1317-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Сохранность и реконструкция военно-мемориальных объектов в 2011–2015 годах» // СЗ РФ, — 2011. — № 32 — Ст. 4855.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.09.2011 № 1540-р (ред. от 26.12.2014) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Центрального федерального округа до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс» / дата обращения 29.04.2018.
5. Перечень поручений Президента Российской Федерации по вопросам организации военно-мемориальной работы в Российской Федерации. Поручение от 23.04.2003 № Пр-698 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://orgdiv.adm.gov.ru/komitet/komitet_33.htm.
6. Постановление Правительства Орловской области от 07.11.2012 № 400 (ред. от 13.04.2018) «Об утверждении государственной программы Орловской области «Развитие культуры и искусства, туризма, архивного дела, сохранение и реконструкция военно-мемориальных объектов в Орловской области» // СПС «КонсультантПлюс» / дата обращения 29.04.2018.
7. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 04.08.2015 по делу № 33–11735/20152015 // СПС «КонсультантПлюс» / дата обращения 28.04.2018.
8. Определение Ленинградского областного суда от 18.06.2014 № 33–3066/2014 // СПС «КонсультантПлюс» / дата обращения 28.04.2018.
9. Выступление С. М. Миронова на заседании Координационного совета на тему «О состоянии и совершенствовании правового регулирования содержания воинских захоронений погибших при защите Отечества в Российской Федерации и за рубежом» 22 мая 2009 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mironov.ru>.

10. Интервью Агентству РИА Новости начальника Управления Минобороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества генерал-майора Александра Кирилина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/interview/20090508/170337327.html>.
11. Рязанцев С. В. Философия смерти. — С.-Петербург: Спикс, 1994. — 319 с.

Миграционная активность молодежи Архангельской области

Михайлова Екатерина Александровна, студент магистратуры;
 Научный руководитель: Лагунова Светлана Владимировна, кандидат социальных наук, доцент
 Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье проанализированы миграционные процессы молодежи Архангельской области в возрасте от 14 до 30 лет и основные мероприятия, которые могут быть направлены на сокращение миграционного оттока молодых людей.

Ключевые слова: миграция, молодежь, власть, патриотизм, Архангельская область.

Migration activity of young people of the Arkhangelsk region

Mikhailova Ekaterina Alexandrovna, master student;
 Scientific adviser: Lagynova Svetlana Vladimirovna, candidate of social Sciences, Docent
 Northern (Arctic) Federal University. M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)

The article analyzes the migration processes of young people in the Arkhangelsk region aged 14 to 30 years and the main activities that can be aimed at reducing the migration outflow of young people.

Keywords: migration, youth, power, patriotism, Arkhangelsk region.

Оценивая эффективность деятельности власти в области миграционной политики молодежи, можно сделать вывод о низкой эффективности работы в данном направлении, численность населения Архангельской области продолжила снижаться в 2018 году и составила 1174,1 тыс. чел.

На сайте Правительства Архангельской области все выглядит успешно, они отчитываются, что сегодня в регионе проживает более 200 тысяч человек в возрасте от 14 до 30 лет — 19% от общей численности населения. Это не просто особая социально-возрастная группа, это молодежь, в руках которой — будущее нашей страны. Правительство Архангельской области формирует условия для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, формирования у нее таких качеств, как инициативность, целеустремленность, ответственность, умение работать самостоятельно и в команде.

Но согласно среднему варианту прогноза негативная тенденция снижения численности населения за счет миграции сохранится и в долгосрочной перспективе. Снижению численности населения способствуют не только слабый рост рождаемости, но и значительный миграционный отток населения, а особенно молодежи. Например, в августе 2018 года многие выпускники школ Архангельской области покупали железнодорожные и авиабилеты в один конец. Талантливая молодежь продолжает не верить в перспективы родного региона. Только в июле

2018 года Архангельскую область без НАО (где наблюдается миграционный прирост) покинули 310 человек, а в 2017 году регион оставили 7841 человек. Это официальные данные регионального управления федеральной службы государственной статистики. В это число не попадают те, кто живут в мегаполисах, но продолжают носить в паспорте старую прописку.

Еще, к примеру, по словам директора Поморской филармонии Василия Ларионова из 28 человек выпускного класса гимназии № 6 уехали из Архангельской области 26 ребят. Это медалисты и призеры региональных и всероссийских олимпиад по различным предметам, юные композиторы и программисты. Причем это не новая тенденция, в 2017 году большинство выпускников этого же физико-математического класса также поступили в вузы других городов (25 из 26 человек).

Для того чтобы всегда идти в ногу со временем, необходимо постоянно пересматривать существующую модель развития и вносить в неё соответствующие коррективы. Тема реформирования и реализации молодежной политики Архангельской области в наше время является наиболее актуальной среди множества социальных, политических и экономических проблем.

Секрет успешного развития и радикального реформирования общества заключается во внедрении в него ряда модернизационных процессов. Для того чтобы эти процессы протекали с участием молодежи, необходимо ин-

тегрировать её в социальную структуру общества и создавать все условия для беспрепятственного развития. Но последствия экономических реформ и кризисов в России нанесли большой урон именно молодежному сектору. Тяжелое экономическое положение этого социального блока не дает возможности заниматься саморазвитием, трудиться на благо государства и заниматься духовным воспитанием. Происходит самое настоящее снижение социального статуса молодежи, в том числе и в Архангельской области. Молодое поколение учится выживать в современных условиях. Образование и культурные ценности становятся недостижимыми, растет безработица, повышается уровень преступности. Оставаясь один на один со сложившейся ситуацией, молодому населению страны приходится адаптироваться, и, как следствие, пополняются ряды теневых бизнесменов и преступных группировок.

Затрагивая вопросы формирования патриотизма у молодого населения Архангельской области, мы опять вынуждены вернуться к духовно-нравственному воспитанию и значимости института семьи в становлении и развитии каждого из нас. Большинство качеств, положительных или отрицательных, закладываются еще в детстве, следовательно, воспитание внутри семьи, а также школа и детский сад, являются основными институтами, участвующими в процессе формирования патриотизма у ребенка. Здесь очень важно вовремя привить идею любви к семье и Родине и уважение к семейным и народным традициям, тогда это поколение обязательно постарается передать данную идею своим детям и внукам.

Но важнейшим фактором, оказывающим влияние на патриотические настроения в молодежной среде Архангельской области, все же является отношение к политике государства в сфере работы с молодежью. Это означает, что степень удовлетворенности молодежной политикой в стране — самый значимый критерий отношения молодого населения к государству. По данным ВЦИОМ, 40% молодого населения недовольны нынешней молодежной политикой государства, 30% вообще не находят её отражения в своей жизни, отсюда и растущее недовольство.

Необходимо акцентировать внимание молодежи на значимости и необходимости знаний в области исторического и культурного развития Архангельской области. Это поможет сформировать четкую гражданскую позицию молодежного сектора, а также развивать социально-экономическую сферу для формирования приоритетной ценности проживания в Архангельской области, что заметно остановит рост иммиграционных настроений в молодежных массах. Как только Правительство Архангельской области создаст конкурентные с другими областями условия для развития и проживания, появятся все необходимые механизмы и рычаги контроля в части настроений молодежного сектора. Если у молодого человека с самого начала его становления области жили его предки и что здесь у него есть все условия для достойной и благополучной жизни, то вероятность покинуть Архангельской области будет максимально низкой.

Молодежное правительство Архангельской области является постоянно действующим совещательным органом при Губернаторе Архангельской области, образованным для предварительного рассмотрения вопросов, отнесенных к компетенции Губернатора Архангельской области, исполнительных органов государственной власти Архангельской области, и подготовки по ним предложений, а также для обеспечения взаимодействия Губернатора Архангельской области, исполнительных органов государственной власти Архангельской области, администрации Губернатора Архангельской области и Правительства Архангельской области с молодыми гражданами, проживающими на территории Архангельской области, и с целью привлечения их к участию в общественно-политической и социально-экономической жизни Архангельской области в целях формирования резерва управленческих кадров для исполнительных органов государственной власти Архангельской области, а также в целях повышения компетенции молодых специалистов. Патриотическое воспитание молодого населения Архангельской области, есть ни что иное как:

- воспитание уважения к историческому и культурному прошлому Архангельской области;
- создание военно-патриотических и военно-спортивных клубов, поддержка и курирование историко-патриотических музеев;
- проведение Дней воинской славы и организация педагогической работы в области изучения истории Архангельской области.

А также необходим следующий комплекс мероприятий:

- приобщение молодежи к здоровому образу жизни и спорту;
- поддержка молодых семей;
- работа с молодежью социально опасного сектора, а также социализация молодежи, находящейся в особой защите государства;
- содействие в определении профессиональной ориентированности и воспитание карьерного роста;

Молодежная политика должна пронизывать всю работу власти. Это не комплекс мероприятий, а, в первую очередь, серьезная нормотворческая деятельность, учитывающая интересы молодёжи.

Глава региона обратил внимания на необходимость поддержки положительного опыта тех муниципальных образований, кто успешно решает жилищный вопрос для молодых специалистов и готовит кадровый резерв.

Попытки развития вышеперечисленных направлений без тщательной разработки и применения идеальной модели реализации молодежной политики в Архангельской области ни что иное как пустой звук. Молодежь должна ощутить свою значимость и иметь возможность оказывать влияние на процессы разработки и принятия основных аспектов в решении вопросов реализации молодежной политики на региональном и муниципальном уровнях, что автоматически снизит отток молодежи из Архангельской области.

Правовое регулирование государственного строительного надзора

Непомнящих Иван Алексеевич, студент магистратуры
Иркутский юридический институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

В статье рассмотрено нормативно-правовое регулирование строительного надзора в Российской Федерации. Рассмотрена надзорная деятельность федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных на проведение государственного строительного надзора.

Ключевые слова: строительство, государственный строительный надзор, контроль, органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Согласно Стратегии развития строительной отрасли на период до 2030 года разработанной Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, строительная отрасль, как и российская экономика в целом находятся перед долговременными системными вызовами, отражающими как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития. Состояние строительного комплекса оказывает воздействие на трудоспособность всех областей экономики и жизненный процесс населения. Решая масштабные экономические задачи, строительная отрасль формирует заказ на поиск оптимальных технических, технологических и организационных решений, обладающих мультипликативным эффектом для всей экономики. Вместе с тем в строительной отрасли требуются количественные и качественные преобразования, способствующие более эффективному решению задач наращивания объемов строительства жилья, реализации масштабных инфраструктурных проектов, открывающие возможности для развития промышленно-экономического потенциала Российской Федерации в целом. В настоящее время управление строительством в Российской Федерации рассматривается как система управления данным видом деятельности при обязательном регулирующем воздействии на эту сферу деятельности со стороны органов государственного управления. Государственный строительный надзор является единственным из государственных институтов, в названии которого содержится непосредственное указание на его контрольно-надзорную природу.

Регулирование строительной деятельности в РФ осуществляется на трех уровнях:

- государственное регулирование;
- региональное регулирование;
- регулирование строительной деятельности на уровне СРО.

Государственное регулирование строительной деятельности представляет собой управленческую деятельность государства в лице соответствующих уполномоченных органов, действия которых направлены на упорядочение экономических отношений в сфере строительства.

По действующему законодательству государственный строительный надзор осуществляется при:

1) строительстве объектов капитального строительства, проектная документация которых подлежит государ-

ственной экспертизе либо является типовой проектной документацией или ее модификацией;

2) реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства, если проектная документация на осуществление реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства подлежит государственной экспертизе.

Следующим уровнем регулирования строительной отрасли является региональный.

В соответствии с федеральными законодательными актами, центр тяжести по управлению экономическими процессами в строительстве, в настоящее время осуществляется на уровне субъектов, образуя региональный строительный комплекс.

Региональный строительный комплекс (РСК) — это территориально-производственная совокупность строительных предприятий, предприятий строительных материалов и объективно интегрированных с ними устойчивыми хозяйственными связями других объектов материального производства и непромышленной сферы, обеспечивающих ее сбалансированность и эффективное функционирование комплекса в целом, а также региональных органов управления и общественных организаций.

На уровне региона управляющей подсистемой строительного комплекса является региональный орган управления (министерство или комитет), который осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими органами исполнительной власти, местного самоуправления, учреждениями и организациями независимо от форм собственности.

Перейдем к регулированию строительной деятельности на уровне СРО. Как было сказано выше, после отмены лицензирования законодатель перешел на саморегулирование строительной деятельности. Саморегулирование — самостоятельная и инициативная деятельность, осуществляемая субъектами предпринимательской деятельности, содержанием которой является разработка и утверждение стандартов, правил деятельности, контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил. За деятельностью саморегулируемой организации осуществляется государственный контроль (надзор). Саморегулируемые организации ориентированы на решение управленческих задач, защиту законных интересов организаций, охрану окружающей среды, выполняют государственные задачи

в интересах государства и организаций — участников за счет средств участников рынка и являются социально-ориентированными некоммерческими организациями. Как у каждого нововведения, у саморегулирования есть свои плюсы и минусы. Ввод СРО значительно сократил — до 90 тысяч — число организаций, которые получили право заниматься строительством. Можно сделать вывод, что институт саморегулирования в строительстве состоялся, несмотря на все трудности, сопротивление, непонимание со стороны консервативно настроенных участников рынка. Допуск к строительной деятельности сводится к участию в СРО. При проведении работ необходимо выполнять правила, утвержденные нормативными актами в области правового регулирования строительной деятельности, а также соответствовать требованиям, принятым в СРО.

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими государственный строительный надзор являются Градостроительный кодекс Российской Федерации [1], Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [2], Федеральный закон от 26.12.2008 г. № 294 — ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [3]; Федеральный закон от 30.12.2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» [4]; постановление Правительства РФ от 01.02.2006 г. № 54 «О государственном строительном надзоре в Российской Федерации» [5] нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации в сфере строительного надзора; административные регламенты органов исполнительной власти по осуществлению функции строительного надзора

В соответствии с ч. 1 ст. 54 Градостроительного кодекса РФ государственный строительный надзор осуществляется в следующих случаях [1]:

— при строительстве объектов капитального строительства, проектная документация которых подлежит государственной экспертизе в соответствии со ст. 49 ГрК РФ либо является типовой проектной документацией или ее модификацией;

— реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства, если проектная документация на осуществление реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства подлежит государственной экспертизе в соответствии со ст. 49 ГрК РФ.

Из этого можно сделать вывод о критерии отнесения процессов создания объектов капитального строительства к ведению государственного строительного надзора. Таковым критерием является установленная законом в отношении соответствующих объектов необходимость проведения государственной экспертизы проектной документации. Таким образом, наблюдаем первый элемент органической взаимосвязи институтов экспертизы проектной документации и государственного строительного надзора. Эти институты представляют собой поэтапно сменяющие друг друга, организационно обособленные процедуры единого надзорного механизма.

Часть 2 ст. 54 ГрК РФ четко закрепляет предмет государственного строительного надзора, а именно, проверку:

1) соответствия выполнения работ и применяемых строительных материалов в процессе строительства, реконструкции, капитального ремонта объекта капитального строительства, а также результатов таких работ требованиям технических регламентов, проектной документации;

2) наличия разрешения на строительство;

3) выполнения требований ГрК РФ в сфере организации саморегулирования в строительстве. Однако, согласно ст. 7 Федерального закона от 27 декабря 2001 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании», технические регламенты устанавливают минимально необходимые требования, обеспечивающие безопасность излучения, биологическую безопасность, взрывобезопасность, механическую безопасность, пожарную, промышленную, термическую, химическую, электрическую, ядерную и радиационную безопасность и т.д. [2].

Порядок осуществления государственного строительного надзора устанавливается Правительством Российской Федерации. Так, в постановлении Правительства РФ от 01.02.2006 г. № 54 «О государственном строительном надзоре в Российской Федерации» [5] частично дублируются положения Градостроительного кодекса РФ, но более подробно устанавливается порядок проведения, а также задачи государственного строительного надзора.

При осуществлении государственного строительного надзора, организации и проведении проверок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей применяются положения Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» с учетом особенностей организации и проведения проверок, установленных частью 5 статьи 54 Градостроительного кодекса Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в главе 9 «Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике», а именно в статьях 9.4 и 9.5 определяет составы правонарушений в области нарушения обязательных требований в сфере строительства и применения строительных материалов (изделий) и нарушения установленного порядка строительства, реконструкции, капитального ремонта объекта капитального строительства, ввода его в эксплуатацию, и закрепляет ответственность за совершение данных административных правонарушений.

В статье 19.6.1 КоАП РФ устанавливается ответственность для должностных лиц органов государственного контроля (надзора), органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, осуществляющих контрольные функции, требований законодательства о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле. Федеральный закон от 30.12.2009 г. № 384 — ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» принят в следующих целях:

- защиты жизни и здоровья граждан, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества;
- охраны окружающей среды, жизни и здоровья животных и растений;
- предупреждения действий, вводящих в заблуждение приобретателей;
- обеспечения энергетической эффективности зданий и сооружений.

Таким образом, правовое регулирование строительной деятельности в РФ со стороны уполномоченных органов сводится:

- к подготовке и утверждению территориального планирования;
- утверждению документации по планировке территории;
- техническому регулированию в области градостроительной деятельности;
- ведению государственного реестра СРО и осуществлению надзора за их деятельностью;
- другим полномочиям согласно ст. 6–8 ГрК РФ.

Регулирование строительной отрасли государством гарантирует защиту интересов субъектов подобных правоотношений на законодательном уровне.

Литература:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190 — ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.01.2018).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195 — ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.01.2018).
3. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: ФЗ от 26.12.2008 г. № 294 — ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52. — Ст. 6249.
4. Технический регламент о безопасности зданий и сооружений: ФЗ от 30.12.2009 г. № 384 — ФЗ // Российская газета. — 2009. — 31 дек.
5. О государственном строительном надзоре в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 01.02.2006 г. № 54 (ред. от 29.04.2014) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 7. — Ст. 774.
6. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: ФЗ от 30.12.2004 г. № 214 — ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Российская газета. — 2004. — 31 дек.

Особенности привлечения корпорации к юридической ответственности

Радчина Юлия Михайловна, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

Корпорации обладают правоспособностью и дееспособностью, в силу чего должны отвечать перед законом за совершение правонарушений. Учитывая то, что корпорация как субъект права имеет в правовом статусе многие особенности, то при привлечении её к ответственности используются определённые изъятия. Так, корпорацию как юридическое лицо по российскому законодательству невозможно привлечь к уголовной ответственности, а при применении санкций других правовых отраслей использовать можно далеко не все существующие в арсенале виды санкций.

Корпоративная ответственность имеет особую специфику, позволяющую выделить её как самостоятельный институт корпоративного права. Такая ответственность является не связанной с предпринимательской деятель-

ностью, вне зависимости от того, как возникли и как осуществляются соответствующие отношения: в связи с участием и управлением в коммерческой либо в некоммерческой корпорации. Отличительной особенностью ответственности в корпоративных отношениях являются источники её установления. Так, помимо законодательства регулировать многие вопросы корпоративных отношений допускается и внутренними актами корпорации [5, с. 158].

Распространяться такая ответственность может только на участников корпоративного отношения, к которым относятся следующие:

- корпорация;
- участники корпорации;
- члены органов управления;

— члены органов внутреннего контроля корпорации.

Один из основополагающих принципов российского гражданского права предполагает раздельную ответственность непосредственно организации и ее участников, а также всех прочих лиц. Так, пункт 2 статьи 56 Гражданского кодекса РФ прямо говорит о том, что участник юридического лица по общему правилу не должен отвечать по обязательствам такого юридического лица, так же, как и юридическое лицо не должно отвечать за своего участника.

Каждый орган корпорации действует в рамках своей компетенции и считается субъектом ответственности за убытки, причиненные обществу из-за нарушения установленных законом обязанностей управления или контроля. Деяния служащих корпорации могут служить против ее интересов, как, к примеру, в случае с растратой. В этом случае выгоду приобретают отдельно от связи с корпорацией [6, с. 22].

К ответственности руководство корпорации по возмещению убытков можно привлечь только при существовании убытков в результате нарушения руководителями своих обязанностей по управлению обществом. В корпоративном праве используется общая категория убытков, существующая в гражданском праве; согласно которой убытки — это денежная оценка имущественных потерь (вреда), выраженных в уменьшении имущества организации.

Актуальными проблемами при изучении корпоративной ответственности являются проблемы злоупотребления правом: при нечетком законодательном определении категории злоупотребления многое конкретизируется лишь с помощью изучения практики и актов толкования высших судебных инстанций. Злоупотребление является поведением участника отношений, направленным на создание видимости законности при использовании своих прав недобросовестным образом, например, с целью реализации личных интересов акционера в ущерб интересам всей корпорации и других акционеров. Одним из наиболее распространенных нарушений в этой сфере является злоупотребление правом автономии воли субъекта: иногда корпорацию создают исключительно с целью минимизации рисков в бизнесе.

Как уже было отмечено, корпорации не могут являться субъектами уголовной ответственности; однако, вопросы внесения в уголовный закон соответствующих изменений регулярно широко обсуждаются теоретиками права и даже законодателями при рассмотрении поступающих проектов законов. Несмотря на обширную практику привлечения к уголовной ответственности юридических лиц за рубежом в Российской Федерации соответствующие изменения пока так и не приняты. Например, во Франции действует общее правило об уголовной ответственности юридического лица, согласно которому подвергнуть уголовным санкциям допустимо любые юридические лица за преступления, которые были совершены от их имени представителями такой организации или ее органами управ-

ления. Любопытно, что содержатся указанные нормы не в уголовном, а в торговом кодексе Франции.

Российское уголовное законодательство, однако, предусматривает ответственность за корпоративные правонарушения. Так, Уголовный кодекс РФ называет преступлением неправомерные деяния при банкротстве, преднамеренное банкротство и некоторые другие противоправные деяния [3].

В рыночных условиях перечни административных и уголовных нарушений постепенно расширяются. Правоприменительная практика по корпоративной ответственности не должна серьезно отставать от новинок в законодательстве. Основанием привлечения к ответственности могут стать, например, нарушения валютных, таможенных норм, законов о лицензировании, рекламе, ценообразовании или использовании товарных знаков.

Возможность привлекать корпорацию к ответственности самых различных видов обуславливает особенную черту корпоративной ответственности — за одно и то же правонарушение к виновному лицу возможно применить санкции, указанные сразу несколькими правовыми отраслями. Это связано с тем, что ответственность, установленная публичным правом, разрешает применять за одно и то же правонарушение карательные-штрафные наказания и меры гражданско-правовой ответственности [5, с. 159].

В таком контексте стоит упомянуть и так называемую доктрину «снятия корпоративной вуали», хорошо развитую в странах англосаксонского права. Она предполагает эффективное противодействие корпоративным правонарушениям: обязательным условием привлечения к ответственности является факт злоупотребления правом. В России же судебная практика демонстрирует широкое распространение презумпции ответственности основной корпорации по долгам дочерней [10, с. 18].

Стоит различать правовую ответственность и меры защиты субъективных гражданских прав. Второе призвано восстанавливать нарушенные права потерпевших, в то время как правовая ответственность состоит в новых, обременяющих виновного обязанностях. Так как юридическая ответственность — прямое последствие противоправного деяния, то она несет за собой наложение на виновного субъекта обременения — наказания, штрафной и иной санкции, дополнительной обязанности. Противопоставляя меру защиты и меру ответственности, А. П. Сергеев замечает, что отличия между ними состоят в поводах к применению, в социальных целях и выполняемых функциях, принципах реализации и в некоторых других моментах. Наиболее практически значим, по мнению А. П. Сергеева, тот факт, что в общем случае мера ответственности, в отличие от меры защиты, используется лишь к виновным нарушителям субъективного права и является дополнительным обременением в форме лишения виновного лица некоторых прав или наложения на него дополнительных обязанностей. Из всех форм защиты гражданских прав, указанных статьей 12 ГК

РФ, мерой ответственности может быть признано только возмещение убытков, взимание неустойки и компенсация морального вреда; все другие формы считаются мерами защиты [9, с. 79].

Итак, в корпоративной ответственности субъектами могут выступать исключительно участники корпоративных отношений. Это вид ответственности, предполагающий сочетание в качестве источников не только

нормы права различных отраслей, но и внутренние акты корпорации. Функциями ответственности в сфере корпоративных правоотношений можно назвать следующие: восстановление, компенсирование, предупреждение и стимулирование. Карательная функция не включена в перечень, так как корпоративная ответственность нацелена лишь на добросовестное и разумное действие в интересах корпорации.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп. вступ. в силу 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 23. Ст. 3301.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп. вступ. в силу 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп. вступ. в силу с 01.09.2018) // Российская газета. 1995. № 248. Ст. 1.
5. Дзуцева, Д.М., Кабалоева, А.Т. Особенности корпоративной ответственности // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 156–160.
6. Кирилловых, А.А. Корпоративное право. Курс лекций. М.: Юстицинформ, 2009. С. 192.
7. Русанов, Г.А. Экономические преступления. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Гриф УМО ВО, 2017. С. 224.
8. Сергеев, А.П. Гражданское право. Том 2. 2-е издание. М.: Проспект, 2017. С. 880.
9. Терновая, О.А. Ответственность юридических лиц в корпоративном праве: проблемы и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 17–20.
10. Терновая О.А. Экономико-правовые аспекты юридической ответственности за нарушение правил конкуренции во Франции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 5. С. 49–53.

Институционализация государственной кадастровой оценки земель

Рождественская Надежда Александровна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

В России институт массовой оценки земель зародился сравнительно недавно, однако деятельность оценщиков и разработанная нормативно-правовая база уже нашли отклик в многочисленных научных исследованиях.

Так, с 1990 г. создаются предпосылки для институционализации кадастровой оценки недвижимости: наблюдается становление частной собственности на землю, ведение первичного административного учета, формирование налоговой системы [1]. С 1991 г. Закон РСФСР «О плате за землю» определил формы платы за землю: земельный налог, арендная плата и нормативная цена земли. Земельный налог устанавливался исходя из экономического района страны, курортной зоны, численности населения в городах, статуса города и исторической застройки. Размер земельного налога не зависел от результатов хозяйственной деятельности собственников земли и устанавливался в виде стабильных платежей за единицу земельной площади в расчете на год.

В связи с созданием Российского общества оценщиков начинает формироваться методология проведения оценки стоимости недвижимости в целях налогообложения. Так, первые Временные методические рекомендации по кадастровой оценке земель разработаны в 1996 г. Это послужило единой методической основой для установления уровня рыночных цен на земли различного целевого назначения соответствующих территорий. Временный характер объяснялся отсутствием достоверных данных о сделках с земельными участками и необоснованностью затрат на улучшение земель.

Государственная кадастровая оценка земель (далее — ГКОЗ) начата в Российской Федерации в 1999 г., когда Постановлением Правительства РФ от 25 августа 1999 г. № 945 «О государственной кадастровой оценке земель» были отмечены основные задачи кадастровой оценки — введение финансовых аспектов в управлении земельными ресурсами и увеличение на этой основе эффективности

использования объектов недвижимости. После этого, в 2001 г. Земельный кодекс РФ [2] разъяснил, что кадастровая стоимость земельного участка устанавливается для целей налогообложения в результате проведения ГКОЗ. До этого момента налог взимался с нормативной цены земли. С 2002 г. активно начинает формироваться нормативно-правовая база в сфере ГКО: утверждались Методики, рекомендации, регламенты о кадастровой оценке объектов капитального строительства и разных категорий земель.

После 2005 г. цель проведения последующих туров оценки заключалась в актуализации результатов определения кадастровой стоимости. Теперь к выполнению работ привлекались оценщики, соответствующие требованиям, установленным Федеральным законом от 29 июля 1998 года № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 135) [3,4]. С 2007 г. Роснедвижимостью, а далее Росреестром, осуществлялась проверка отчетов об определении кадастровой стоимости земельных участков на соответствие методическим указаниям. По результатам проверки более 75% отчетов об определении кадастровой стоимости были признаны не соответствующими требованиям методических документов. Проверка показала неспособность некоторых оценочных организаций своевременно и качественно выполнять работы по кадастровой оценке земель [4].

Результаты проведения ГКОЗ в 2005–2010 гг. показали, что процедура оспаривания результатов стала носить массовый характер. В связи с этим введена досудебная практика оспаривания кадастровой стоимости. Следовательно, все сводилось к необходимости разработать качественную нормативно-правовую базу, которая отражала бы четкие требования к проведению ГКОЗ.

Тогда, начиная с 2007 г. очередные методические указания, технические рекомендации и специальное программное обеспечение составляли единое методическое обеспечение производства работ по определению кадастровой стоимости земельных участков в составе земель населенных пунктов. Методические указания по ГКОЗ в 2007 г. (далее — Методика 2007 г.) обозначили принципиально новый подход к проведению ГКО. Объектами оценки признаны земельные участки (ранее — кадастровые кварталы), оцениваемые исходя из 17 видов разрешенного использования (далее — ВРИ). В целях разъяснения положений Методики 2007 г. были утверждены Технические рекомендации, которые содержали технологическую схему выполнения работ по ГКОЗ населенных пунктов, даны разъяснения по всем этапам работ и методическим подходам, а также указаны основные требования к оформлению отчетных материалов.

Дальнейшее развитие системы ГКО относится к 2010 г., когда ФЗ № 135 был дополнен главой III.1, а также разработан Федеральный стандарт оценки «Определение кадастровой стоимости». Вступление в силу нового законодательства повлекло за собой существенные изменения в проведении ГКО. Если до 2010 г. определя-

ющую, доминирующую роль в процессе проведения кадастровой оценки выполнял Росреестр, который не только проводил формирование перечня объектов оценки, выполнял внесение данных кадастровой стоимости в кадастр недвижимости, но и осуществлял подготовку документов, регламентирующих проведение ГКОЗ, выбор исполнителя работ, проверку результатов и контроль за ходом выполнения работ, то после 2010 г. Росреестр занимается только формированием перечня объектов недвижимости, подлежащих ГКО, и внесением результатов определения кадастровой стоимости в ГKN. Начиная с 2010 г. решение о проведении ГКО принимает орган местного самоуправления субъекта РФ или федеральный орган исполнительной власти (для городов Федерального значения), который также осуществляет отбор исполнителя работ по определению кадастровой стоимости, заключает с ним контракт на проведение оценки, утверждает результаты определения кадастровой стоимости недвижимости. Кроме того, полномочия в отношении проверки отчетов об определении кадастровой стоимости перешли от Росреестра к саморегулируемым организациям оценщиков (в рамках проведения экспертизы отчетов об оценке) [5].

Не исключено, что региональные администрации экономически заинтересованы в завышении кадастровой стоимости недвижимости, так как от этого уровня зависит наполняемость региональных и местных бюджетов через налогообложение недвижимости. Неслучайно в последние годы в стране увеличивается социальная напряженность по поводу судебных и внесудебных споров из-за завышения уровня кадастровой стоимости недвижимости.

На протяжении долгого периода времени предпринимались попытки по формированию единого порядка проведения оценочных кадастровых работ. Инструментом таких совершенствований, с точки зрения Министерства экономического развития (далее — Минэкономразвития), является методическая основа кадастровой оценки объектов недвижимости и передача оценки в руки государства. Тогда, в целях обеспечения единого методологического подхода к ГКО издан новый Федеральный закон «О государственной кадастровой оценке» от 03.07.2016 г. (далее — ФЗ № 237) [6]. На законодательном уровне установлено, что в переходный период (1.01.2017–01.01.2020) применяются два порядка определения кадастровой стоимости: в соответствии с ФЗ № 237 (новый порядок) и в соответствии с главой III.1 ФЗ № 135 (старый порядок), некоторые статьи которой в общем порядке приостановлены. Старый порядок проведения ГКО предусматривает семь последовательных процедур. Порядок проведения ГКОЗ в соответствии с новым законодательством с 2020 г. будет действовать на всей территории РФ без исключения. По сравнению с предыдущим порядком проведения работ, уменьшение количества процедур произошло за счет двух факторов: отсутствия надобности проведения конкурсных работ и заключения государственных контрактов на проведение ГКО и укрупнения процедур и систематизации правовых норм (рис. 1).

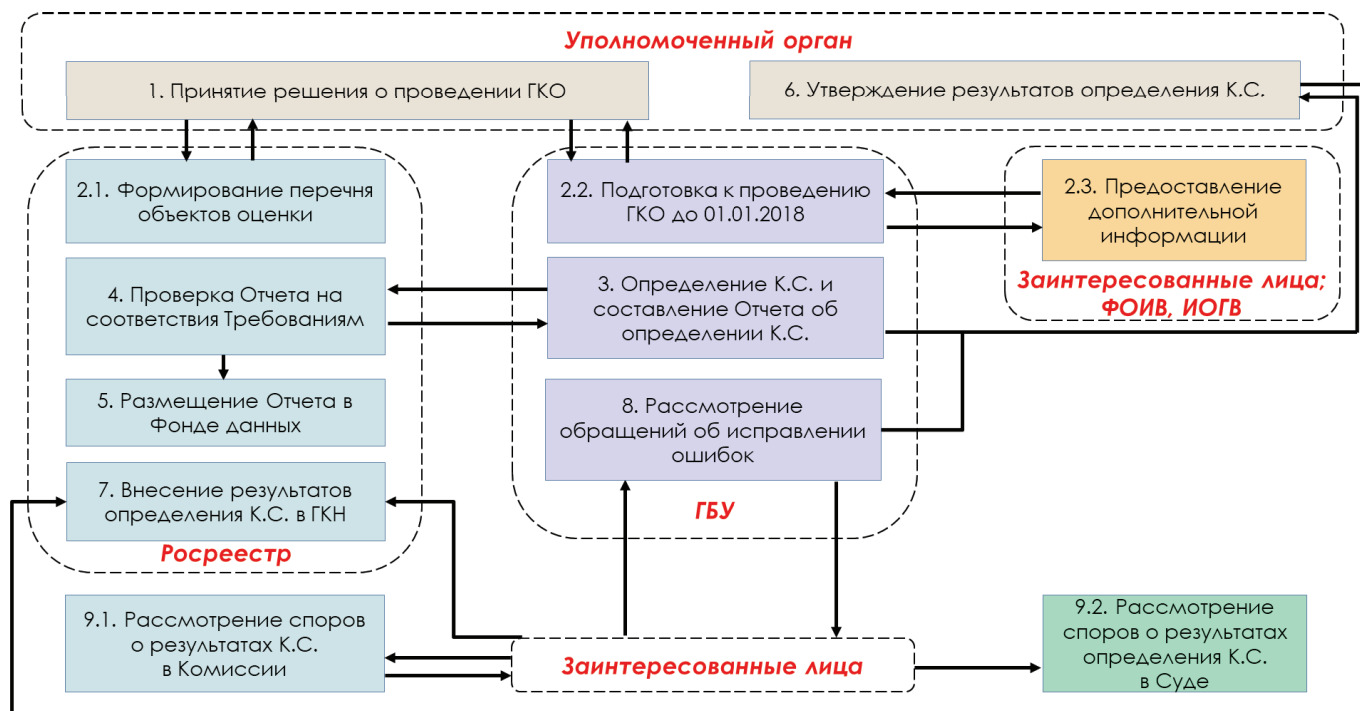

Рис. 1. Схема проведения ГКО населенных пунктов в соответствии с 237-ФЗ [6]

В связи с изменением концепции Минэкономразвития утверждены новые методические указания, которые введены в действие 12 мая 2017 г. (далее — Методика 2017 г.) [7]. Следует отметить, что с того момента не только земельные участки, но и здания, сооружения, помещения, объекты незавершенного строительства, единые недвижимые комплексы, машиноместа стали оцениваться согласно одним методическим указаниям.

Так, Минэкономразвития предложена единая федеральная методология, направленная на совершенствование механизма проведения ГКО. Теперь назревает вопрос о том, насколько совершенна новая методология. Разумеется, не все субъекты РФ в 2017 г. оказались подготовленными к созданию ГБУ (36 из 85 регионов) и проведению ГКО в 2018 г. В начале проведения ГКО по «новым правилам» назрели вопросы, требующие срочного решения, а именно: организация ГБУ, уполномоченного на проведение ГКО; отсутствие информации, необходимой для проведения ГКО; проблемы взаимодействия с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления при сборе информации; отсутствие региональных геоинформа-

ционных систем; неразвитость и слабая активность рынка недвижимости в регионе; проблемы согласования обработанного перечня объектов недвижимости, подлежащих ГКО; отсутствие единого специализированного программного обеспечения; проблемы, связанные с полнотой сведений, содержащихся в ЕГРН; проблемы, связанные с применением положений ФЗ № 237 и методических указаний.

Уже в марте 2018 г., когда еще не подведены итоги проведения ГКО в соответствии с новым законодательством, в перечень поручений Президента России вошло требование о внесении изменений в законодательство Российской Федерации, предусматривающих совершенствование порядка определения кадастровой стоимости объектов недвижимости.

Приведенное выше указывает на то, что необходимо решать уже сложившийся ряд вопросов. Реорганизация механизма ГКО в России будет прекращена, когда две базы, исходная информационная и нормативно-правовая, со временем претерпят многочисленные изменения с целью дальнейшего повышения качества результатов определения кадастровой стоимости.

Литература:

1. Пылаева, А. В. Основы кадастровой оценки недвижимости: учебное пособие / А. В. Пылаева. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2018. — 139 с.
2. Земельный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ: принят Гос. Думой 28 сент. 2001 г.: одобр. Советом Федерации 10 окт. 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
3. Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»: Федер. Закон от 29 июля 1998 года № 135-ФЗ: принят Гос. Думой 16 июля 1998 года: одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3813.

4. Васильев, С. В. Кадастровая оценка объектов недвижимости для налогообложения / С. В. Васильев // Федеральный справочник. — URL: <http://federalbook.ru/news/analytics/4.12.2012> (дата обращения: 22.12.2018).
5. Григорьев, В. В. Совершенствование механизма управления государственной кадастровой оценкой в Российской Федерации / В. В. Григорьев // Государственное и муниципальное управление, 2016. — № 1. — С. 83–90.
6. Федеральный закон «О государственной кадастровой оценке»: Федер. закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ: принят Гос. Думой 22 июня 2016 года: одобр. Советом Федерации 29 июня 2016 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2016. — № 27. — Ст. 4170.
7. Об утверждении методических указаний о государственной кадастровой оценке [Электронный ресурс]: приказ Минэкономразвития Российской Федерации от 12.05.2017 г. № 226 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.12.2018).

Понятие и юридическая природа экстрадиции

Саврико Ирина Вячеславовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Международное сотрудничество по глобальным проблемам современности, в том числе связанным с противодействием преступности и защитой прав и свобод человека и гражданина, в условиях интеграции, глобализации и миграции населения с каждым годом набирает обороты.

Одним из таких направлений взаимодействия в сфере борьбы с преступностью является экстрадиция, которая обеспечивает достижение целей уголовного процесса, восстановление нарушенных правоотношений, поддержание нормативов равенства и справедливости в обществе, неотвратимость наказания, несмотря на территориальные разграничения юрисдикций разных стран.

В отечественном правовом поле отсутствует законодательно закреплённая дефиниция экстрадиции. В связи с чем, научные дискуссии по поводу содержания этого термина не утихают уже на протяжении длительного периода времени. Каждое поколение ученых старается привнести что-то новое в данное определение, с целью более точного и глубокого раскрытия сущности этого института, его черт и особенностей.

Одним из самых спорных вопросов является соотношение понятий «экстрадиция» и «выдача». В научной среде господствует концепция об их тождественности. А. И. Сашенко указывает, что «в международных договорах термин »экстрадиция« используется как синоним термина »выдача« [1]. А. И. Джигирь отмечает, что на доктринальном уровне синонимичность терминов »экстрадиция« и »выдача« является бесспорной, а, следовательно, их использование в научной литературе допустимо в равной степени» [2].

Данной позиции придерживается и М. И. Смирнов, который предложил одно из наиболее всеобъемлющих и точных определений, согласно которому «под экстрадицией (выдачей) понимается процедура, осуществляемая в соответствии с международными договорами, национальным законодательством или на основе принципа взаимности, согласно которой лицо (подозреваемый, об-

виняемый, осужденный), находящееся на территории запрашиваемого государства, доставляется (перемещается) в запрашивающее государство с целью привлечения его к уголовной ответственности или исполнения наказания» [3].

Все вышеперечисленные трактовки экстрадиции отождествляют ее с термином «выдача». Несмотря на то, что данная точка зрения является преобладающей в научном сообществе, некоторые исследователи указывают на нетождественность данных понятий.

В частности, данную концепцию отстаивают исследователи А. К. Романов и О. Б. Лысягин, которые полагают, что экстрадиция отличается от выдачи прежде всего по своему содержанию, поскольку включает в себя стадию возбуждения инициативы о передаче (выдаче) лица; процесс принятия решения данного вопроса компетентными органами двух государств; стадию обжалования принятого решения; собственно процесс передачи (выдачи) лица; легализацию приговора судом того государства, которое приняло лицо, и др. Еще одним аргументом в пользу нетождественности выдачи и экстрадиции является то обстоятельство, что экстрадиция может завершиться и отказом, а вовсе не выдачей. Следовательно, выдача представляет собой лишь одну из форм реализации экстрадиции [4].

По мнению А. К. Романова и О. Б. Лысягина, в экстрадиции необходимо усматривать не только аспекты выдачи преступников и наказания виновных, но и более широкий круг вопросов: обеспечение необходимых правовых и процессуальных гарантий, эффективное правовое сотрудничество между государствами, повышение доверия к их правовым системам, укрепление международного правопорядка, норм и требований права, соблюдение прав человека и т. д. Таким образом, экстрадиция рассматривается как самостоятельный, комплексный институт.

Проанализировав подходы к пониманию термина «экстрадиция», можно заметить, что вопрос о ее природе

и месте в системе права является дискуссионным. Теоретики до сих пор не определились к какой отрасли права отнести выдачу: к уголовному, уголовно-процессуальному, административному или международному.

Российские ученые И.И. Лукашук и А.В. Наумов, считая выдачу древнейшей формой взаимной помощи государств в борьбе с преступностью, относят ее к международному уголовному праву [5].

И.И. Карпец считает экстрадицию одновременно элементом уголовно-процессуального права и частью уголовного права — института исполнения наказания, не исключая возможности отнесения этого института к административному или государственному праву [6].

В.М. Волженкина считает, что содержанием выдачи является совокупность общих и специально созданных уголовно-процессуальных процедур: «даже если признать выдачу институтом уголовного права, ее реализация тре-

бует производства процессуальных действий и регламентации взаимодействия с другими странами, что относится только к уголовному процессу» [7].

На мой взгляд, экстрадиция является «комплексным правовым феноменом» и представляет собой сложную юридическую процедуру, практическое осуществление которой невозможно без обращения к нормам конституционного, международного, уголовного, уголовно-процессуального и других отраслей права.

Подводя итог, стоит еще раз отметить, что несмотря на научные дискуссии относительно определения и правовой природы экстрадиции, она по-прежнему остается эффективным правовым средством, используемым в международной практике сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, посредством которого обеспечивается неотвратимость ответственности и наказания лиц, совершивших преступление.

Литература:

1. Сашенко А.И. Институт экстрадиции в уголовном праве // Юридический журнал. — 2009 — № 2 — С. 91
2. Джигирь А.И. Экстрадиция: терминологический аспект // Закон и право. — 2008 — № 6 — С. 108
3. Смирнов М.И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) // Современное право. — 2007 — № 3 — С. 15
4. А. К. Романов, О.Б. Лысягин. Институт экстрадиции: понятие, концепции, практика. Право и политика, — М. Юр. Литература.2005. — N3.
5. Лукашук И. И., Наумов А.В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве: Учебно-практическое пособие. — М., Инфра. 1998. — С. 30.
6. Карпец И.И. Международное уголовное право / Под ред. В.Н. Кудрявцева. — М., Бек. 1995. — С. 157.
7. Волженкина В.М. Выдача в российском уголовном процессе. — М.: Юрлитинформ. — 2002. — 336 С.

Процедура экстрадиции из Великобритании в Россию

Саврико Ирина Вячеславовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Важнейшим направлением взаимодействия в сфере борьбы с преступностью является экстрадиция, которая обеспечивает достижение целей уголовного процесса, восстановление нарушенных правоотношений, неотвратимость наказания, несмотря на территориальные разграничения юрисдикций разных стран.

Несмотря на тенденции расширения сферы международного сотрудничества по вопросам экстрадиции, увеличение количества запросов, взаимодействие России с некоторыми странами по вопросам выдачи осуществляется затруднительно.

Бесспорным лидером по количеству отказов в экстрадиции является Великобритания — за последнее десятилетие по запросам Генпрокуратуры РФ фактически были выданы только два человека. Это обусловлено, в первую очередь, отсутствием полноценного двухстороннего договора об экстрадиции. Однако, стоит отме-

тить, что наметились положительные шаги в этом направлении — в 2006 году был подписан Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Королевской прокурорской службой Англии и Уэльса, который может расцениваться как договор межведомственного характера. Данный документ предполагает более тесное взаимодействие в вопросах выдачи преступников и активной взаимной правовой помощи. В необходимых случаях могут проводиться консультации на этапе подготовки запросов и следственных поручений. Еще одной сферой сотрудничества стала профессиональная подготовка прокуроров России и Великобритании. Стороны также договорились поставить на регулярную основу оперативный обмен информацией [1].

Детально изучив Акт об экстрадиции 2003 года — основной нормативно-правовой акт Соединенного Коро-

левства, регулирующий вопросы выдачи, можно сделать вывод, что для России — страны, относящейся ко второй категории — предусмотрен усложненный порядок экстрадиционной процедуры.

Запрос подается в МВД Великобритании. В соответствии со ст. 70 Акта об экстрадиции Министр внутренних дел, принимая решение о начале судебной процедуры, должен убедиться, что запрашиваемое лицо не имеет статуса беженца; ему не предоставлено разрешение на пребывание на территории Соединенного королевства на основании ст. 2 и 3 Европейской конвенции о правах человека. При утвердительном ответе на данные вопросы Министр внутренних дел, удостоверившись, что запрос направлен компетентным органом иностранного государства, отправляет его в суд [2].

После того как начало процедуры санкционировано Министром внутренних дел, запрос попадает в суд, где решается вопрос об аресте. Судья, руководствуясь ст. 71, может выдать разрешение на арест только если убедится, что преступление является экстрадиционным, и что имеются доказательства, достаточные для выдачи ордера на арест [2].

После ареста запрашиваемое лицо доставляется в Вестминстерский магистратский суд на первичное слушание, где его информируют о содержании запроса (ст. 72). Также решается вопрос о мере пресечения: могут быть избраны заключение под стражу или залог. На данном этапе назначается дата слушания по делу об экстрадиции — не позднее двух месяцев с начала первичного слушания (ст. 75) [2].

На слушании по делу об экстрадиции судья изучает запрос и прилагаемые к нему документы (ст. 78), решает, есть ли какие-либо препятствия для выдачи (риск дважды понести уголовную ответственность за одно и то же преступление, сроки давности, сторонние соображения — ст. 79). Одним из главных запретов для выдачи являются «интересы правосудия» (Forum) — в экстрадиции могут отказать, если прокурор в своем заключении докажет, что уголовное преследование целесообразно проводить в юрисдикции Великобритании, или если экстрадиция противоречит интересам пострадавших [2].

При принятии решения судья должен проверить: является ли действие, в котором обвиняется человек, преступлением в Великобритании; есть ли серьезные основания полагать, что доказательства виновности достаточны и права человека экстрадицией не будут нарушены.

Решение принимается с учетом информации от запрашиваемого лица против экстрадиции в течение 4-х недель, после этого срока такая информация может не учитываться. Решение судьи может быть обжаловано в соответствии со ст. 113 закона в Верховном суде в течение 14 дней со дня принятия решения. Если обжалуется отрицательное решение судьи (освободить запрашиваемое лицо и отказать в экстрадиции), апелляция будет рассмотрена после вынесения положительного решения МВД Великобритании.

Министр внутренних дел Великобритании, принимая окончательное решение, должен определить существуют ли запреты, предусмотренные ст. 94–96 Акта об экстрадиции.

Выдача запрещена законом, если:

— лицу может грозить смертная казнь (если только МВД Великобритании не получит письменных гарантий того, что смертная казнь не будет назначена)

— в запрашивающей стране нет специальных гарантий относительно того, что уголовное преследование в отношении лица будет осуществляться только за преступления, за которые оно было выдано (за исключением некоторых ограниченных обстоятельств)

— лицо уже экстрадировано в Великобританию из третьего государства или передано из международного уголовного суда, и согласие на последующую экстрадицию требуется от этого третьего государства или этого суда (если только министр МВД не получил такого согласия).

Если ни один из этих запретов не применяется, министр МВД должен вынести постановление о выдаче. Если существует хоть один запрет, лицо должно быть освобождено.

Решение об экстрадиции должно быть принято МВД Великобритании в течение 2-х месяцев со дня передачи дела из суда. Оно может быть обжаловано в соответствии со ст. 114 закона в Верховном суде (Supreme Court) в течение 14 дней в случае, если Верховный суд обозначит дело как дело имеющее значение для установления прецедента. Экстрадиция запрашиваемого лица должны быть осуществлена в течение 28 дней со дня решения МВД Великобритании, если право апелляции не было осуществлено, или в течение 28 дней со дня принятия решения судьей [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что в отличие от государств, для которых действует режим Европейского ордера на арест, запрос о выдаче из России подвергается тщательному изучению, суды очень внимательно исследуют доказательства и условия, в которых будет осуществляться дальнейшее уголовное преследование. Кроме того, британская сторона очень трепетно относится к соблюдению прав человека и гражданина, и если будет сделан вывод, о возможности их нарушения, то незамедлительно последует отказ в экстрадиции.

Проанализировав статистику принятия положительных и отрицательных решений о выдаче, можно сделать вывод, что власти Великобритании в подавляющем большинстве случаев отказывают Российской Федерации. На их позицию влияют как общие представления о сущности российской правоохранительной системы, так и материальные доказательства невиновности. Чаще всего российские беглецы апеллируют к проблеме пенитенциарных учреждений в России. Примером эффективного аргумента для британского суда может быть ссылка на систематическое несоблюдение российскими правоохранителями п. 1.1 ст. 108 УПК РФ («Заключение под стражу») [3]. Эта норма появилась в 2010 году по инициативе экс-президента РФ Дмитрия Медведева. Она не

позволяет заключать под стражу в качестве меры пресечения предпринимателя, которого подозревают или обвиняют в совершении экономических преступлений. Несмотря на такой запрет, российские суды порой отправляют предпринимателей в СИЗО. Суд Соединенного Королевства может расценить такой факт, как грубое нарушение процессуального законодательства и отказать в экстрадиции [4]. Также используется в британском суде такой аргумент, как отсутствие шансов на проведение справедливого судебного разбирательства на Родине и политические мотивы преследования.

Литература:

1. Двусторонние договоренности // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru/ms/ms_documents/betw/sogl/ (дата обращения: 11.01.2019).
2. Закон об экстрадиции от 2003 года // The Extradition Act 2003 | Extradition Lawyers | Gherson. URL: <https://www.gherson.com/ru/закон-об-экстрадиции-от-2003-года> (дата обращения: 11.01.2019).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019)
4. За рубеж от тюрьмы и сумы: правила экстрадиции // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/story/view/134559/> (дата обращения: 11.01.2019).

Подводя итог, необходимо еще раз сказать о том, что для улучшения статистики принятия положительных решений о выдаче и совершенствования фактической реализации данной процедуры, потребуется объединение и координация усилий как всего мирового сообщества, так и интенсивное развитие двухсторонних отношений между отдельными странами. Надеюсь, что в ближайшем будущем, Россия предпримет шаги по улучшению ситуации, связанной с проблемами выдачи из Великобритании, и обеим странам удастся закрепить совместные усилия в рамках двустороннего договора об экстрадиции.

Критический уровень правовой культуры как детерминант преступности среди несовершеннолетних

Соколова Елизавета Анатольевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Перед нами поставлена цель: выявить состояние сформированности правовой культуры несовершеннолетних с 14–17 лет, мы выбрали подростковую группу лиц, так как она наиболее склонна к совершению преступлений.

Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие задачи: определить уровень правовой культуры, на основе разработанной диагностической программы, кандидатом юридических наук, доцентом кафедры теории и истории государства и права алтайской академии экономики и права Сергея Ивановича Нефедова [7, с. 243] и изучить уровень сформированности правовой культуры несовершеннолетних.

Мы определили ряд закономерностей, которые влияют на формирование правовой культуры обучающихся с 14–17 лет.

Исследование проводилось на базе учебных заведений, таких как:

- Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета (СПО);
- Уральского федерального университета им. Б. Ельцина (СПО);

– МБОУ СОШ № 65, МБОУ СОШ № 44, МБОУ СОШ № 32, Гимназия № 18 г. Нижний Тагил.

В качестве основных принципов формирования правовой культуры, мы отметили следующее: целенаправленность, сознательность, доступность, актуализация правовых знаний в области уголовного права, связь обучения с жизнью.

Для того, чтобы определить уровень правовых знаний, нами были выдвинуты критерии: информационно-когнитивный (сформированность системы нравственно-правовых знаний); ценностно-мотивационный (осознание сути права как нравственно значимой ценности); регулятивный (степень овладения правовыми умениями и навыками, правовая активность, умения, опыт), репродуктивный (воспроизведение действий по применению знаний на практике). Данные критерии позволяют определить четыре уровня сформированности правовой культуры несовершеннолетних: недопустимый, критический, допустимый, оптимальный.

Методами диагностики уровня сформированности правовой культуры лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, в нашем исследовании послужили: анкетирование и выполнение проблемно ориентированных заданий.

Анкета состояла из 20 вопросов, в каждом из которых предлагалось выбрать соответствующий мнению респондента вариант ответа или дописать свой.

В исследовании приняло участие 206 респондентов. Из них: 76 человек мужского пола и 130 женского. Возраст респондентов составил от 14 до 17 лет.

В первую очередь, нам необходимо было выяснить знают ли обучающиеся о том, со скольки лет наступает уголовная ответственность. Большинство опрошенных, а именно 46,1% сочли за правильный ответ возраст с 14 лет. Верно ответили, а именно что уголовная ответственность наступает с 16 лет — 34,8% опрошенных. Остальные 19,1% считают, что уголовная ответственность наступает с 18 лет.

Проверяя знания обучающихся в области терминологии уголовного законодательства, нами был задан вопрос: Что Вы подразумеваете под понятием — «преступление»? 67,8% ответили, что это противоправное общественно опасное деяние, совершенное человеком или действиями человека, запрещенное Уголовным Кодексом Российской Федерации (УК РФ). Согласно ст. 14 УК РФ, «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [1]. Следовательно, 141 человек опрошенных на поставленный вопрос ответили неверно. Правильно дали определение понятию преступление 19,2%. Остальные 13% ответили, что преступление это общественно опасное деяние умышленно совершенное и запрещенное УК РФ.

Важным для нас было выяснить, знают ли респонденты четыре основных элемента состава преступления «субъект, объект, субъективная сторона, объективная сторона» [8, с. 478]. Почти половина опрошенных — 29,2% ответили верно на поставленный вопрос. Стоит отметить, что 70,8% респондентов ответили на поставленный вопрос неверно.

Подводя промежуточные выводы по когнитивно-информационному компоненту, в общей оценке правовой культуры несовершеннолетних, мы наблюдаем критический уровень правовых знаний. Результаты респондентов варьировались от низкого показателя к высокому, был ряд вопросов, где респонденты дали правильные ответы, так же ряд вопросов, где показатели были достаточно низкими. Следовательно, мы дали критическую оценку сформированности правовой культуры когнитивно-информационного компонента. Несовершеннолетние недостаточно владеют правовыми знаниями, не всегда могут использовать правовые термины, низкий уровень правового знания и навыков правового мышления.

На следующем этапе мы исследовали сформированность ценностно-мотивационного компонента правовой культуры у лиц которые не достигли совершеннолетнего возраста. Данное исследование предоставило нам возможность соотнести отношение обучающихся к праву, понять осознают ли они смысл закона, воспринимают ли они суть права, как значимую для себя ценность и сформировано ли у них чувство уважения к правовым нормам.

Нам было интересно узнать мнение респондентов о нормах, на которые следует опираться в современном мире

Результаты опроса показали, что 40,1% респондентов считают, что прежде всего стоит опираться на правовые нормы, 38,6% опрошенных выбрали несколько вариантов ответов: правовые нормы, нравственные нормы, религиозные. 11,6% считают, что важно опираться только на нравственные нормы, 8,7% затрудняются с ответом, и лишь 1% считает, что стоит учитывать религиозные нормы

Следующий вопрос, на который мы хотели узнать мнение респондентов, «Нарушение законов вызывает у Вас угрызение совести?»

Большинство опрошенных, а это составило 77,6%, которые считают, что необходимо соблюдать законы, за несоблюдением законов идет наказание,

13,6% затрудняются в ответе, 5,9% ответили, что «Для меня ничего не значит, за нарушение законов легко избежать наказания», 2,9% ответили, что в приоритете религиозные нормы, а не законы.

Подводя итог по ценностно-мотивационному компоненту, мы

определили, как допустимый показатель. У несовершеннолетних есть представление о праве, уважают правовые нормы, но не полностью осознают их суть, данные нормы не нарушают, так как поступают многие, а не на основе внутреннего убеждения. Но также стоит заметить, что есть доля низкого показателя правовой культуры обучающихся. Нужно обратить внимание именно на эту группу, ведь, может быть этот процент опрошенных, будут совершать проступки, а затем преступления, думая о том, что за несоблюдением законов не следует наказание.

Следующий компонент «Регулятивный», он направлен на то, чтобы выяснить, как поступили бы респонденты в различных жизненных ситуациях, умеют ли они применять правовые знания, правильно ли анализируют проблемные ситуации и принимают решения в соответствии с законом. Анализируют собственную правовую деятельность, отстаивают свои права и свободы и выполняет свои обязанности, осуществляет свои права, не ущемляет свои права, не ущемляет права других. Первая проблемная ситуация «Если Вы увидели на улице драку, каковы Ваши действия?». Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа, 18,5% ответили: попробую их остановить или попрошу помощи у проходящих; сразу позвоню в полицию ответили 37,1% опрошенных, 18,5% ответили, что пройду не обращая внимания, 20,5% затрудняются в ответе, 5,4% выбрали ответ «другое».

Важный вопрос из «Регулятивного» компонента. «Вы на улице увидели гражданина, избивающего собаку. Каковы ваши действия?» Респонденты могли выбрать несколько вариантов. 28,5% ответили, что сами попытаются остановить его, 36,6% ответили, что сразу позвонят в полицию, 16,4% пройдут мимо если увидят на улице гражда-

нина, избивавшего собаку, 15,6% затрудняются в ответе, 2,9% выберут другое. Если мы сравним с предыдущим вопросом, где респонденты в своем большинстве ответили, что «попытаюсь остановить его». Данные показатели так же выше, чем у предыдущего вопроса, стоит отметить, что к животным граждане относятся благосклонней и готовы прийти на помощь в проблемной ситуации.

Мы узнали знания людей в теоретической части, то есть оценили «Когнитивно-информационный» компонент, следующий компонент был «ценностно-мотивационный», мы выяснили отношение несовершеннолетних к праву. Последний это «Регулятивный» компонент — правовые навыки и умения, а также свой собственный опыт.

Осталось проверить знания и умения респондентов на практике, а именно решение задач обучающихся.

Им было предложено решение задачи, респонденты, решившие данную задачу, а именно их было 206 человек. Им была представлена следующая задача: Куренков затеял ссору, перешедшую в драку, с гражданином Москвиным, во время которой толкнул Москвина с такой силой, что тот упал на землю и ударился о бордюр клумбы. От полученных при падении повреждений (обширная закрытая травма черепа) Москвин на следующий день скончался в больнице. Имеется ли вина в действиях Куренкова? Если да, назовите форму и вид вины? Квалифицируйте действия Куренкова? (см. рис. 1).

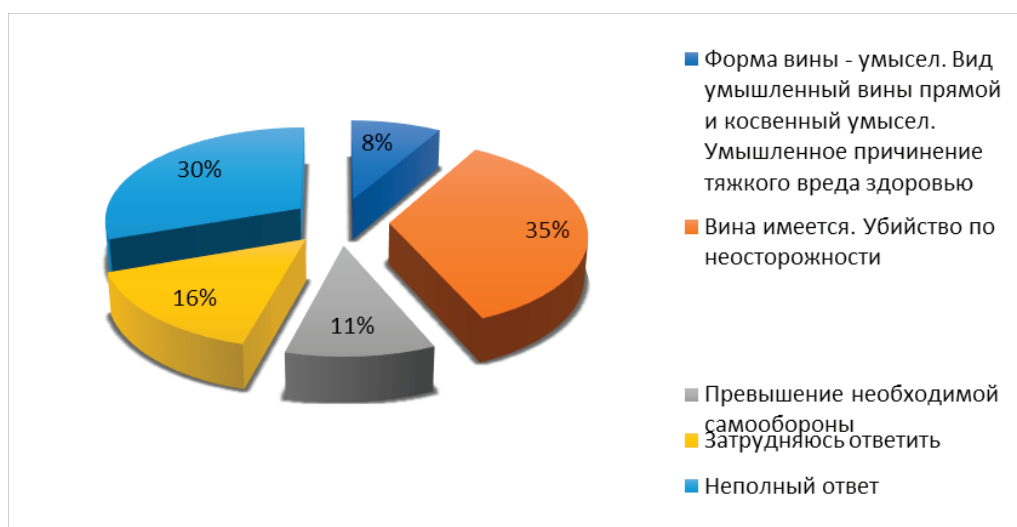

Рис. 1

В итоге только 8% опрошенных ответили верно на поставленный вопрос, 35% ответили, что вина есть. «Убийство по неосторожности ст. 109 УК РФ» [1], 11% решили, что это было превышение необходимой самообороны, 16% затрудняются с ответом, 30% дали не полный ответ.

Подводя итог по регулятивному компоненту, мы выявили критический показатель. Респонденты не могут в достаточной мере на практике применять правовые знания, умения и навыки, правильно анализировать проблемные ситуации. При принятии решения обращаются в информационные источники. Недостаточно хорошо ориентируются в сложившихся ситуациях.

Таким образом, мы выявили критический уровень сформированности правовой культуры у несовершеннолетних. Молодые люди знают о правовых нормах, не всегда могут использовать основные правовые термины и объяснять их суть; в специальных информационно-справочных системах не всегда могут ориентироваться, прибегают к помощи информационных источников. Обучающиеся уважают правовые нормы, но не полностью осознают их суть, к правонарушителям относятся отрицательно, нормы законодательства не нарушают. По низким показателям молодых людей можно предположить, что данная категория редко сталкивается с ситуациями в жизни, где нужно проявить знание правовых норм.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями на 17.04.2017) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954; официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravogov.ru. (дата обращения 20.01.2017).
2. Беяева Л.И. Становление отечественной школы предупреждения преступлений несовершеннолетних (середина 19—20 вв.) [Текст] // Л.И. Беяев / Вопросы ювенальной юстиции. М.: Статут, — 2007. — № 3. — С. 3—7.

3. Беляева И. М. Криминология [Текст] // И. М. Беляев / Учебное пособие. Челябинск. — 2009. — 52 с.
4. Забрянский Г. И. Преступность несовершеннолетних: состояние, функции, последствия, социальный контроль [Текст] // Г. И. Забрянский / Российский криминологический взгляд. М: Статут, — 2009. — № 3.
5. Иванников, И. А. Концепция правовой культуры [Текст] / И. А. Иванников // Правоведение. — Спб.: Типография М. М. Стасюлевича, 2003. — № 3. — 30 с.
6. Илюшин Н. Н. Преступность несовершеннолетних: проблемы профилактики и предупреждения // Наука и мир. 2014. № 11 (15). Т. 2. С. 70–72. URL: <http://oaji.net/articles/2015/245-1438244615.pdf>
7. Нефедов С. И. Критерии сформированности правовой культуры студентов. М. 2010. с. 243.
8. Уголовное право. Общая и Особенная часть. М. 2015. С. 478–483.
9. Научная библиотека КиберЛенинкат [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-molodezhnyh-obedineniy-v-formirovanii-pravovoy-kultury-studentov#ixzz4eTjсMwm>. (Дата обращения 23.01.2017).
10. Сайт Правовой портал [Электронный ресурс] URL: <https://sites.google.com/view/legal-culture>. (Дата создания 18.03.2017)

Принцип состязательности сторон в уголовном процессе России

Стрейкмане Лилиана Романовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена законодательному закреплению принципа состязательности сторон в уголовном процессе России и объективной возможности его реализации. Состязательность уголовного процесса — важный показатель демократичности правосудия, так как воплощение данного принципа предполагает наделение сторон равными возможностями по доказыванию, отстаиванию позиции, что делает судебный процесс эффективным и позволяет суду всесторонне и полно рассмотреть дело.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, состязательность сторон.

Становление института состязательности сторон в уголовном процессе России началось в XIX веке с принятием Устава уголовного судопроизводства в 1864 году. Закон наделял сторону обвинения и сторону защиты равными правами в судебном состязании (статья 630), а также обязывал суд предоставить возможность подготовки стороне, незнакомой с новым представленным доказательством процессуального оппонента (статья 734) [1].

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года в пункте 3 статьи 123 провозгласила состязательность и равноправие сторон как неотъемлемый принцип судопроизводства. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г. N19-П дано разъяснение: «Конституционный принцип состязательности предполагает такое построение судопроизводства, при котором функция правосудия (разрешения дела), осуществляемая только судом, отделена от функций спорящих перед судом сторон. При этом суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, а потому не может принимать на себя выполнение их процессуальных (целевых) функций» [2].

Наконец, конституционный принцип состязательности и равноправия сторон был закреплён в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 года (УПК РФ). Уголовно-процессуальный закон распространил действие принципа на стадию досудебного производства,

что на данный момент является итогом развития института состязательности в теории уголовного процесса в РФ.

Обращаясь к статье 15 УПК 2001 года «Состязательность сторон», можно выявить, что подразумевал законодатель под определением принципа состязательности и равноправия сторон.

Во-первых, это отделение друг от друга функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. Согласно пункту 2 статьи 15 УПК РФ, это значит, что осуществление каждой из перечисленных функций возлагается на различных субъектов уголовного судопроизводства. Реальное разделение функций сторон обеспечивается положениями главы 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» и главы 7 «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты» УПК РФ, где указаны процессуальные права и обязанности соответствующих сторон. Функция суда заключается в разрешении дела, то есть данный участник уголовного судопроизводства обязан выслушать стороны, исследовать все юридически значимые факты, проверить и оценить все представленные сторонами доказательства и в итоге вынести обоснованное и мотивированное решение по делу [3].

Ввиду особого положения и роли суда в уголовном судопроизводстве, необходимо отметить, что в самом процессе сторона обвинения и сторона защиты состязаются не друг с другом, а именно перед судом. Это чётко прослеживается через институт обжалования. Как было сказано выше, УПК РФ распространил действие принципа

состязательности в том числе и на стадию досудебного производства. Так, например, обжалование действий следователя во время производства следственных действий: статья 125 УПК РФ предусматривает возможность подачи жалобы на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, в суд.

Вопрос конституционности части второй статьи 15 УПК РФ был поднят в 2004 году в Постановлении Конституционного Суда РФ № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». Заявители указывали, что разделение функций освобождает государственные органы и их должностных лиц — прокурора, следователя, дознавателя — от выполнения конституционной обязанности, обозначенной в статье 2 Конституции РФ, по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина [4].

Конституционный Суд обратил внимание на то, что положения статьи 15 УПК РФ нужно толковать системно. Кодекс предусматривает определённый порядок уголовного судопроизводства, устанавливает его принципы и определяет назначение, в частности, при осуществлении уполномоченными лицами уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения от имени государства. Так, например, прокурор, следователь, дознаватель и иные должностные лица обязаны всеми имеющимися в их распоряжении средствами обеспечивать охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (статья 11 УПК РФ), обеспечивать подозреваемому и обвиняемому право на защиту (статья 16 УПК РФ), принимать решения в соответствии с требованиями законности, обоснованности и мотивированности (статья 7 УПК РФ), в силу которых обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения. Исключений, освобождающих указанных субъектов от выполнения названных и иных обязанностей, кодекс не содержит. Исходя из этого, можно сделать вывод, что положения части второй статьи 15 УПК РФ не противоречат Конституции Российской Федерации.

Помимо отделения друг от друга функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела состязательность сторон предполагает особую роль суда как участника уголовного судопроизводства. В пункте третьем статьи 15 УПК РФ делается акцент на то, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Функция суда заключается в создании необходимых условий для исполнения сторонами процессуальных обязанностей и для осуществления процессуальных прав, что предполагает обеспечение равного положения сторон.

Принцип состязательности и равноправия сторон нашёл отражение не только в общих положениях основной части уголовно-процессуального кодекса России:

если обратиться к перечню норм, содержащихся в главах, посвящённых досудебному и судебному производству, среди них найдутся те, которые касаются прав участников уголовного процесса и реализация которых была бы невозможна без наличия указанного принципа.

В статье 244 УПК РФ «Равенство сторон» идея принципа состязательности заключается в предоставлении одинаковых прав стороне защиты и обвинения на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, а также на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства.

Недостаточно только законодательно закрепить идею: она не должна носить декларативный характер. Например, положение, касающееся равноправия в предоставлении доказательств, не соответствует действительности и является фиктивным: правовая природа материалов, предоставляемых стороной защиты, не носит характер доказательств. В подтверждение данного тезиса обратим внимание на статью 74 «Доказательства» и статью 86 «Собирание доказательств» УПК РФ. В статье 74 УПК РФ содержится перечень субъектов, полученные сведения от которых признаются доказательствами по уголовному делу: «...суд, прокурор, следователь, дознаватель...» (стоит отметить, что с 06 июня 2007 г., прокурор не осуществляет процессуальных действий, направленных на собирание доказательств). Защитника в их числе нет. Теперь же обратимся к статье 86 УПК РФ. Пункт первый данной статьи дублирует субъектов доказывания, указанных в статье 74 УПК РФ, однако в пункте третьем говорится: «Защитник вправе собирать доказательства...». Отдельно стоит отметить, что закон регламентирует процесс собирания доказательств: путём производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом России. Можно сделать вывод, что, помимо надлежащего субъекта, необходима специальная процедура, а также регламентированная форма, чтобы собранные сведения (предметы, материалы) являлись доказательствами [5]. Согласно действующему законодательству, защитник не наделён правом производить указанные действия.

Помимо этого, статья 159 УПК РФ «Обязательность рассмотрения ходатайства» говорит о том, что следователь, дознаватель обязаны рассмотреть каждое заявленное по уголовному делу ходатайство защитника и иных лиц, а также обязаны приобщить к материалам уголовного дела доказательства, если обстоятельства, об установлении которых ходатайствуют указанные лица, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами. В данной статье законодатель использовал термин «доказательство», однако силу доказательства сведения, указанные в ходатайстве, приобретают только после процедуры приобщения.

На стадии же судебного производства имеет значение статья 286 УПК РФ «Приобщение к материалам уголовного дела документов, представленных суду»: «Документы,

представленные в судебное заседание сторонами или истребованные судом, могут быть на основании определения или постановления суда исследованы и приобщены к материалам уголовного дела». В комментируемой статье не говорится о том, что данные документы после приобщения к материалам уголовного дела приобретают силу доказательства (в отличие от стадии досудебного производства). Значит, на их основе суд не может устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, однако суд может принять к вниманию полученную информацию.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что статья 244 «Равенство сторон» УПК РФ частично носит декларативный характер, ввиду того что сторона защиты и обвинения в действительности не имеют равных полномочий по доказыванию в уголовном процессе.

Помимо статьи 244 УПК РФ, принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе, в частности на стадии досудебного производства, воплощается в статье 220 УПК РФ «Обвинительное заключение». Согласно пункту 5 и пункту 6 части 1 статьи 220 УПК РФ, в описательной части обвинительного заключения следо-

ватель должен отразить и кратко изложить содержание не только те доказательства, которые подтверждают обвинение, но и те, на которые ссылается сторона защиты. Также часть 4 указанной статьи регламентирует, что к обвинительному заключению прилагается список подлежащих вызову в судебное заседание лиц как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

В целях обеспечения состязательности в уголовном процессе с принятием настоящего кодекса изменился и порядок исследования доказательств — он определяется не судом, а стороной, его предоставляющей (статья 274 УПК РФ). Принцип состязательности присутствует и при допросе: стороне защиты и стороне обвинения (а также суду) предоставлена равная возможность участия в нём. (статья 275 УПК РФ).

Состязательность является гарантией обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на защиту, предусмотренного статьёй 16 УПК РФ. Помимо этого, состязательность предотвращает вмешательство суда в функцию обвинения или защиты.

Принцип состязательности сторон закреплён конституционно (статья 123 Конституции РФ), что говорит о его важной роли для любого судопроизводства.

Литература:

1. Устав уголовного судопроизводства 1864 года // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 08.01.2019).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.96 N19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Законодательная база Российской Федерации. URL: <https://zakonbase.ru/content/base/19604> (дата обращения: 08.01.2019).
3. Воскобитова Л. А. Уголовный процесс: учебник для бакалавров. — М.: Проспект, 2013. — 616 с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29062004-n/> (дата обращения: 09.01.2019).
5. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — 2-е изд. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. — 240 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок от 21.07.2014 N11-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // СПС Консультант Плюс.

Защита имущественных прав несовершеннолетних органами опеки и попечительства

Сухорукова Ксения Николаевна, студент магистратуры
Астраханский государственный университет

Статья посвящена особенностям и механизмам осуществления защиты имущественных прав несовершеннолетних органами опеки и попечительства.

Ключевые слова: несовершеннолетние, права несовершеннолетних, имущественные права, органы опеки и попечительства.

Защита прав несовершеннолетних осуществляется самим несовершеннолетним, его родителями, государственными органами, нотариусом, прокурором, судом.

Несмотря на многообразие действующих нормативно-правовых актов в сфере защиты прав данной категории граждан, на практике все еще встречается большое количество случаев нарушения прав несовершеннолетних, связанных с действиями их законных представителей, а также государственных органов.

Правовой статус несовершеннолетних в Российской Федерации — это правовое положение граждан, которые не достигли восемнадцатилетнего возраста, напрямую связанное с обществом и государством.

Гражданским кодексом Российской Федерации определены условия частичной дееспособности несовершеннолетних. Малолетние, которые не достигли шести лет, полностью недееспособны. Сделки от их имени могут совершать их родители, усыновители или же опекуны.

Малолетним в возрасте от шести до четырнадцати лет законом дозволяется совершать некоторые сделки самостоятельно. А в статье 26 ГК РФ определяются особенности дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, которые вправе совершать сделки с письменного согласия своих родителей, усыновителей или попечителя.

Следовательно, несовершеннолетние не обладают дееспособностью в полном объеме, они особенно нуждаются в защите своих прав со стороны родителей или законных представителей, органов опеки и попечительства и государства.

В настоящее время деятельность органов опеки и попечительства регулируется Семейным кодексом РФ, Гражданским кодексом РФ, а также Федеральным законом «Об опеке и попечительстве».

Закон закрепляет двойственную модель органов опеки и попечительства. То есть, с одной стороны, органы опеки и попечительства осуществляют защиту прав несовершеннолетних, а также контролируют исполнение своих полномочий законными представителями несовершеннолетних. С другой стороны, органы опеки и попечительства обеспечивают оказание подопечным соответствующих услуг в области реализации и защиты их прав.

Данными органами осуществляется контроль над исполнением своих обязанностей и полномочий законными представителями. Главным инструментом в механизме защиты имущественных прав несовершеннолетних граждан является выдача разрешений на совершение различных действий с имуществом, принадлежащим несовершеннолетним. Все сделки, связанные с имуществом несовершеннолетних, совершаются только после получения разрешений на такие сделки от органов опеки и попечительства.

Согласно ст. 21 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» предварительное разрешение органа опеки и попечительства необходимо в следующих случаях:

— совершение законными представителями сделок по сдаче имущества внаем, в аренду, в безвозмездное пользование или в залог»

— совершение сделок по отчуждению имущества несовершеннолетнего, а также по обмену или дарению;

— совершение любых сделок, влекущих за собой отказ от принадлежащих несовершеннолетнему прав, раздел его имущества или выдел из него долей;

— совершение сделок, влекущих за собой уменьшение стоимости имущества несовершеннолетних.

Без предварительного разрешения категорически не разрешается и не допускается совершение любых сделок, связанных с имуществом несовершеннолетних граждан.

Таким образом, законодательство предусматривает обязательное участие органов опеки и попечительства в осуществлении сделок с участием несовершеннолетних. Данная норма связана с ограниченной дееспособностью детей. В данном контексте органы опеки и попечительства определяют законность таких сделок и допустимость их совершения.

В дальнейшем нотариус совершает нотариальные действия на основании разрешения от органов опеки.

Подводя итог, можно сказать, что органы опеки и попечительства играют важную роль в обеспечении прав несовершеннолетних граждан и являются основным элементом комплексного правового механизма защиты их имущественных прав.

Литература:

1. Гражданский кодекс (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 03.08.2018 г.) // Российская газета, N238—239, 08.12.1994.
2. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 30.10.2018 г.) // Российская газета, № 297, 31.12.2006.
3. Федеральный закон от 24.04.2008 N48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (ред. от 03.08.2018) // Российская газета, N94, 30.04.2008.

Понятие и сущность коррупции в России

Титкова Евгения Алексеевна, студент
Челябинский государственный университет

В статье рассмотрено понятие и сущность коррупции в России. В статье предлагается закрепить на законодательном уровне не только понятие коррупции, но и действия, которые следует относить к коррупционным, которые следует перечислить в отдельном пункте статьи, при этом, их перечень не должен быть исчерпывающим.

Ключевые слова: коррупция, злоупотребление должностными полномочиями, ответственность за коррупцию, коррупционные действия.

В научных трудах, посвященных проблемам коррупции, одним из дискуссионных вопросов является понятие коррупции. Множественность мнений по вопросу определения понятия коррупции связана с широкой дифференциацией проявлений коррупции в современном мире.

По мнению сторонников узкой трактовки коррупция представляет собой подкуп — продажность представителей власти [5, с. 21].

Сторонники широкого понимания считают, что коррупция — это всякое корыстное поведение должностного лица: использование в корыстных целях чиновниками своего служебного положения [1, с. 30], вопреки интересам службы из личной заинтересованности [3, с. 26], а также в целях незаконного получения определенных благ (имущество, право на имущество, услуги, льготы, в том числе и неимущественного характера) или предоставление данных преимуществ [9, с. 10].

Использования должностным лицом своих полномочий и прав в целях получения личной выгоды, в противоречие установленным правилам является общепринятым пониманием коррупции [1, с. 106]. Однако, отметим, что согласно данному подходу невозможно сформировать системную основу противодействия коррупции, поскольку невозможно четко определить критерии коррупционных проявлений.

По мнению В. М. Корякина, отсутствие единого нормативного определения коррупции и связанных с ней понятий представляет собой одно из основных препятствий для создания эффективного механизма борьбы с данным негативным явлением [5, с. 13].

Законодательное понятие коррупции содержится в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — ФЗ «О противодействии коррупции»), где под коррупцией понимается:

1) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих

лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

2) совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [12].

Отметим, что в литературе содержательная сторона законодательного определения подверглась критике. Так, по мнению Л. М. Прокументова законодатель к числу проявлений коррупции без достаточных оснований относит коммерческий подкуп и злоупотребление полномочиями, объект посягательства которых — это интересы службы в коммерческих и иных организациях, а также дачу взятки, поскольку субъектом преступления может быть любое физическое лицо [10, с. 159].

По мнению некоторых авторов, законодатель ушел от абстрактного понятия коррупции, характеризующего как явление и отражающего в себе его сущность и содержание, а постарался дать максимально исчерпывающий перечень конкретных действий, являющихся коррупцией [11, с. 9]. Кроме того, законодатель ограничивает данное определение, указывая, что коррупционные действия могут осуществляться также в целях получения нематериальных благ.

Некоторые авторы считают, что неверно понимать коррупцию лишь как совершение преступлений коррупционной направленности [2, с. 6]. Так, например, А. В. Кудашкин под коррупцией понимает: подкуп, получение или дачу взятки, иные преступления коррупционной направленности; любое незаконное использование лицом своего публичного статуса, сопряженное с получением как для себя, так и для аффилированных лиц (в частности, своих родственников) выгоды материального характера (имущества, услуг или льгот), а также иной (нематериальной) выгоды вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу [6]. Таким образом, по мнению автора, все перечисленные формы коррупционных проявлений являются коррупционными правонарушениями.

А. В. Куракин считает, что коррупция включает в себя различные противоправные деяния, такие как, принятие государственным служащим лично или через посредников имущественных благ; совершение должностных злоупотреблений с использованием своего статуса, а также

подкуп со стороны физических или юридических лиц государственного служащего [7, с. 9].

Согласно позиции В.К. Максимова, коррупция — это девиантное поведение должностных лиц, выражающееся в нелегитимном использовании, вопреки интересам общества, государства и других лиц, имеющихся у них полномочий, вытекающих из них возможностей, а также иных общественных ресурсов, доступ к которым они имеют в связи со своим статусом или фактическим положением, для извлечения выгоды в личных, узкогрупповых или корпоративных целях [8, с. 10].

Итак, анализ различных точек зрения обобщающим выводом является определение коррупции как одной из форм отношений, где одной стороной непременно является представитель власти, другой — субъект, который заинтересован в противоправном получении неких услуг (благ и т.д.).

По нашему мнению, недостатком легального определения коррупции является то, что под коррупцией законодатель понимает набор отдельных случаев коррупционного поведения, в частности, любое злоупотребление служебным положением, всякое получение взятки или дача взятки являются коррупцией. Вместе с тем, не всякое взяточничество следует рассматривать как коррупционное деяние. Например, дача взятки в связи с ее вымогательством является безусловным основанием для освобождения взяткодателя от уголовной ответственности (примечание к ст. 291 УК РФ). Таким образом, не все случаи дачи взятки следует считать коррупцией. А также, не каждое получение взятки — это коррупция.

Полагаем, что прежде чем определить понятие коррупции, следует определить понятие коррупционного действия. Отметим, что в научных трудах определение указанного понятия отсутствует. Анализ представленных в литературе определений показывает, что коррупционное действие представляет собой:

1) умышленное действие или бездействие должностного лица, которое связано со сферой деятельности, в которой он исполняет свои обязанности и направлено на

незаконное получение имущественных или неимущественных благ для себя как лично или через посредников, так и для третьих лиц (коррупционное действие должностного лица);

2) предоставление субъектом (лицом, в чьих интересах осуществляется коррупционная «услуга») должностному лицу, его родственникам, указанным ими третьим лицам имущественных или неимущественных благ для реализации определенных целей субъекта, достижение которых затруднительно или невозможно предусмотренными законом способами (коррупционное действие со стороны субъекта, получающего «услугу»).

Однако, следует учитывать, что в конкретном коррупционном проявлении может быть:

— только коррупционное действие должностного лица (когда должностное лицо является исполнителем, а получателем благ — оно же само, его доверенные лица — родственники, третьи лица, им определенные, т.е. когда действует в сугубо в своих интересах);

— в совокупности с коррупционным действием иного субъекта, получающего «услугу» (когда должностное лицо действует в чужих целях (интересах) за вознаграждение).

Итак, предлагаем следующее определение коррупции — это негативное, противоправное, социально-правовое явление, которое выражается в умышленном действии или бездействии должностного лица в личных целях или в целях заинтересованных лиц, с использованием возможностей, обеспечиваемых служебным положением, направленное на незаконное получение имущественных и неимущественных благ должностным лицом лично или через посредников либо третьими лицами.

Полагаем целесообразным закрепить на законодательном уровне не только понятие коррупции, но и действия, которые следует относить к коррупционным, которые следует перечислить в отдельном пункте статьи, при этом, их перечень не должен быть исчерпывающим. Также в целях квалификации коррупционных деяний следует закрепить и их признаки.

Литература:

1. Борзенков Г. Н. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник МГУ. Сер. 11. 1993. № 1. С. 30.
2. Закомолдин Р. В. Коррупция в сфере военной службы: состояние и структура // Военно-юридический журнал. 2013. N8. С. 2–6.
3. Комиссаров В. С. Уголовно-правовые аспекты борьбы с коррупцией // Вестник МГУ. Сер. 11. 1993. № 1. С. 26;
4. Корякин В. М. Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия: Монография. М.: За права военнослужащих, 2009. С. 13.
5. Кузнецова Н. Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник МГУ. Сер. 11. 1993. № 1. С. 21.
6. Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: научно-практическое пособие. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 368 с. // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17072#0>
7. Куракин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации: автореф. дисс... д.ю.н. Люберцы, 2008. С. 9.
8. Максимов В. К. Понятие коррупции (криминологический аспект) и меры ее предупреждения в государственном аппарате: дисс... к.ю.н. М., 2005. С. 9.
9. Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2008. С. 10.

10. Прокументов Л. М. К понятию «коррупция» в российском уголовном законодательстве // Современное состояние и проблемы развития российского законодательства: материалы регион. науч.—практич. конф. / отв. ред. И. Ю. Остапович. Горно-Алтайск, 2010. С. 159, 160.
11. Шокот И. Ю. К вопросу о понятии коррупции, ее сущности и признаках // Военно-юридический журнал. 2015. №7. С. 9.
12. Федеральный закон от 25.12.2008 N273-ФЗ (ред. от 03.04.2017) «О противодействии коррупции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2017)// Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. N52 (ч. 1). ст. 6228.

История развития коррупции в России

Титкова Евгения Алексеевна, студент
Челябинский государственный университет

В статье рассмотрена история развития коррупции в России. В статье проанализирована история развития норм об ответственности за коррупцию начиная с 9–10 века и до настоящего времени.

Ключевые слова: коррупция, злоупотребление должностными полномочиями, ответственность за коррупцию.

В научной литературе справедливо указывается то, что корни коррупции в России необходимо искать в ее древней и средневековой истории. Корыстные злоупотребления по службе возникли с появлением управляющих (вождей, князей, судей и т.д.) [7, с. 157].

Появление коррупции на Руси относится к IX–X вв. В данный период возникает такое понятие, как «кормление», в частности, государственные служащие того времени (наместники, посадники, воеводы и т.д.) не получали жалование от центральной власти, а содержались за счет населения, что, естественно, приводило к чудовищным взяткам и иным злоупотреблениям.

При этом, в Русской Правде уже были установлены определенные нормы повинности должностных лиц, а также список таких лиц, и это уже свидетельствует о том, что государство начинает предпринимать попытки борьбы со злоупотреблениями [10, с. 246].

В 1555 году система кормлений была официально отменена, на практике она в той или иной форме и продолжала существовать вплоть до XVIII века [5, с. 12].

Так, первое законодательное ограничение коррупционных действий было введено при Иване III, путем установления запрета судьям брать «посулы» (взятки), а тех, кого уличали в этом, жестоко наказывали. А Иван Грозный в 1561 году ввел Судную грамоту, которая устанавливала санкции в виде смертной казни за получение взятки судебными чиновниками местного земского управления [8, с. 89].

Следует отметить, что коррупция как характерная черта российской власти, окончательно укрепила свои позиции в XVII–XVIII веках, когда бюрократия и волокита придали взяточничеству столь мощный импульс, без которого было немыслимо ни одно действие должностного лица [2, с. 46]. Именно в данный период была выявлена первая и основная причина мздоимства (взяточничества), а именно низкое жалование чиновников. Вместе с тем

предпринятые в то время попытки, разрешить данную проблему, так и остались не реализованными.

Между тем, уголовное право XVII века все же сделало заметный шаг в борьбе с коррупцией, в частности, уголовное законодательство приобретает более карательный характер, что было отражено в Уложении 1649 года. Впервые в Уложении дана определенная классификация преступлений — выделены специальные подгруппы преступлений — государственные (политические) и против порядка управления (XXI и XXII главы Уложения) [4, с. 57].

Одним из первых, кто был удивлен масштабами коррупции в системе государственного управления, был Петр Первый. Так, Петр I принял «Табель о рангах», которым ввел совершенно иную систему градации государственных служащих, а установленная твердая сумма денежного вознаграждения за службу должна была искоренить взяточничество.

Своими Указами «О воспреещении взяток и посулов» Петр ввел репрессивные меры для замеченных в совершении указанных действий, вплоть до смертной казни. Именно в период царствования Петра I впервые было представлено, что коррупция является ужасным злом для государства, подрывает бюджет страны и разлагает общество. Петр решил ужесточить меры наказания и ввел смертную казнь за взяточничество [3, с.397].

Учитывая распространенность взяточничества как наиболее опасной формы корыстного злоупотребления по службе, указом от 23 августа 1713 г. Петр I ввел, наряду с получением взятки, уголовную ответственность за дачу взятки. Но, ни новая система государственного аппарата, ни принятие специальных законов не привели к желаемому результату [6, с. 183].

После смерти Петра I, низшие чины, вернулись к прежнему принципу о «непредусмотренных расходах» и фактически узаконили взятку. Только в период правления Екатерины II, чиновники всех уровней стали по-

лучать фиксированное денежное жалование, и соответственно все остальные доходы подпадали под категорию взятки. Это был еще один, пусть и не большой шаг, направленный на борьбу с взятками.

В дальнейшем в период расцвета Российского государства с XVII по XIX века произошло развитие тотальной коррупции, которая стала одной из причин революции 1917 года, когда Российская Империя, существовавшая на протяжении веков, практически была уничтожена. Однако существовавшая разрешительная система и невозможность государственного аппарата управлять страной, всего лишь видоизменила коррупцию, расширив и дополнив ее новыми видами (составами).

Экономические тенденции после революционного времени, связанные с уходом из сферы производства в область распределения и перераспределения, в период правления Советской власти, всего лишь усилили бюрократический аппарат. В результате этого в период правления И. В. Сталина образуется совершенно новый социальный слой — номенклатура. По мнению исследователей, модель сталинского квазисоциализма внешне казалась наименее коррумпированной [2, с. 46].

Приход к власти Л. И. Брежнева поднимает номенклатуру до такого уровня, что она практически выходит из — под контроля, в связи с чем, происходит активное сращивание преступного мира с властью (номенклатурой) в целях использования власти в своих целях.

В качестве причин коррупции выделялись недостатки в работе партийных, профсоюзных и государственных органов, в первую очередь в области воспитания трудящихся, но никак не недостатки в самой системе органов государственной власти [9].

Распад СССР и становление новой российской государственности происходило в экстремальных условиях гиперинфляции, безработицы и приватизации. Происходила криминализация общества на фоне бездействия правоохранительных органов и ожесточенной борьбы за власть.

Именно в это время формируются следующие тенденции роста коррупции:

1) происходит приватизация собственности, в результате которой ее владельцами становится или номенклатура, или те, кто имел с ними связи;

2) в процесс приватизации были включены представители криминального мира, которые были связаны с представителями номенклатуры, многие из них затем сумели легализовать свой бизнес и криминальные нравы;

3) произошел возврат к временам «кормлений». В условиях невыплаты зарплат люди разных стали использовать свою работу для получения дополнительных доходов;

4) рост бюрократического аппарата, костяк которого составила прежняя номенклатура;

5) в обществе формируется правовой нигилизм [1, с. 5].

Итак, проведенный исторический анализ показал, что на протяжении всего времени, с момента зарождения Российское государство развивалось и существовало одновременно с коррупцией. Коррупция является наиболее распространенным явлением в период проведения масштабных государственных реформ.

Положение с коррупцией в России в настоящее время во многом обусловлено давно наметившимися тенденциями и переходным этапом, который сопровождался ростом коррупции.

Из числа наиболее важных факторов, помимо дисфункций государственной машины и некоторых исторических традиций, следует отметить:

1) стремительный переход к новой экономической системе, неподкрепленной правовой базой и правовой культурой;

2) отсутствие в советские времена нормальной правовой системы и соответствующих культурных традиций;

3) распад не только партийной системы контроля, но и всей системы контролирующих органов;

4) значительное ослабление контроля государства за соблюдением принимаемых нормативных актов.

Литература:

1. Гойман В. И. Правовой нигилизм: пути его преодоления. // Советская юстиция. 1990. № 9. С. 4—5.
2. Григорьева Т. В. Коррупция в России: История и современность. // Экономика. 2009. № 1. С. 46—50.
3. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 446 с. С. 441—446; Каздым, А. А. История коррупции // Следователь. 2014. № 10. С. 39.
4. Маньков А. Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. СПб.: Печатное дело, 2012. 218 с.
5. Меньшенина, Н. Н. Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие: М., Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 12.
6. Мизерий А. И. История борьбы с коррупцией в России. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Право». 2002. № 1. С. 183.
7. Пономарев Е. Г. Коррупция в России: истоки и условия преодоления. // Общество и право. 2012. № 4. С. 174.
8. Российское законодательство X—XX веков. / Под общ. ред. А. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. 201 с.
9. Сатаров Г. А. и др. Россия и коррупция: кто кого? // Российская газета. 1998. 19 февраля.
10. Якушев В. А. Правовое регулирование системы кормления в древнерусском государстве и на Руси в удельный период // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: ООО «Центр научного сотрудничества» «Интерактив плюс». № 2 (4). 2015. С. 246—248.

Проблемные вопросы полного и правильного исполнения судебных актов в рамках исполнительного производства и методы их решения

Третьякова Кристина Евгеньевна, специалист-эксперт
УМВД России по Тюменской области

Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 312 была утверждена государственная программа Российской Федерации «Юстиция» (далее — программа «Юстиция»).

Одной из запланированных к решению до 2020 года задач программы является повышение уровня исполнения юрисдикционных актов, включая модернизацию системы принудительного исполнения, а также обеспечение установленного порядка деятельности судов [1].

Одним из общих показателей программы является процент окончанных фактическим исполнением исполнительных производств.

Данный показатель рассчитывается как отношение исполнительных производств, окончанных фактическим исполнением, от общего количества находящихся на исполнении в отчетном периоде исполнительных производств.

Большой степенью проблемные вопросы полного и правильного исполнения судебных актов по взысканию денежных средств продиктованы недостаточной проработанностью законодательного механизма по защите прав субъектов исполнительного права. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», содержит специальную главу 17, в которой впервые делается попытка разрешить вопросы, связанные с защитой прав взыскателя, должника и других лиц при совершении исполнительных действий [2]. Наличие в Законе специальной главы законодатель подчеркивает особую важность защиты конституционных прав граждан и юридических лиц в исполнительном производстве. Однако вышеупомянутая глава содержит лишь четыре статьи, которые имеют общий, декларативный характер и не регулируют всего комплекса возникающих здесь проблем. [3]

Принудительное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц в порядке, возлагается на Федеральную службу судебных приставов и ее территориальные органы (п. 1 ст. 5 Федерального закона от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее по тексту — Закон № 229-ФЗ).

Наряду с гражданским процессом, где ответчик и истец имеют достаточно обширный объем закрепленных прав и обязанностей, стороны исполнительного производства так же могут использовать различные инструменты для защиты своих интересов.

Нередко взыскатель, решив, что его конституционные права нарушаются, может воспользоваться одним из способов восстановления нарушенного права и обратиться с заявлением в орган, осуществляющий надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполне-

нием законов, действующих на территории Российской Федерации — Прокуратуру Российской Федерации.

Однако применение актов прокурорского реагирования, которые будут применены в рамках гражданского процесса, будет означать вмешательство в охраняемое Конституцией РФ «независимое» судебное разбирательство. [4]

Вместе с тем, при уклонении должника от добровольного исполнения требований исполнительного документа, только совершение всех предусмотренных законодательством об исполнительном производстве исполнительных действий и применении мер принудительного исполнения может способствовать завершению гражданского процесса. [5]

При ведении судебным приставом — исполнителем исполнительного производства, часто возникает ситуация, когда у должника недостаточно или отсутствует имущество, на которое возможно обратить взыскание, либо отсутствует иная, реальная возможность исполнить решение суда, т.е. не происходит фактическое неисполнение решения суда и как следствие, нарушение права взыскателя на получение причитающегося ему по исполнительному документу. [6]

Чтобы избежать наступления неблагоприятных последствий в виде «неликвидности» должника, взыскатель на любой стадии гражданского процесса, начиная с момента подачи иска и заканчивая последним заседанием, может заявить о принятии обеспечительных мер. Решение суда о принятии таких мер, будет зависеть от аргументов, предоставленных заявителем. Однако такая мера не должна нарушать права другой стороны — должника, поскольку принципы исполнительного производства предполагают соблюдение баланса интересов сторон в исполнительном производстве, что так же является отсылкой к такому принципу гражданского судопроизводства как состязательность.

Судебными приставами — исполнителями применяется широкий круг мер, направленных на повышение эффективности исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, где оптимизация данной работы невозможна без решения проблем, возникающих в процессе такого исполнения. [7]

Очевидно, что оптимальным вариантом должно быть добровольное исполнение требований исполнительного документа должником. Однако на практике, доля фактического окончания исполнительных производств не велика. Так, фактическое значение показателя ФССП России за 2017 год составляет 56,8%, при том, что общая сумма, подлежащая взысканию по исполнительным про-

изводствам, возбужденным в отчетном периоде, по сравнению с 2016 годом возросла в целом по России с 4,76 до 4,87 трлн руб. (на 118,5 млрд руб. или 2,5%), а на территории Тюменской области общая сумма возросла по сравнению с 2016 годом с 32 до 38 млрд руб. (на 18%) [8].

Столь низкий процент фактического исполнения при ежегодно повышающихся суммах денежных средств, подлежащих взысканию, свидетельствует о неэффективности мер, применяемых судебными приставами-исполнителями.

Система норм исполнительного производства должна предусматривать наступление таких неблагоприятных условий к должнику, при котором обеспечивался бы необходимый результат, указанный в исполнительном документе, удовлетворяющий требования кредитора. Для достижения необходимого эффекта необходимо одновременное осуществление уголовной и административной ответственности должников при исполнении судебных актов, актов других органов и должностных лиц.

В данном случае, административная ответственность должна наступать при невыполнении любых требований, которые указаны в исполнительном документе, независимо от их характера. Уголовная ответственность же наступает лишь в случаях злого уклонения от уплаты кредиторской задолженности, которая составляет сумму, превышающую 2 млн 250 тыс. рублей [9], а также алиментных обязательств. Именно эта норма дает понять должнику способность быть безнаказанным при неисполнении исполнительного документа в неуказанных условиях. Однако при административной ответственности возникает коллизия. При невозможности взыскать основной долг с должника, зачастую это сопутствует накоплению исполнительных производств, что естественно играет неблагоприятную роль для интенсивности исполнения требований исполнительных документов. [10]

Недостаточное финансирование является проблемным аспектом в любой отрасли, так как взыскание, возложенное на Федеральную службу судебных приставов России, осуществляется за счет бюджета, то и расходы соответственно возложены на федеральный бюджет.

Нередки случаи, когда стороны исполнительного производства могут злоупотреблять правом, когда на имущество не может быть обращено взыскание. Так, в соответствии с ч. 1 п. 1–2 ст. 446 ГПК РФ таким имуществом, например, признается жилое помещение, либо земельный участок, являющийся единственным пригодным для постоянного проживания помещением.

В процессе исполнения судебных решений часто встречаются случаи нарушения законодательства, судебные приставы — исполнители не признают незаконность своих действий, а жалобы, подаваемые в порядке подчиненности, не всегда являются результативными. Единственным способом защиты нарушенных прав и интересов сторон в исполнительном производстве является суд с жалобой на действие (бездействие) судебного пристава. Оспаривание постановлений, действий (бездей-

ствий) судебных приставов и иных лиц службы судебных приставов осуществляются в порядке главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. [11]

Еще одной проблемой эффективности исполнения судебных решений является утрата исполнительного документа. До получения дубликата может пройти несколько месяцев, что соответственно может являться играющей ролью в отчуждении имущества должником.

Также прокурор имеет право оспорить постановление, действия (бездействие) судебного пристава-исполнителя и иных должностных лиц Федеральной службы судебных приставов России в судебном порядке, в случаях, которые предусмотрены законом (часть 1 статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, часть 1 статьи 39 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, часть 1 статьи 52 и часть 2 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). [12]

Такая норма устанавливается в пункте 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства». [13] Однако закон не устанавливает действенный механизм реализации полномочий как властного надзирающего органа. [14]

Д. В. Чухвичев справедливо указывает, что основополагающей формой защиты прав и законных интересов субъектов в ходе исполнительного производства является правосознание, которое осуществляется в основном в судебном порядке. Однако суд не является универсальным средством защиты прав участников исполнительного производства. Суд вообще редко сам участвует в исполнительном производстве [15].

К сожалению, сегодня закон не указывает нам такого способа регулирования отношений, в котором бы наилучшим способом защищались права субъектов, и прежде всего взыскателей.

Положения, закрепленные в ст. 113 Федерального закона «Об исполнительном производстве», содержатся не в специальной главе 17, а в главе 15 Закона и регламентируют порядок привлечения организации-должника к ответственности за неисполнение исполнительного документа. Безусловно, вышеуказанная норма направлена на защиту прав взыскателя в исполнительном производстве. Но, по сути, данная статья является отсылочной к ст. 17.14 КоАП РФ (нарушение законодательства об исполнительном производстве). При обнаружении данного правонарушения судебный пристав-исполнитель должен составить протокол об административном правонарушении. Копию протокола он вручает должнику, а подлинник вместе с заявлением направляет в арбитражный суд по месту нахождения банка для привлечения последнего к административной ответственности. За неисполнение судебных актов организации могут нести как административную, так и гражданско-правовую ответственность. [16]

Административная ответственность за данные правонарушения предусмотрена в виде штрафа и взыскивается в доход бюджета. [17]

Проблемные вопросы ведения исполнительного производства по делам о возмещении ущерба и пути их решения хотелось бы рассмотреть на практическом примере УМВД России по Тюменской области (далее — УМВД).

По состоянию на 4 квартал 2018 года общая сумма, подлежащая взысканию по действующим исполнительным производствам, взыскателем по которым является УМВД, составляет 35 772 852, 80 руб., при этом, за период с 01.01.2014 по 01.10.2018 по указанным исполнительным производствам взыскано всего 1 566 256,85 руб. Процент взыскиваемости составляет 4,4%.

За указанный период также возбуждено и в полном объеме исполнено 22 исполнительных производства на сумму 19 263 342, 56 руб.

Общая сумма, подлежащая взысканию по действующим исполнительным производствам, взыскателем по которым являются подчиненные органы внутренних дел (далее — ОВД) и Федеральные казенные учреждения (далее — ФКУ) системы УМВД, составляет 4 445 030, 55 руб., из которых взыскано лишь 418 627,96 руб. Процент взыскиваемости составил 9,4%. [18]

Наряду с объективными причинами невозможности взыскания денежных средств в пользу УМВД и подчиненных ОВД (ликвидация юридического лица, отсутствие у должника имущества, на которое может быть наложено взыскание и т.д.), имеют место факты ненадлежащего ведения исполнительного производства, непринятие всех предусмотренных Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» мер со стороны территориальных органов УФССП.

На практике УМВД чаще всего приходится реализовывать свое право на полное и правильное исполнение исполнительных документов посредством направления в службу судебных приставов обращений об информировании взыскателя о принятых судебными приставами-исполнителями мерах по взысканию денежных средств. Зачастую такие обращения приходится писать неоднократно.

Из общего числа рассмотренных исполнительных производств, в отношении 11 вынесены постановления об окончании исполнительных производств и возвращении исполнительных листов взыскателю. Вместе с тем, данные документы в адрес взыскателя не поступили, в то время как имеются все основания для повторного предъявления исполнительных листов в целях объявления розыска должника, либо его имущества, в соответствии с положениями ст. 65 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». [19]

По ряду производств имеются объекты движимого и недвижимого имущества, на которые может быть наложен арест в соответствии со ст. 80 Закона 229-ФЗ и приняты обеспечительные меры, в соответствии с положениями ст.ст.139,140 ГПК РФ. [20]

Также у ряда должников на банковских счетах имеются остатки денежных средств, позволяющие осуществить частичное либо полное взыскание. В то же время судебными приставами-исполнителями не осуществлены действия по обращению взыскания на денежные средства должника (п. 1 ч. 3 ст. 68 Закона № 229-ФЗ).

В соответствии с ч. 12 ст. 30 Закона № 229-ФЗ, срок для добровольного исполнения составляет пять дней со дня получения должником постановления о возбуждении исполнительного производства, если иное не установлено законом. [21]

В части 11 ст. 30 закона № 229-ФЗ указано, что в случае, если исполнительный документ впервые поступил в службу судебных приставов, то судебный пристав-исполнитель в постановлении о возбуждении исполнительного производства устанавливает срок для добровольного исполнения должником содержащихся в исполнительном документе требований и предупреждает должника о принудительном исполнении указанных требований по истечении срока для добровольного исполнения с взысканием с него исполнительского сбора и расходов по совершению исполнительных действий, предусмотренных статьями 112 и 116 настоящего Федерального закона. [22]

Частью 14.1. ст. 30 предусмотрено, что судебный пристав-исполнитель в постановлении о возбуждении исполнительного производства обязывает должника предоставить документы, подтверждающие наличие у должника принадлежащих ему имущества, доходов, на которые не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, в том числе денежных средств, находящихся на счетах, во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, а также имущества, которое является предметом залога. [23]

Вместе с тем, сведения, полученные и обобщенные в результате сверочных мероприятий УМВД с УФССП указывают на то, что по всем имеющимся исполнительным производствам денежные средства не взысканы, меры принудительного исполнения применяются с необоснованно длительными временными перерывами (если отталкиваться от даты возбуждения исполнительного производства), либо не вообще не применяются, после вынесения постановлений об окончании исполнительных производств, исполнительные документы не возвращаются в адрес взыскателя.

В целях минимизации обозначенных проблем, а также повышения результативности процесса исполнения судебных актов по взысканию денежных средств в пользу УМВД, сотрудникам аппарата, территориальных ОВД и ФКУ системы УМВД, ответственных за обеспечение исполнительных производств, необходимо организовать:

— своевременное получение исполнительных листов по вступившим в законную силу судебным актам по взысканию денежных средств в пользу УМВД и подачу в УФССП заявлений о возбуждении ИП, в соответствии со ст.ст.21, 30, ч. 1, 2 ст. 33 Закона № 229-ФЗ;

– подготовку и направление в УФССП заявлений об информировании о принятых СПИ мерах по взысканию денежных средств;

– регулярное направление в УФССП заявлений и ходатайств (о принятии мер по обеспечению правильного исполнения исполнительных документов, об исполнительном розыске должника, либо его имущества, о направлении в адрес взыскателя постановлений об окончании ИП вместе с исполнительным документом), в соответствии со ст. 64.1 Закона № 229-ФЗ,

– в случае необходимости, направление жалоб на бездействие СПИ руководителю УФССП, либо в суд в соответствии со ст. ст. 121, 124 Закона № 229-ФЗ;

– ежеквартальное проведение сверки хода исполнения по имеющимся исполнительным производствам с УФССП и финансово-экономическими отделениями системы УМВД.

Перечень оснований, по которым возможно или должно окончиться исполнительное производство, является исчерпывающим. В этой связи выделяются три приоритетных направления:

– окончание в связи с фактическим исполнением исполнительного документа (п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 47 Закона № 229-ФЗ);

– возвращение исполнительного документа в соответствии со ст. 46, п.п. 3, 4 ч. 1 ст. 47 Закона № 229-ФЗ;

– окончание исполнительного производства по основаниям, предусмотренным п.п. 6–9 ч. 1 ст. 47 Закона № 229-ФЗ.

В случае наличия оснований, предусмотренных п.п. 1, 2, 8 и 9 ч. 1 ст. 47 Закона № 229-ФЗ, подлинник исполнительного документа остается в окончанном исполнительном производстве, так как право взыскателя на повторное предъявление такого исполнительного производства утрачено. В остальных случаях в окончанном исполнительном производстве остается копия исполнительного документа.

Соответственно, сотрудникам ответственным за обеспечение исполнительных производств, необходимо обеспечить подготовку и направление в УФССП обращений о направлении в адрес взыскателя постановлений об окончании ИП и исполнительных листов, производство по которым окончено по основаниям, предусматривающим повторное предъявление исполнительного листа к исполнению.

Вместе с тем, на данном этапе времени эффективность проводимых УМВД мероприятий крайне низка, поскольку, из ответных писем службы судебных приставов как правило, следует что исполнительные производства

находятся на исполнении. Однако денежные средства на депозитный счет взыскателя не поступают, конкретных мер по взысканию не принимается, и дебиторская задолженность УМВД так и остается непогашенной.

В то же время, службе судебных приставов даны обширные полномочия по приятию мер к взысканию [24]. К примеру, ч. 9 ст. 69 Закона 229-ФЗ предусматривает, что у налоговых органов, банков и иных кредитных организаций могут быть запрошены сведения:

1) о наименовании и местонахождении банков и иных кредитных организаций, в которых открыты счета должника;

2) о номерах расчетных счетов, количестве и движении денежных средств в рублях и иностранной валюте;

3) об иных ценностях должника, находящихся на хранении в банках и иных кредитных организациях.

В большинстве рассматриваемых случаев, информация о принятых мерах по данному направлению из службы судебных приставов в УМВД не поступает, либо, как указывалось выше, имеются сведения о наличии денежных средств на счетах, но взыскания не производятся. Указанные факты дают основания полагать, что данный вопрос судебными приставами-исполнителями прорабатывается не в должной мере.

При этом, длительное неисполнение судебных актов о взыскании денежных средств в пользу УМВД России по Тюменской области наносит урон бюджету Российской Федерации.

Учитывая, что согласно Типовому положению о территориальном органе МВД России по субъекту Российской Федерации, утверждённому указом Президента Российской Федерации от 21.12.2016 № 699 [25], Положению об УМВД России по Тюменской области, утверждённому приказом МВД России от 28.07.2017 № 547 [26], УМВД России по Тюменской области является территориальным органом МВД России на региональном уровне, государственным учреждением, следует проработать вопрос возможности предоставления налоговыми органами, банками и кредитными организациями сведений, перечисленных в ч. 9 ст. 69 Закона № 229-ФЗ непосредственно взыскателю, в целях предъявления исполнительных документов непосредственно в банк, либо кредитную организацию.

В отношении должников-физических лиц, целесообразно запрашивать в налоговом органе сведения о месте работы и сумме доходов в целях дальнейшего предъявления исполнительных листов непосредственно по месту работы должника.

Литература:

1. Подпрограмма № 4 «Повышение качества принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц и обеспечения установленного порядка деятельности судов» (СПС КонсультантПлюс).
2. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 03.08.2018).
3. Незнамов А.В. Судебный запрет в гражданском процессуальном праве: сравнительно-правовой аспект: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 24–25.

4. Гуреев В. А. Меры административно-исполнительной деятельности ФССП России: формирование системного подхода // Административное право и процесс. 2014. №6. С. 19–25.
5. Административное судопроизводство: Учебник для студентов высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / Под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2016. С. 42–43 (автор главы — В. В. Ярков).
6. Настольная книга судебного пристава-исполнителя: Учебно-практическое пособие / Под ред. В. А. Гуреева. М.: Статут, 2011. С. 583.
7. Настольная книга судебного пристава-исполнителя: Учебно-практическое пособие / Под ред. В. А. Гуреева, С. В. Сазанова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2013. С. 494–495.
8. URL: <http://fssprus.ru/> (дата обращения: 05.09.2018).
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018).
10. Как исполнить решение суда? Пособие для взыскателя / Рук. авт. кол. И. В. Решетникова. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 243.
11. Исполнительное производство: Учебник / Под ред. И. В. Решетниковой. М.: Юстиция, 2007.
12. Богданова Т. В. Защита прав и интересов несовершеннолетних в исполнительном производстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 3.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (Бюллетень Верховного Суда РФ, № 1, январь, 2016).
14. Парфенчиков О. А. Принудительное исполнение судебных и иных актов в Российской Федерации. Перспективы развития // Принудительное исполнение актов судов и иных органов. Полномочия должностных лиц при осуществлении исполнительных действий: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, 6–8 июля 2010 г., г. Санкт-Петербург / Отв. ред. А. О. Парфенчиков, Н. М. Кропачев и Д. Х. Валеев. М., 2013. С. 7–16.
15. Чухвичев Д. В. Исполнительное производство. М.: Закон и право, 2008. С. 269.
16. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М. К. Треушников. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 203 (автор главы — Н. С. Бочарова).
17. Невский И. А. Исполнимость постановлений судов общей юрисдикции и арбитражных судов в контексте задач гражданского судопроизводства: Дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 56.
18. Протокол совместного рабочего совещания УМВД России по Тюменской области с руководителями структурных подразделений УФССП России по Тюменской области от 24.10.2018 № 1
19. Исполнительное производство: Учебник / Под ред. И. В. Решетниковой. М.: Юстиция, 2007.
20. Гурьянов Н. Ю. Погашение кредиторской задолженности: вопросы квалификации преступления // Судебный пристав Приволжья: Учебно-методический бюллетень. 2011. №1 (9). С. 7–9.
21. Часть 12 ст. 30 Закона об исполнительном производстве.
22. Князьков М. А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ): проблемы законодательной регламентации и правоприменения: Дис... к.ю.н. Волгоград, 2007. С. 62.
23. Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 06.11.2018) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового Положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации»
24. Приказ МВД России от 28.07.2017 № 547 «Об утверждении Положения об Управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Тюменской области».
25. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018).
26. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018).
27. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.08.2018).

Сравнительный анализ защиты авторского права в России и США

Турсубекова Диана Омурбековна, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Актуальность проблемы защиты авторского права является важным фактором для любого развитого госу-

дарства. Развитие технологий привело к росту использования объектов интеллектуальной собственности (ИС),

в результате чего они стали объектами экономического оборота.

Целью работы является анализ защиты авторского права в США и выявления основных проблем в российском регулировании объектов ИС.

Права на ИС могут оказать значительное влияние на социально-экономическое развитие, особенно влияют на эффективность национальных инноваций и доступ к знаниям и технологиям. Права ИС повышают стимулы для фирм и частных лиц вкладывать средства в инновации и творчество, экономично использовать их творения, а НИИ — передавать знания.

Для экономики одним из важных объектов ИС является авторское право. На международной арене известно несколько правовых актов в области защиты авторских прав:

- Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений;
- Договор ВОИС по авторскому праву.

США — это страна, в которой огромное значение придается интеллектуальной собственности. Благодаря творческой и научной деятельности страна стала лидером мировой экономики. Необходимость защищать интересы авторов прописана даже в Конституции. Самая большая

доля дохода от экспорта в США это продажа ИС. Сейчас действует Закон об авторском праве в цифровую эпоху DMCA (Digital Millennium Copyright Act). Данный документ защищает от противозаконного производства и распространения объектов ИС, а также от технологий, позволяющих обходить современные технические средства защиты авторских прав. В нем прописаны меры наказания за нарушение авторских прав в сети Интернет. Согласно акту, использование интернета влечет более серьезную ответственность. В то же время, провайдеры защищены от ответственности за действия своих пользователей [2].

Государство довольно сильно развито в части регулирования правоотношений в сфере авторского права по причине широкой судебной практики и разнообразного опыта координирования отношений субъектов.

В России основной источник правовой системы защиты авторского права является Гражданский кодекс РФ. Роспатент — это служба, отвечающая за контроль и надзор в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности, а также за оказание услуг в установленной сфере и нормативно-правовое регулирование. [1]

Тем не менее нет правовых мер охраны авторских прав в сети Интернет, хотя в настоящее время нарушение прав зачастую происходит по средствам коммуникационной сети.

Таблица 1. Различия регистрации авторского права в России и США [5]

	Россия	США
Срок действия авторских прав	Пожизненно	Ограниченно
Регистрация	Не является обязательной	Не является обязательной
Стимулирование в регистрации (получение лицензии, патента)	Отсутствует мотивация	Авторы замотивированы
Регистрирующие органы объектов авторского права	Библиотека Конгресса США	Разные организации

Одной из проблем в России — пиратство в Интернете, ряд крупных корпораций пытаются принять меры в области защиты. Так, например, с 2017 года в социальной сети «ВКонтакте» появилась платная подписка на музыку (без нее невозможно прослушивать аудиозаписи в оффлайн или же без рекламы). Компания подписала соглашение с международными правообладателями музыкальной индустрии. Таким образом, зарубежные и отечественные авторы защитили свои произведения.

Защита авторского права в США и России «жестко» охраняется, нарушение интересов авторов влечет за собой административную, а иногда и уголовную ответственность. [4]

Однако, в США разрешено копирование ИС, передача другому лицу. В России же данные действия будут пресечены по закону.

Законодательство и в России, и в США показали свою недееспособность подстраиваться под современные информационные технологии.

Главный вопрос, который необходимо решить: это установление границы между авторским правом и правом гражданина на информацию. Защищая авторское право, нельзя ущемлять или затруднять обмен культурой и наукой. Следовательно, необходим перечень культурной и научной информации не только отечественного, но и мирового достояния.

Также следует определить положение Интернета, этот вид коммуникаций мало исследован, необходимо изучить его особенности с точки зрения юридических отношений при его использовании.

В заключении можно отметить, что развитие новых технологий ставит перед авторским правом новые проблемы, нуждающиеся в специальном регулировании. В Америке законодательство более оперативно реагирует на эти изменения, поэтому американский опыт в данной области может быть эффективно использован российским законодательством.

Литература:

1. Богданова О. В. Защита интеллектуальных авторских прав гражданско-правовыми способами: монография. — Москва: Юстицинформ, 2017. 212 с.
2. Берестнев Р. Е. Актуальные проблемы правовой защиты прав интеллектуальной собственности // Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки: электр. сб. ст. по мат. XXXVII междунар. студ. науч.—практ. конф. № 8(37). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/8\(37\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/8(37).pdf) (дата обращения: 21.11.2018)
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 518.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Сборник основных федеральных законов РФ. URL: <https://izrf.su/kodeks/gk-4/> (дата обращения: 21.11.2018)
4. Сагитова А. А. Проблемы защиты авторских прав в сети Интернет // Молодой ученый. — 2018. — № 5. — С. 133–137. — URL <https://moluch.ru/archive/191/48204/> (дата обращения: 21.11.2018).
5. Самарцева М. В. Сравнительно-правовой анализ систем учета авторских и смежных прав в России и США // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 6 (34). URL: http://vestnik-msal.ru/articles/article_103681.html (дата обращения: 23.12.2018).

Вопросы правового регулирования личных неимущественных отношений

Шаханова Мариям Хусеиновна, студент магистратуры

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия (г. Черкесск)

Гражданский кодекс РФ, наряду с принятыми в соответствии с ним федеральными законами, является основным источником гражданского законодательства в Российской Федерации. Нормы гражданского права, которые содержатся в других нормативно-правовых актах, не могут противоречить Гражданскому кодексу. Гражданский кодекс Российской Федерации, работа над которым, как известно, началась в конце 1992 года, и изначально шла параллельно с работой над Конституцией 1993 года — сводный закон, состоящий из четырех частей.

На сегодняшний день Гражданский кодекс Российской Федерации, безусловно, уделил личным неимущественным отношениям гораздо большее внимание, чем кодекс, существовавший до, а именно — Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. Это наглядно видно не только в количестве статей, посвященных данному виду отношений, но и в целом ряде новых законодательных проектов и правовых моделей, ранее неизвестных российскому гражданскому праву. По сравнению с ГК РСФСР 1964 года, современный Гражданский кодекс Российской Федерации, как уже было сказано, значительно продвинулся в этом направлении. Одним из примеров тому может служить статья 19 Гражданского кодекса Российской Федерации, посвященная праву на имя. Данная статья актуальна тем, что содержит в себе не только охранительные нормы, но и в некотором роде позитивную регламентацию ряда правомочий, входящих в содержание ранее упомянутого права. Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 19, гражданин вправе переменить свое имя в порядке, установленном законом. Как известно, перемена гражданином имени не является основанием для прекращения или изменения его прав и обязанностей, приобретенных под

прежним именем. «Согласно пункту 3 статьи 19 Гражданского кодекса Российской Федерации имя, полученное гражданином при рождении, а также перемена имени подлежат регистрации в порядке, установленном для регистрации актов гражданского состояния. Причем статья 19 исходит из того, что гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, если иное не вытекает из закона или национального обычая». [4] Более того, статья 19 дает определенные пределы в реализации права на имя, устанавливая запрет приобретения прав и обязанностей под именем другого лица и, позволяя использовать вымышленное имя (псевдоним) только в случаях и в порядке, предусмотренных законом.

Несмотря на это, проблемы в сфере правового регулирования личных неимущественных правоотношений, по нашему мнению, возникают в связи с тем, что гражданское законодательство занимает противоречивую позицию в данном вопросе.

Законодатель четко прописывает права граждан, относящиеся к личным неимущественным, а именно глава 8 ГК РФ определяет нематериальные блага, их регулирование и защиту. Однако, предметом регулирования любой отрасли являются общественные отношения. Блага лишь являются объектами субъективных прав и соответствующих правоотношений.

«Субъекты гражданского права, будучи юридически равными, наделены диспозитивностью и инициативой, то есть они сами решают вопросы о средствах, путях и времени реализации своих прав. Следует заметить, что важным фактом остается то, что они должны такими правами обладать». [5]

Соответственно, реализация охранительной функции гражданского права становится возможной только в сочетании с регулятивной, которая в свою очередь выражается в воздействии права на общественные отношения как путем их закрепления в тех или иных правовых институтах, так и путем оформления их движения.

При этом, отдельно взятые регулятивные функции, либо охранительные, несмотря на то, что они тесно связаны между собой, не могут в полной мере оказывать воздействие на общественные отношения.

По нашему мнению, проблемой регулирования личных неимущественных отношений, а также одновременной реализацией функций гражданского законодательства, о которых было сказано ранее, так же является и то, что законодатель перечислил в качестве однопорядковых как субъективные права граждан, так и объекты этих прав. На наш взгляд, объединение прав и благ, на основе которых возникают отношения, не совсем корректно, так как право и объект хоть и тесно взаимосвязаны, но не тождественны.

Как известно, гражданское законодательство никогда не осуществляло воздействие на блага, а лишь на поведение людей в отношении этих благ.

«В пункте 2 статьи 150 Гражданского кодекса указывается на то, что способ защиты личных благ определяется существом нарушенного нематериального права, придает данным отношениям адекватную им юридическую форму гражданского правоотношения, в котором граждане выступают в качестве управомоченных субъектов, обладателей субъективных личных неимущественных прав на принадлежащие им нематериальные блага». [7] Вполне понятно, что когда речь идет о личных неимущественных

благах, то ни одна отрасль права, ни один нормативный акт не может наделить физическое лицо честью и достоинством, именем, жизнью и здоровьем, личной свободой и неприкосновенностью. Эти блага появляются у человека в момент рождения и неразрывно связаны с ним на протяжении всей его жизни.

Так же мы считаем, что правовые нормы не могут и не должны содержать каких-либо конкретных указаний касательно порядка владения, пользования и распоряжения достоинством и честью, здоровьем и жизнью, именем и личной жизнью. Однако, следует согласиться и с тем, что только право может юридически признать принадлежность каждому конкретному физическому лицу его жизни, достоинства, чести, неприкосновенности и личной свободы.

Основываясь на всем выше сказанном, следует делать вывод о том, что на сегодняшний день разработка таких гражданско-правовых отношений достаточно актуальна, вопрос о решении данной проблематики остается открытым. По нашему мнению, следует искать «модели» правового регулирования, личных неимущественных отношений, которые будут объединять в себе все функции, в особенности охранительную и регулятивную.

Следует повториться и обратить внимание на то, что работа над совершенствованием гражданско-правовой регламентации личных неимущественных отношений должна быть ежедневной, в том числе путем дальнейшего развития и конкретизации главы 8 Гражданского кодекса Российской Федерации, методом разработки новых норм с новым содержанием. При этом необходимо учитывать все современные реалии и быстро развивающееся общество, где зачастую появляются все новые объекты правового регулирования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018)
3. Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. С. 193
4. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2000
5. Гражданское право. Т. 3 / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 2001. С. 367.
6. Нечаева А. М. Правонарушения в личных неимущественных отношениях. М., 1991
7. Гражданско-правовой механизм защиты нематериальных благ, Романова Н. А. 2012

Субъекты осуществления функций российского государства

Шахруева Аминат Ражабдибировна, студент магистратуры
Астраханский государственный университет

В условиях демократического правового государства огромное теоретико-прикладное значение приобретает проблема субъекта осуществления функций государства. Традиционным для отечественного государственоведения является представление о том, что осуществление функций государства — исключительная компетенция элементов механизма (аппарата) государства.

Ключевые слова: государство, функции государства, субъект, органы государственной власти, полномочия.

Государство, будучи организацией управления, действует в различных сферах общественной жизни. На разных этапах исторического развития государства в соответствии с объективно возникающими потребностями, формируемыми в качестве задач, выделяются устойчивые, жизненно важные и потому основные направления управленческой деятельности государства, которые традиционно называются функциями.

Осуществление функций государства — воплощение целей и решение задач государства в деятельности государственных и негосударственных образований. Проблему осуществления функций государства необходимо рассматривать не только в теоретико-правовом, но и в практическом аспекте, поскольку оба аспекта проблемы достаточно тесно взаимосвязаны.

В практическом аспекте проблемы осуществления функций государства одним из наиболее важных, по нашему мнению, является вопрос о субъектах осуществления функций государства.

Поскольку функции государства есть основные направления его деятельности, выражающие сущность, цели и задачи государства, а само государство как субъект (управления, правоотношений) представлено через свой механизм (аппарат), то осуществление функций государства традиционно связывается с деятельностью постоянно действующих государственных органов, учреждений, должностных лиц, которые вместе образуют иерархическую систему [5, с. 93]. Они выполняют определенные функции (производные от функций государства) на основе предоставленных им полномочий.

Как отметила И.Л. Бачило, функции определяют «что» делает орган, а полномочия выражают то, каким образом, какими правовыми мерами и путями обеспечивается выполнение его функций [4, с. 54]. Совокупность функций и соответствующих полномочий (правомочий) составляет компетенцию субъекта осуществления государственной деятельности. Компетенция обозначает пределы деятельности последнего. Как правило, компетенция устанавливается нормативными правовыми актами, регулирующими порядок создания и функционирования конкретного субъекта осуществления государственной деятельности (положения, административные регламенты, федеральные законы).

Стоит отметить, что в действующем российском законодательстве функции государственного органа зачастую смешиваются с его целями и задачами. Приведем лишь пару примеров.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 30.12.2008 г., 05.02.2014 г.) // «Российская газета», 25.12.1993, № 37.

Согласно ч. 2. ст. 75 Конституции РФ защита и обеспечение устойчивости рубля — основная функция Центрального банка РФ, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти [1]. Вместе с тем защита и обеспечение устойчивости рубля в Федеральном Законе «О Центральном Банке Российской Федерации» рассматривается в качестве цели деятельности Банка России. При этом функции Банка России перечислены в ст. 4 указанного Федерального закона, среди которых, отсутствует функция защиты и обеспечения устойчивости рубля [2].

Можно привести и другой пример. Согласно п. 1 Положения о Минюсте России [3] (далее — Положение) одной из функций Минюста России является федеральный государственный надзор за деятельностью некоммерческих организаций, а также контроль и надзор в сфере адвокатуры, нотариата, государственной регистрации актов гражданского состояния. Вместе с тем подп. 6 п. 3 Положения в качестве одной из задач Минюста России указывает на осуществление контроля и надзора в сфере адвокатуры и нотариата, а также в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния. Выходит, что одна и та же операция составляет и функцию, и задачу Минюста.

Подобные просчеты в законодательной технике, возможно, исключить лишь при условии четкого осознания законодателем понятийного аппарата, используемого им при подготовке, изменении и дополнении нормативных правовых актов.

Вопросы осуществления функций государства весьма важны. Развитие и совершенствование функций государства получает конкретное выражение не только в их содержании, но и в формах и методах их реализации. Выполняя ту или иную функцию, государство посредством особого механизма, воздействует на общественные процессы, при этом государственная власть способна проводить внутри данных социальных отношений собственную волю даже вопреки сопротивлению населения.

Проблематика функционирования Российского государства на современном этапе приобретает особую актуальность. Несмотря на увеличение объема саморегулирования, государство — единственный социальный институт, способный принять на себя основную нагрузку и ответственность по реализации проектов системного социального переустройства. Главной формой воплощения государственно-властной энергии выступают функции государства, концептуальный, в том числе системный анализ которых представляется не простой, но необходимой научной и практической задачей.

2. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ, 15.07.2002, № 28, ст. 2790.
3. Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 (ред. от 24.10.2018) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 18.10.2004, № 42, ст. 4108.
4. Бачило И. Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). М., 1976. — 200 с.
5. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИН-ФРА-М, 2011. — 428 с.

ИСТОРИЯ

От Транссиба до БАМа: эволюция стратегии мобилизационной занятости в контексте освоения Сибири (конец XIX — XX в.)

Романов Роман Евгеньевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт истории Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск)

Статья посвящена анализу формирования и развития стратегия государственного управления трудовыми ресурсами в условиях реализации крупных хозяйственных программ в Сибири в 90-е XIX — 80-е гг. XX в. Показано становление и развитие практик комплектования, подготовки, закрепления и интенсификации труда рабочих кадров в период строительства Транссиба, Первой мировой и Гражданской войны, создания Урало-Кузнецкого комбината и сибирского тыла, освоения новых промышленных районов. Сделан вывод о том, что эволюция стратегии мобилизационной занятости в России была связана с политикой имперского и советского государства по модернизации восточных окраин страны. Возникнув изначально в рамках одного индустриального сверхпроекта, эта стратегия в дальнейшем приобрела черты системного явления, воспроизводившегося в различных формах российской властью и обществом на протяжении нескольких десятилетий.

Ключевые слова: индустриальное освоение Сибири, стратегия мобилизационной занятости, регулирование рынка труда, трудовые ресурсы.

В конце XIX — XX вв. Сибирь пережила индустриальную революцию, для осуществления которой понадобился огромный людской потенциал. Его включение в хозяйственные процессы проводилось за счет государственной трудовой политики. Важным рычагом этой политики служила мобилизация населения для осуществления модернизации крупных экономических районов Российского государства. Зарождение данного явления следует отнести к XVIII — первой половине XIX веков. Дальнейшие технократические вызовы привели к его становлению в качестве ключевого элемента отечественного рынка труда. В новейшее время в России сложилась и получила развитие государственная стратегия мобилизационной занятости (ГСМЗ), ориентированная, прежде всего, на заселение и развитие окраин страны в эпоху модерна. Существенную роль эта стратегия сыграла в освоении Сибири, обладавшей слабым демографическим потенциалом и суровыми климатическими условиями.

В современной отечественной историографии при отсутствии концепта «мобилизационная занятость» данная тематика является предметом исследований, посвященных анализу проблем истории социально-трудовых отношений в России XX века. При этом авторами используются два подхода к изучению процессов экономической мобилизации людского потенциала. Первый ограничивает поле научного поиска сферой принуждения к труду,

практиковавшегося в 1917–1960 гг. [1]. Второй расширяет этот поиск до совокупности всех форм занятости, имевших место в СССР [2; 3].

Методологической базой исследования является авторская концепция о стратегии мобилизационной занятости. Это понятие определяется как совокупность целей и задач, инструментов и ожидаемых результатов государственной политики в сфере управления трудовыми ресурсами. В качестве ее инструментов рассматриваются формы организованного набора рабочей силы, направленные на преодоление кадрового дефицита; механизмы массовой подготовки и повышения квалификации кадров; методы добровольно-принудительного закрепления работников в новых производственных коллективах; материальные и моральные стимулы высокопроизводительного труда. Каждый из этих механизмов являлся сочетанием ординарных (повседневных) и экстраординарных (чрезвычайных) практик мобилизации трудового потенциала. Зависимость их комбинаций от особенностей разных эпох позволяет выделить конкретно-исторические типы мобилизационной занятости, сменявшие друг друга в динамичном контексте общероссийской и региональной экономической истории.

Целью исследования является выявление процессов становления и эволюции государственной стратегии мобилизационной занятости в условиях индустриального освоения Сибири в конце XIX — XX вв. Для реализации по-

ставленных задач в ходе формирования и развития ГСМЗ на уровне макрорегиона следует выделить семь этапов:

1891—1914 гг. — апробация «пилотного проекта» ГСМЗ в ходе строительства сибирских железных дорог;

1914—1917 гг. — элементы мобзанятости в рамках милитаризации экономики в годы Первой мировой войны;

конец 1919—1922 гг. — «военно-коммунистическая» ГСМЗ в русле восстановления хозяйства после Гражданской войны;

1929—1939 гг. — становление «сталинской» ГСМЗ в условиях форсированной модернизации;

1939—1945 гг. — апогей «сталинской» ГСМЗ в годы Второй мировой войны;

1945—1956 гг. — закат «сталинской» ГСМЗ в первое послевоенное десятилетие и ее трансформация в позднесоветскую;

1956—1991 гг. — позднесоветская ГСМЗ и ее кризис в контексте освоения новых индустриальных районов.

1891—1914 гг. Зарождение элементов мобзанятости на восточной окраине России в конце XIX — начале XX вв. было связано с ее втягиванием в процесс индустриального перехода. К началу 1890-х гг. в Сибири сложился капиталистический рынок рабочей силы с региональной спецификой. Наряду с отходом крестьян на предприятия и промыслы, формирование этого рынка происходило за счет законтрактованных работников из европейской части страны, иностранных мигрантов из Китая и Кореи, каторжников и ссыльных. Перечисленные формы привлечения трудовых ресурсов были нацелены на решение повседневных кадровых проблем сибирской экономики.

Начало строительства Транссибирской железной дороги кардинально изменило соотношение между спросом и предложением на рынке труда. Для преодоления нехватки кадров строительное управление Сибирской железной дороги (СЖД) через своих агентов по найму привлекало мастеров из Центра, Поволжья и Урала. Квалифицированные работники дополнялись чернорабочими из военных гарнизонов, каторги и ссылки, местного населения и иностранцев. В 1897 г. удельный вес сибиряков в составе строителей Транссиба достигал 35,6%. Среди последних доля вольнонаемных и солдат составляла 28,2%, каторжников и ссыльных — 7,4%, выходцев из европейской России — 40%, китайцев и корейцев — 27,4%. Общая численность рабочих на этапе развертывания строительства СЖД (1891—1895 гг.) выросла в 9,3 раза [4, с. 22]. Этот мобилизационный эффект был достигнут благодаря организованному комплектованию кадров.

Бесперебойность стройки зависела от удержания на ней рабочей силы. К концу XIX в. предприниматели накопили богатый опыт закрепления тружеников в Сибири. Их самовольный уход с места работы сдерживался штрафами и паспортным контролем [4, с. 35]. Предприниматели строили бараки и казармы, школы и больницы, открывали торговые лавки. Эти методы сохранения заводских коллективов не выходили за рамки привычной повседневности.

Строители Транссиба первоначально не имели даже элементарных бытовых удобств. Но со временем строительные управления СЖД наладили их жизнеобеспечение. Продукты питания и промтовары выдавались рабочим через подрядчиков или артельщиков. Под жилье приспособлялись землянки и бараки. При поступлении работников на стройку подрядчики изымали у них паспорта до истечения договоров о найме. Нарушители договора штрафовались по приговору местного суда [4, с. 49, 51, 54]. Совокупность этих мероприятий оказывала позитивное влияние на закреплении строителей в зоне сооружения железной дороги.

Значимым фактором созидания Великого Сибирского пути являлось стимулирование труда его прокладчиков. В конце XIX в. на предприятиях региона произошел переход от поденной к сдельной оплате. Изменение форм оплаты усиливало неравенство в доходах между различными категориями персонала. В целом материальные стимулы практиковались в повседневных условиях регионального рынка рабочей силы.

«Прорабы» Транссиба трудились в суровых условиях и с огромной напряженностью, компенсировавшихся соответствующей оплатой. Дневная зарплата землекопов, каменщиков, плотников и чернорабочих на железнодорожном строительстве в европейской России в среднем равнялась 87 коп., в Сибири — 1 руб. 76 коп. В зависимости от квалификации ее размер отличался значительной дифференциацией. Наименьшие заработки были у разнорабочих, наибольшие — у работников, обслуживавших машины. Разница между минимальным и максимальным вознаграждением составляла 1:2,56. Другой особенностью являлся огромный разрыв между подъемом производительности и оплаты труда. В 1896—1900 гг. на земляных работах первый показатель по сравнению с 1891—1895 гг. увеличился на 81%, второй — на 9% [4, с. 96, 104, 107]. Рост выработки обуславливался высоким уровнем и неравенством зарплаты, обеспечившим стремительную постройку Транссибирской магистрали.

Полученный опыт мобилизационной занятости был использован на строительстве Китайско-Восточной (1897—1903 гг.), Амурской (1907—1915 гг.) и Алтайской (1913—1915 гг.) железных дорог. *Транссиб сыграл историческую роль «пилотного проекта» по апробации ординарных практик МЗ.* В перспективе под влиянием больших войн и модернизации эти практики воплотились в государственную стратегию управления трудовыми ресурсами.

1914—1917 гг. В годы Первой мировой войны промышленность Сибири потеряла из-за мобилизаций на фронт более 40% персонала [5, с. 370]. В таких условиях российское правительство отменило ограничения на труд женщин, детей, заключенных, разрешило использовать на производстве военнопленных и инородцев. В марте 1915 г. на транспорте, в строительстве, добыче угля и золота работало 10,5 тыс. сибирских ссыльных. В горнодобывающей отрасли азиатской России трудилось 4,5 тыс.

вражеских солдат и офицеров [6, с. 107, 132]. К концу Первой мировой войны на «оборонных» предприятиях региона пленные составляли 1/20 рабочих, «ревизированные» инородцы — около 1/10. В 1914 г. принудительным трудом в Сибири было охвачено менее одного процента работников, в 1917 г. — 10% [5, с. 371]. Расширение его масштабов являлось следствием мер по снижению дефицита рабочих рук.

В связи с воинскими призывами предприниматели стремились закрепить квалифицированные кадры и снизить текучесть рабочей силы. С декабря 1915 г. на предприятиях стали вводиться отсрочки от мобилизации в армию. К 1917 г. в промышленности Сибири ими пользовались 43% военнообязанных рабочих [5, с. 370]. При попытке смены места работы заводские администрации не выдавали производственным работникам удостоверения об отсрочке и ставили их под угрозу призыва. Целенаправленно на фронт отправляли лишь виновников стачек. Основную массу нарушителей дисциплины наказывали штрафами. Из-за снижения уровня жизни данные санкции утрачивали эффективность в поддержании производственного ритма.

По этой причине на сибирских заводах отсутствовали действенные стимулы к выпуску оборонной продукции. В 1913–1917 гг. номинальная зарплата рабочих в России выросла с 22 до 112 руб., реальная — сократилась с 22 до 16,6 руб. [7, с. 75]. Введение карточек на отдельные продукты питания не могло остановить обесценивание заработков растущей инфляцией. Пропагандистский арсенал, представленный патетическими обращениями Николая II и губернаторов к подданным, патриотическими плакатами, был подорван поражениями на фронтах. Подобные тенденции негативно отразились на динамике производительности труда. В 1915 г. выработка одного рабочего составляла 125,8% от уровня 1913 г., зарплата — 121,8%, в 1916 г. — 127,4 и 186,3%, в 1917 г. — 85,3 и 409,1% [7, с. 84]. Материальные стимулы не способствовали росту военного производства в силу ухудшения жизненных условий.

В годы Первой мировой войны в Сибири *функционировали обычные и экстраординарные практики мобилизации, так и не воплотившиеся в государственную стратегию управления трудовыми ресурсами*. Пришедшие к власти большевики пытались справиться с последствиями этой ошибки «старого режима» в обстановке гражданского противостояния.

Конец 1919–1922 гг. После утверждения советской власти за Уралом перед ней встала задача по преодолению хозяйственной катастрофы на востоке РСФСР. С этой целью в городах Сибири нужно было мобилизовать 454 тыс. чел. [8, с. 47]. В начале 1920 г. в рамках политики «военного коммунизма» большевики ввели всеобщую трудовую повинность. В регионе ее проведением руководил Сибирский комитет по всеобщей трудовой повинности (Сибкомтруд). За 1920 г. Сибкомтруд направил в промышленность, строительство и на лесозаготовки 145,6 тыс.

чел. [9, с. 32]. В январе 1921 г. из воинских частей РККА была сформирована Сибирская трудовая армия. Около 26 тыс. трудармейцев поступили в военное ведомство, административное управление, на транспорт и т.п. [10, с. 221]. В итоге революционному режиму удалось включить десятки тысяч сибиряков в дело возрождения региональной экономики.

На фоне «голодобеженства» из города в деревню большевики стремились закрепить кадры путем натурализации оплаты труда. С мая 1920 г. на предприятиях и в учреждениях Сибири в качестве эквивалента зарплаты устанавливались продовольственные пайки. Натуральные выдачи составляли более 80% заработка [11, с. 82]. Низкий уровень снабжения не позволял удерживать людей на рабочих местах, что привело к ужесточению санкций за нарушение трудовой дисциплины. Прогульщики наказывались вычетами из премий, отработкой прогулов, товарищеским судом, «труддесертиры» — арестом, отправкой в штрафные трудовые части, заключением в концлагерь. На местах розыском сбежавших рабочих руководили губернские комиссии по борьбе с труддесертирством. За август 1920 г. омская комиссия задержала и отдала под суд 146 беглецов [8, с. 59]. Но в экстремальных условиях как старые, так новые формы профилактики текучести рабочей силы отличались низкой результативностью.

Падение уровня жизни населения размывало стимулы высокопроизводительного труда. В 1920 г. реальные заработки рабочих России составляли в среднем 2,1% от уровня 1913 г. [11, с. 79]. Рост среди них эгалитарных настроений побудил советское правительство уравнивать зарплату разных квалификационных групп промпersonала. Если в августе 1917 г. соотношение ее величины у чернорабочих и станочников с высшим разрядом достигало 1:2,32, то сентябре 1920 г. — 1:1,04 [12, с. 61]. Поскольку уравниловка в оплате затрудняла восстановление сибирской экономики, широко использовались рычаги морального стимулирования. На предприятиях практиковались «красные» и «черные» доски с информацией о передовиках и отстающих, организовывались группы «ударного труда», коммунистические субботники, «недели трудового фронта». Например, на Кулундинской ветке Омской железной дороги на субботниках работало 22 тыс. чел. [13, с. 232]. Однако радикальные способы интенсификации труда не создавали у рабочих устойчивой мотивации к нему из-за материальных лишений.

К концу Гражданской войны в Сибири *стала применяться экстраординарная «военно-коммунистическая» стратегия мобилизации, демонтированная в начале НЭПа*. К концу 1920-х гг. проблема мобилизации людского потенциала вновь приобрела актуальность в русле форсированной модернизации, частью которой служил Урало-Кузнецкий проект.

1929–1939 гг. Ускорение индустриализации обострило дефицит кадров в азиатской России. В начале 1930-х гг. промышленности Восточной Сибири не хватало четверть миллиона работников [13, с. 232]. Ка-

дровый «голод» преодолевался за счет новых форм привлечения людских ресурсов на заводы и стройки. 30 июня 1931 г. советское руководство предоставило предприятиям право заключать с колхозами договоры на получение рабочих рук. С 1 июля 1931 по 1 октября 1932 г. по оргнабору в индустрию Западной Сибири поступили 106,6 тыс. чел. На Кузнецкстрое доля «оргнаборцев» среди вольнонаемных строителей выросла с 20–30% в 1930 г. до 91,4% в 1933 г. [14, с. 105]. Дополнительными трудовыми резервами служили домохозяйки, комсомольцы, спецконтингент. В 1932–1933 гг. управления кадров Наркомтруда направили в народное хозяйство Сибири 63 тыс. женщин [13, с. 241]. В годы первой пятилетки на заводы и фабрики по призыву комсомола прибыло свыше трети миллиона юношей и девушек [15, с. 136–137]. В ряде отраслей применялся труд подневольных рабочих. В начале 1930-х гг. на Кузнецкстрое трудились 22 тыс. спецпереселенцев и 3,5 тыс. заключенных [2]. В 1928–1932 гг. число сибирских рабочих и служащих увеличилось более чем в три раза, что являлось следствием организованного комплектования производственных коллективов.

Приток на предприятия огромного числа людей остро поставил вопрос о подготовке рабочих кадров. В 1920-е гг. в СССР создавались школы фабрично-заводского ученичества и горнопромышленные училища, школы рабочего юношества и профтехнические школы, школы массовых профессий. Позднее сфера профтехобразования расширилась за счет открытия дополнительных школ ФЗУ. В 1930–1931 гг. сеть ее учреждений в Западной Сибири увеличилась со 105 до 143, число учащихся — с 5,0 до 40,6 тыс. чел. [8, с. 132]. Выпускники школ и училищ составляли четверть нового промпersonала, остальная часть которого получала технические навыки у станка. С 1931 г. новички обучались специальности на вводных, политехнических курсах и технических школах. В 1933 г. последние две ступени были реорганизованы в ускоренные курсы производственного обучения. В начале 1930-х гг. только на КМК квалификацией овладели 17 тыс. строителей. Особое внимание уделялось повышению профессионального уровня трудящихся. В 1934 г. в Западной Сибири в кружках техминимума для сдачи гостехэкзамена занимались около 100 тыс. рабочих [8, с. 137]. В целом воспроизводство кадрового потенциала на востоке страны носило интенсивный характер.

Трудная адаптация бывших крестьян к индустриальным новостройкам порождала текучесть рабочей силы. В 1929–1930 гг. на рудниках Кузбасса доля убывших горняков к числу прибывших составляла 102,4% [13, с. 319]. Советское государство пыталось различными способами закрепить кадры на производстве. В 1929–1931 гг. в СССР сложилась система карточного снабжения горожан. Самые высокие нормы выдачи продуктов питания полагались рабочим в ведущих экономических центрах страны. Пайки обеспечивали от трети до половины потребительской корзины рабочих семей. Другим острым во-

просом являлась нехватка жилья. В 1929 г. в городах Западной Сибири на одного человека приходилось 4,2 кв. м., в начале 1932 г. — 3,6 кв. м. [16, с. 45]. Продовольственный и жилищный кризисы вели к широкому распространению дисциплинарных проступков. Первоначально с ними боролись с помощью самозакрепления трудящихся и товарищеских судов. В 1930 г. в Сибири обязательства не уходить с места работы взяли от 40 до 85% заводчан [14, с. 207]. Кроме того, товсуды наказывали за прогулы штрафами и общественными порицаниями. Но данных мер было недостаточно для стабилизации социально-трудовой ситуации. В ноябре 1932 г. СНК СССР принял постановление об увольнении прогульщиков с лишением служебной жилплощади и пайка, оказавшееся весьма действенным. Если за 1932 г. советский рабочий прогулял в среднем 5,96 дня, то за 1934 г. — 0,67 дня [12, с. 49]. Производственная дисциплина была укреплена за счет сочетания административных и материальных санкций.

Реализация индустриальных программ требовала стимулирования производительности труда. Поворот к НЭПу восстановил решающую роль зарплаты в вознаграждении персонала. В 1922 г. диапазон ее тарифной сетки составлял 1:4, в 1928 г. — 1:2,8 [17, с. 85]. В начале 1930-х гг. в промышленности были введены ставки с разницей от 1:3,6 до 1:4,4. Широко внедрялись различные стимулирующие выплаты. В 1932 г. охват тружеников Томска сдельщиной, прогрессивкой и премированием достиг 92%. За первую пятилетку зарплата рабочих и служащих Западной Сибири выросла в 1,8 раза [13, с. 294]. Но ее реальное содержание из-за инфляции неумолимо сокращалось. В этих условиях государство сделало ставку на сочетание натуральных и идейных стимулов. С 1929 г. на предприятиях развернулось соцсоревнование, локомотивом которого стало ударничество. Ударников награждали орденами и медалями, заносили на доску почета, отмечали в печати. Передовикам полагались дополнительные продуктовые наборы к пайкам, улучшенное питание, первоочередное выделение промтоваров и жилья. В июле — августе 1933 г. в Прокопьевске на одного ударника сверх пайковых норм было выдано от 1,3 до 1,4 кг. мяса, 1,4 кг. рыбы, от 6,5 до 8 кг. овощей, от 300 до 600 г. масла, от 4 до 12 л. молока [16, с. 37–38]. Перспектива такого поощрения побуждала к перевыполнению норм выработки многих рабочих. На 1 сентября 1932 г. доля ударников в Западной Сибири составляла от 25,1% в угледобыче до 59,5% в металлургии [13, с. 213]. Однако на натурвыдачу могли реально рассчитывать менее одной трети передовиков, что негативно отражалось на их трудовой мотивации.

В годы форсированной модернизации в СССР *началась складывание «сталинской» стратегии мобзанятости как совокупности ординарных и экстраординарных практик управления трудовыми ресурсами.* Ее вызревание являлось одним из факторов превращения Урала и Сибири во второго по мощи всесоюзного про-

изводителя угля и стали. Завершение Урало-Кузнецкого проекта на фоне нарастания геополитических угроз означило переход к созданию сибирского оборонно-промышленного тыла, что делало актуальным дальнейшее становление ГСМЗ.

Формирование на востоке России военно-экономической базы способствовало продолжению мобилизации трудового потенциала страны. В середине — второй половине 1930-х гг. основной формой привлечения этого потенциала на производство оставался оргнабор. Его недостатками являлись слабый учет колхозников, ориентированных на отходничество, межведомственная конкуренция за рабочую силу. В 1938 г. с целью упорядочения оргнабора в республиках, областях и районах были образованы специальные комиссии. Каждому наркомату разрешалось набирать работников в закрепленных за ними регионах, что привело лишь к всплеску стихийной миграции селян. В 1939 г. на завод № 153 (им. В.П. Чакова), комбинаты № 179 («Сибметаллстрой») и 392 («Прогресс») по оргнабору вместо 1200 чел. поступили около 600. Всего в течение года на Сибметаллстрой прибыло примерно 12000 чел., в том числе путем вербовки — 2940 чел. [18, л. 57–60, 64]. В индустрию вовлекались также домохозяйки и молодежь. В 1939 г. комбинат № 179 по общественному призыву получил 227 комсомольцев. В это время на предприятие в организованном порядке пришли 55,9% новых рабочих, по вольному найму — 44,1% [19, л. 59, 146; 20, л. 71, 75, 79]. С учетом спецконтингента удельный вес первой категории был еще выше. В конце второй пятилетки доля спецпереселенцев на комбинате «Кузбассуголь» составляла около 40%, «Запсибзолото» — 29,2%. На 1 ноября 1938 г. в Кузбассе трудились 35 тыс. спецпереселенцев [21, с. 237–238]. В целом динамика организованного комплектования кадров не отвечала реалиям перевода народного хозяйства на военный лад.

К середине 1930-х гг. существенные проблемы накопились в области начального профессионального образования. Чтобы увеличить число квалифицированных работников школы ФЗУ сократили сроки их подготовки (1933 г.). Однако учащиеся оказались не готовы к быстрому освоению профессий. В 1935 г. СНК СССР вновь увеличил продолжительность производственной учебы в системе ФЗУ. В этих условиях стремительно «ковать» новые кадры стало невозможно. В конце второй пятилетки школы ФЗУ Западной Сибири ежегодно выпускали не более 3,5 тыс. рабочих [9, с. 158–159]. В связи с этим, в регионе расширялась сеть техминимумов, завершавшихся сдачей гостехэкзамена. Многие производственники учились на стахановских курсах и овладевали новыми методами организации труда. В конце 1938 г. в Сибири повышением квалификации занимались 101,1 тыс. чел., в 1939 г. — 175,3 тысяч [22, с. 53]. Большой размах профессиональное обучение приобрело на оборонных предприятиях. За первые два года предвоенной пятилетки на комбинате № 179 за счет индивидуального учениче-

ства, школы ФЗУ и курсовой сети специальности получили 5154 чел. [19, л. 58–59]. Более 80% новых рабочих имели низкий культурно-технический уровень, затруднявший выпуск боеприпасов. Воспроизводство кадрового потенциала слабо соответствовало делу подготовки экономики к войне.

Схожая ситуация складывалась в сфере закрепления подготовленных работников. Ослабление натиска форсированной модернизации, сопровождавшееся отменой карточек, временно укрепило состав заводских коллективов. Незрелость потребительского рынка ограничивала продажу товаров строго установленными нормами. В действительности они не выдерживались, что приводило к незаконному восстановлению карточек на местах. Нерешенной оставалась жилищная проблема, отличавшаяся особой остротой на востоке страны. В 1937 г. в городах Сибири на одного жителя приходилось от 2,5 до 3,2 кв. м. [23, с. 55]. Более половины жилфонда состояло из бараков, землянок и частных домов. Сохранение дефицита жизненных благ породило новую волну прогулов и самовольных уходов с предприятий. Если в 1934 г. советский рабочий прогулял в среднем 0,67 дня, то в 1937 г. — 1,05 дня [12, с. 49]. Поначалу работодатели уповали на товарищеские суды, занимавшиеся борьбой с мелкими правонарушениями. Лишь в конце 1938 г. в СССР были приняты дополнительные меры по укреплению трудовой дисциплины. Директора заводов обязались увольнять работников за ее трехкратное нарушение в течение месяца. Но промышленность, по-прежнему, лихорадила огромная текучесть кадров. В 1939 г. в сибирском авиапроме доля ушедших достигала 90% от вновь поступившего персонала [24, л. 4, 36, 42, 48]. Методы профилактики дисциплинарных проступков вступали в противоречие с установками на усиление военно-экономического потенциала страны.

Во второй половине 1930-х гг. советское государство предприняло очередную попытку подъема производительности труда. В 1935 г. в СССР, включая Сибирь, развернулось стахановское движение. Трудящиеся брали обязательства по достижению высоких производственных показателей, поощрявшихся орденами, медалями, почетными грамотами, досками почета, прославлением героев труда в печати. Стахановцам полагались прогрессивные и премиальные выплаты, первоочередное предоставление товаров, квартир, путевок в санатории. В конце второй пятилетки при средней зарплате сибирских рабочих от 200 до 325 руб. заработка передовиков составляли от 600 до 2000 руб. Существенное вознаграждение и общественное признание побуждали многих тружеников бороться за завоевание престижного статуса. К 1937 г. удельный вес стахановцев и ударников в промышленности Сибири достиг 50–60% [13, с. 299]. Расширение их прослойки вынудило руководство страны взять курс на жесткую финансовую экономию. На 1 октября 1939 г. доля работников с низкими заработками (до 300 руб.) равнялась 46,7%, со средними (от 300 до 600 руб.) — 41,0%, с высокими

(от 600 руб. и выше) — 12,3% [12, с. 50]. Основной вклад в выпуск продукции вносил немногочисленный слой высокооплачиваемых новаторов. Большинство же «передовиков» по результативности труда мало чем отличалось от «бесстатусных» коллег в силу обострения товарного дефицита. В 1938 г. рост выработки в промышленности СССР по сравнению с предыдущим годом достиг 10%, зарплаты — 20%, в 1939 г. — 13 и 17% [25]. Материальные стимулы ударного труда оказались недостаточными для развертывания оборонной индустрии на востоке страны.

В конце 1930-х гг. в сформировавшейся «сталинской» стратегии мобилизации возникло противоречие между ее функционалом и сверхзадачами периода Второй мировой войны. Его преодоление происходило в русле милитаризации экономики, ориентированной на производственный потенциал урало-сибирского тыла.

1939—1945 гг. Развитие мирового военного конфликта усилило внимание высшего советского руководства к сооружению заводов-дублеров в азиатской России. Развертывание производства вооружения и боеприпасов замедляла нерешенная кадровая проблема, предельно обострившаяся после армейских призывов в начале Великой Отечественной войны. В 1940 г. только индустрии Новосибирской области требовалось дополнительно 48 тыс. рабочих, в середине 1941 г. — 222 тыс., в середине 1942 г. — 336 тысяч [26, л. 4]. Острый дефицит трудовых ресурсов привел к замене оргнабора другими формами организованного комплектования заводских коллективов. Накануне вступления в противоборство с фашистской Германией в стране были созданы гострудрезервы, направлявшие профессионально обученных юношей и девушек в народное хозяйство. 30 июня 1941 г. СНК СССР учредил Комитет по распределению рабочей силы для руководства трудовой мобилизацией неработающего населения. С февраля 1942 г. призыву в военпром подлежали незанятые мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет. За уклонение от него полагались исправительные работы на срок до года. С начала 1942 до середины 1945 г. на заводы и стройки, ремесленные училища и школы ФЗО Сибири было мобилизовано 484 тыс. чел. [27, л. 82]. В военное время из гострудрезервов региональная «оборонка» получила около четверти миллиона новых рабочих [28, с. 236]. Кроме того, на производстве активно использовался спецконтингент. Из негодных к службе в армии военнообязанных, депортированных и интернированных граждан Наркоматом обороны комплектовались десятки рабочих колонн. Осенью 1942 г. в Алтайском крае насчитывалось 53 тыс. бойцов «трудармии», летом 1943 г. в Омской области — около 60 тыс. Динамично расширялось применение труда заключенных и военнопленных. Во втором полугодии 1941 г. в промышленности боеприпасов Новосибирской области было задействовано 280 заключенных, во втором полугодии 1943 г. — 4414. В 1945 г.

за Уралом трудились свыше 200 тыс. военнопленных [29, с. 305, 311; 30, с. 260]. В конце войны мобилизованный персонал составлял 70,0% работников комбината «Сибметаллстрой», в частности из спецконтингента — 31,2%, гражданского населения — 38,8% [31, л. 33]. В первой половине 1940-х гг. число рабочих и служащих Сибири выросло в полтора раза, чему способствовала мобилизация людского потенциала.

Перестройка экономики на оборонный лад потребовала ускорения профессиональной подготовки новых кадров. Осенью 1940 г. в СССР были открыты ремесленные, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения. Призванной в РУ и ЖУ молодежи, наряду с производственной практикой, преподавались общеобразовательные и технические дисциплины, в школах ФЗО — техминимум. С 1 января 1941 по 1 января 1944 г. сеть учебных заведений гострудрезервов Сибири выросла с 81 до 219, число учащихся — с 24,5 до 85,4 тыс. чел. [32, с. 268]. В начале войны сроки освоения профессий в училищах и школах, сфере заводского ученичества предельно сократились. Основная масса учеников прикреплялась к кадровым производственникам, обучавших их станочным операциям. Во втором полугодии 1941—1942 г. в оборонной промышленности, таким образом, готовилось 75—80% молодых рабочих [33, с. 89]. Большинство из них не выполняло нормы выработки. В связи с этим, летом 1942 г. Главное Управление трудрезервов СССР восстановило преподавание теоретических дисциплин в РУ, ЖУ и школах ФЗО. На предприятиях организовывались стахановские школы и курсы целевого назначения, обеспечившие рост культурно-технического уровня трудящихся. За первую половину 1940-х гг. на заводах Омска и Новосибирска освоили специальности и повысили квалификацию 271,9 тыс. чел. [22, с. 102]. В это время в гострудрезервах Сибири путевку в профессиональную жизнь получили 307 тыс. юношей и девушек [34, л. 36, 37, 57, 89, 100]. В военное время формирование и развитие кадрового потенциала оборонпрома региона шло быстрыми темпами.

В годы Второй мировой войны ухудшение условий жизни усугубило проблему текучести рабочей силы в индустриальной экономике. С учетом возрастания геополитических угроз советское государство взяло курс на «закручивание гаек» в сфере социально-трудовых отношений. В июне 1940 г. рабочие и служащие были прикреплены к предприятиям и учреждениям. За опоздание более чем на 20 мин. или прогул полагались исправительные работы на срок до шести месяцев и штрафы в размере до 25% от зарплаты, за самовольный уход — тюремное заключение от двух до четырех месяцев. С началом Великой Отечественной войны руководство страны ужесточило наказания в производственной сфере. В конце декабря 1941 г. труженики «оборонки» были переведены в статус мобилизованных на период военного времени. Самовольный уход переквалифицировался в «дезертирство», каравшееся лишением свободы от пяти до восьми

лет. С января 1942 по сентябрь 1943 г. трибуналы Новосибирской области возбудили 36,7 тыс. уголовных дел против нарушителей дисциплины [35, с. 75]. Для удержания рабочих у станка использовалась также карточная система, введенная летом — осенью 1941 г. Потребительская «корзина» промпersonала превышала иждивенческую в 2,5–9 раз. В январе 1942 г. работники военной индустрии Западной Сибири получили 1 148 тыс. продкарточек, в марте 1943 г. — 1 572,6 тыс. [29, с. 322]. Низкая калорийность питания не соответствовала жестокому производственному ритму. Наряду с попытками решения продвопроса, в сибирском тылу велось жилищное строительство. В первой половине 1940-х гг. в крупных городах региона было введено в строй около 1,2 млн кв. м. жилья. Темпы его сооружения не успевали за ростом городского населения. В начале 1941 г. на одного горожанина в Сибири приходилось в среднем 4 кв. м., в начале 1945 г. — от 2,2 до 3,3 кв. м. [36, с. 128]. В целом эффективность мер по добровольно-принудительному закреплению кадров ограничивалась острейшим кризисом потребления.

Более успешно в тыловых районах решалась задача по стимулированию высокопроизводительного труда. К началу 1940-х гг. в промышленности получили распространение тарифные сетки зарплаты с диапазоном 1:3,2, 1:3,3 и 1:3,6. На фоне постоянной величины ставок упор делался на сочетание сдельщины, прогрессивки и премий с новыми формами стахановского движения. После начала войны развертывание оборонного производства осуществлялось за счет движений двухсотников, многосотников, тысячников, фронтовых и гвардейских бригад, поощряемых материальными и моральными «бонусами». При перевыполнении опытно-статических норм от 1 до 20% сдельные расценки возрастали в полтора раза, от 20% и выше — в два раза, расчетных технических норм от 1 до 10% — в два раза, от 10% и выше — в четыре раза [37, л. 43–44]. Внедрение денежных стимулов способствовало повышению трудовых доходов промпersonала. В 1941–1944 гг. средняя зарплата рабочих сибирского военпрома возросла с 400–500 до 600–800 руб. Заработки стахановцев достигали от 600 до 1500–2000 руб. [30, с. 356–357]. Неравенство в зарплате нивелировалось ростом налогообложения и госзаймов, розничных цен. В октябре 1942 г. СНК СССР предоставило передовикам право на первоочередное приобретение товаров и бытовое обслуживание, второе горячее питание, премирование сто- и двухсотграммовыми довесками к хлебному пайку. В 1944 г. в столовых комбината № 179 ежедневно вторые обеды выдавались в среднем 11 700 чел., «премиальные» сто грамм хлеба — 4 500 чел. [38, л. 36]. За звания «стахановца военного времени» и «гвардейца трудового фронта» вводились «надбавки» в виде двух килограммов хлеба, двух талонов на питание и промтовары. Побуждавшим к выпуску оружия и боеприпасов эффектом обладали пропагандистские мероприятия, фронтовые сводки, патриотические лозунги и плакаты, графики показателей, доски почета, награждение орденами

и медалями, красными знаменами. В 1942–1944 гг. в тяжелой индустрии Новосибирска выработка на одного рабочего увеличилась на 71,6%, зарплата — 34,8%, в том числе в оборонной — 83,9 и 20,7% [30, с. 357]. Сложившаяся в военное время совокупность стимулов создала условия для мощной интенсификации труда, ставшей решающим фактором экономической победы СССР над фашистской Германией.

В период Второй мировой войны «сталинская» стратегия мобилизации приобрела зрелый характер и достигла своего апогея. Ее преимущественно экстраординарные практики являлись одной из движущих «пружин» становления и функционирования оборонно-промышленного комплекса Сибири. Противостояние между СССР и США придало новые импульсы развитию ОПК и замедлило трансформацию ГСМЗ в послевоенные годы.

1945–1956 гг. После завершения мирового военного конфликта возвращение рынка труда в рамки экономической повседневности началось с восстановления практики добровольных вербовок. В мае 1946 г. Комитет по учету и распределению рабочей силы был включен в образованное Министерство трудовых резервов СССР. Минтрудрезерв руководил оргнабором, вновь приобретшим существенное значение для привлечения людских ресурсов в промышленность и строительство на окраинах страны. В 1946–1950 гг. на предприятия Красноярского края в организованном порядке поступило 57,4 тыс. чел. В первой половине 1950-х гг. в структуре «оргнаборцев» возросла прослойка мигрантов, прибывших в Сибирь из других районов СССР. Так, в тресте Главвостсиблес доля завербованного персонала увеличилась с 21,8% в 1950 г. до 58,1% в 1955 году. На многих заводах региона его удельный вес равнялся нескольким процентам. Другой формой комплектования кадров служил выпуск из учебных заведений гострудрезервов. В конце четвертой пятилетки юноши и девушки с начальным профтехобразованием среди новых шахтеров составляли 12,3%, машиностроителей — 35,8%. До одной десятой всех пополнений сибирского рабочего класса давали общественные призывы [22, с. 184–186]. Каналы целенаправленного формирования заводских коллективов преобладали в основном в ведущих отраслях экономики. В 1949 г. новосибирский военпром за счет оргнабора и гострудрезервов получил 47,7% от общего числа поступивших труженников [39, с. 225]. С учетом мобилизаций комсомольцев и спецконтингента данный показатель был еще выше. В отдельных стройтрестах Кузбасса сегмент принудительного труда достигал 70% [40]. К середине 1950-х гг. в связи с репатриацией военнопленных, освобождением части заключенных, перехода к добровольному приему молодежи в РУ, ЖУ и школы ФЗО на производстве возросла доля вольнонаемных работников. Их набор выступал основным «двигателем» более чем полукратного численного роста рабочих и служащих Сибири в послевоенное десятилетие.

В сфере подготовки квалифицированных кадров после войны также произошли важные институциональные изменения. В мае 1946 г. ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО, в которых увеличились сроки обучения, были переданы в ведение Минтрудрезервов СССР. На 1 января 1946 г. сеть гострудрезервов Сибири включала 212 учреждений с 53,2 тыс. учащихся, на 1 января 1950 г. — 330 с 68,6 тыс. Ее рост сопровождался открытием горнопромышленных училищ и школ. С 1954 г. начали действовать технические училища для выпуска рабочих со средней квалификацией и техников. К 1 января 1955 г. в силу уменьшения числа школ ФЗО количество учебных заведений трудрезервов в Сибири снизилось до 214, учащихся — до 42,2 тыс. чел. [22, с. 204]. Совершенствование форм профтехобразования осуществлялось непосредственно на предприятиях. В четвертую и пятую пятилетки в системе заводского ученичества основы специальности осваивали от 45,6 до 50,7% новых рабочих [22, с. 212]. Наряду с ней, создавались ученические бригады, курсы целевого назначения, производственно-технические курсы, стахановские школы и т.п. В 1950 г. за Уралом через бригадно-курсовую сеть прошли первоначальное обучение или повысили квалификацию 54% работников. В 1946–1955 гг. на сибирских заводах было подготовлено 2292,2 тыс. чел., в гострудрезервах — более 500 тыс. чел. [22, с. 211, 218]. Воспроизводство кадрового потенциала приобрело более длительный и поэтапный характер.

Одной из послевоенных тенденций являлась смена подходов советского государства к профилактике текущей трудовой ресурсности. С переходом к мирному времени мобилизованный персонал стремился сменить место работы. В 1947 г. доля шахтеров, выбывших из угольной промышленности Востока СССР, к числу прибывших составила 46% [41, с. 92]. В мае 1948 г. правительство отменило мобилизационное положение в «оборонке» и смежных отраслях, сохранив за прогулы и самовольные уходы мягкие уголовные наказания. С июля 1951 г. товарищеские суды накладывали на прогульщиков дисциплинарные и материальные взыскания. На исправительные работы отправлялись лица, прогулявшие свыше трех дней или самовольно ушедшие с предприятий. Полностью эта мера наказания была отменена в апреле 1956 г. Кроме того, с упразднением продкарточек высшее руководство страны сделало акцент на денежную и социальную поддержку трудящихся. С 1 сентября 1946 г. 824 тыс. рабочих и служащих, занятых в добывающих отраслях, вредных производствах и стройках Урала, Сибири и Дальнего Востока, получили 20% надбавку к заработной плате [22, с. 309]. С 1947 г. угольщикам, металлургам и химикам выплачивались единовременные выплаты за выслугу лет. Рост трудовых доходов рабочих семей создавал условия для их участия в программе индивидуального жилищного строительства. В 1946–1955 гг. производственники Кузбасса, Алтая, Омской области, Бурятии, Тувы и Черемхово возвели частные дома общей площадью 4,28 млн кв. м. За де-

сять лет в восьми сибирских регионах фонд ведомственного жилья вырос на 14,5 млн кв. м. [22, с. 318]. Однако дефицит жилплощади продолжал негативно влиять на стабильность заводских коллективов. В 1955 г. в тресте Главзапсиблеспром уволилось 86,1% принятых рабочих, тресте «Лензолото» — 95,9% [22, с. 187]. Несмотря на трансформацию методов ограничения трудовой мобильности, проблема закрепления кадров в ряде отраслей сибирской индустрии оставалась острой.

В послевоенные годы противоречивая ситуация сложилась в сфере стимулирования производительности труда. Усталость людей от жесткого производственного ритма вызвала временный кризис трудовой мотивации. Его преодоление было связано с новым подъемом оборонно-промышленного комплекса, отменой карточной системы, снижением розничных цен. Последние меры усилили поощрительную роль сдельно-прогрессивных и премиальных систем, сочетавшихся с моральным побуждением. С мая 1946 г. в СССР развернулось соревнование за выполнение программы четвертой пятилетки. В его рамках начались движения по составлению и реализации личных пятилетних планов, за полное использование рабочего дня, скоростные режимы работы оборудования, создание стахановских участков и т.п. В конце 1940-х гг. в Западной Сибири в различных формах соревнования участвовало не менее 90% рабочих, что обуславливалось широким распространением стимулирующих выплат. В 1946–1952 гг. средний заработок трудящихся Новосибирска увеличился с 511 до 817 руб., Кузбасса — с 1102 до 1279 руб. [22, с. 236, 237, 301]. Стремление директоров предприятий ускорить выпуск продукции привело к росту доплат и сокращению доли основных заработков. Диспропорции в оплате труда усугублялись наличием более чем тысячи тарифных сеток и нескольких тысяч ставок. Постоянство величины ставок шло вразрез с интересами большинства работников, не заинтересованных в значительном перевыполнении норм. Основной вклад в наращивание выработки вносили небольшие группы рационализаторов, получавших максимальное вознаграждение. В первой половине 1950-х гг. производительность в народном хозяйстве СССР ежегодно росла на 7,3%, зарплата — на 11,8% [42, с. 350]. Опережающий рост заработной платы свидетельствовал о возвращении на повестку дня проблемы низкой трудовой мотивации как одной из причин замедления производственной динамики.

Послевоенный период являлся *временем заката и трансформации «сталинской» стратегии мобилизационной занятости, вызванной заменой ее экстраординарных практик преимущественно ординарными*. В годы хрущевской «оттепели» проблема мобилизации людского потенциала снова приобрела актуальность в связи с курсом нового руководства страны на построение материально-технической базы коммунизма. Важным компонентом этой базы должны были стать районы нового индустриального освоения Сибири.

1956–1991 гг. Во второй половине 1950-х — 1970-е гг. на востоке СССР были созданы Братско-Усть-Илимский, Западно-Сибирский, Канско-Ачинский, Саянский, Южно-Якутский территориально-производственные комплексы. Новые хозяйственные ниши наполнялись трудовыми ресурсами через уже действовавшие каналы их привлечения в промышленность. Особое внимание партия и правительство уделяло направлению молодежи на ударные стройки. В 1959–1963 гг. на строительство Братск-Усть-Илимского ТПК по путевкам комсомола поступили около 17 тыс. чел. В 1966–1986 гг. таким путем Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс получил 150 тыс. чел. В 1974–1975 гг. на сооружение Байкало-Амурской магистрали в составе ударных отрядов прибыло 12 тыс. чел. Доля молодых людей, поступивших по общественному призыву, достигала в разных ТПК от 5,8 до 20,0%, на БАМе — от 23,1 до 47,7% [43, с. 117; 44, с. 270]. Наряду с этой формой комплектования кадров, более интенсивный характер приобрел оргнабор. Однако его ощутимое влияние на пополнение рабочего класса Сибири оказалось непродолжительным. Если в 1959–1965 гг. по оргнабору в регион приехало 35,2% новых тружеников, то в 1971–1980 гг. — 2,3–2,6% [43, с. 118, 119]. Типичная ситуация сложилась со служебным переводом опытных производственников на сооружавшиеся хозобъекты. Первоначально приезжие составляли до 9/10 квалифицированного персонала, который затем комплектовался за счет выпускников профессионально-технических училищ. В 1959–1980 гг. сибирские ПТУ передали народному хозяйству 2934 тыс. подготовленных рабочих. Например, в Красноярском крае воспитанники профтехучилищ составляли 21% поступивших на предприятия работников [43, с. 118]. Данные тенденции способствовали численному расширению индустриальных групп населения в динамично развивавшихся восточных регионах России. За 1961–1980 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе эти группы выросли в десять раз, в Ямало-Ненецком — в шесть, в Хакасии, Бурятии и Якутии — более чем в два раза [43, с. 96]. Их рост завершился после свертывания практик организованного формирования производственных коллективов Сибири на рубеже 1980-х — 1990-х гг.

Создание ТПК обусловило рост спроса на квалифицированных рабочих и специалистов на региональном рынке труда. В то же время научно-техническая революция повысила требования к уровню и качеству производственного обучения. В конце 1950-х гг. учебные заведения госструктур были преобразованы в ПТУ, готовившие молодежь по специальностям на базе восьми- и десятилетней школы. В 1958–1959 гг. количество учреждений профтехобразования Сибири выросло с 208 до 388, в том числе училищ — с 87 до 343. Численность их учеников увеличилась с 41,8 тыс. в 1955 г. до 102,0 тыс. в 1960 г. [22, с. 204]. В конце 1960-х гг. закрытие ПТУ с небольшими сроками подготовки кадров вызвали сокращение сети училищ, которая впоследствии вновь стала расширяться. Если в 1970/71 учебном году в регионе действовало 49 ПТУ с 14,3 тыс. учащихся, то в 1980/81 учебном году —

386 с 166,6 тыс. В 1959–1965 гг. ежегодно ПТУ заканчивали 99,8 тыс. юных сибиряков, в 1966–1980 гг. — 149,0 тыс. [43, с. 118, 146]. После поступления на предприятия выпускники профтехучилищ повышали квалификацию на производственно-технических курсах, курсах целевого назначения, в школах мастеров и т.п. На ударных стройках они вовлекались в наставническое движение и перенимали навыки опытных строителей. К 1980 г. количество подготовленных за Уралом рабочих по сравнению с 1961 г. увеличилось в три раза, что свидетельствовало об интенсивном воспроизводстве кадрового потенциала. Но из-за снижения престижа индустриальных профессий, отставания ПТУ от технологического уровня передовых отраслей «пэтэушники» имели низкую учебную мотивацию. Образовательная реформа 1984 г. не смогла переломить эту негативную тенденцию и закончилась деградацией начального профессионального образования в начале 1990-х гг.

Другой серьезной проблемой являлась миграция населения из азиатской России. В конце 1950-х гг. миграционный отток происходил в основном из-за освобождения заключенных ГУЛАГа и спецпереселенцев, в 1960-е — 1980-е гг. — культурно-бытовой неустроенности новоселов. Так, за первые семь лет строительства западный участок БАМа потерял три четверти поступивших на него работников [44, с. 271]. По этим причинам советское государство усилило меры по закреплению кадров в районах нового промышленного освоения. На Крайнем Севере и приравненных к нему регионах устанавливались районные коэффициенты и надбавки к зарплате, социально-трудовые льготы. Районные коэффициенты действовали в Северо-Западной, Восточной и Северо-Восточной Сибири (от 1,2 до 2,0) [45]. С 1960 г. лицам, занятым на Крайнем Севере, полагался дополнительный 18-дневный отпуск, в приравненных к нему местностях — 12-дневный. Один рабочий год в суровых климатических зонах засчитывался за полтора. В 1967 г. за каждые полгода работы на Крайнем Севере и за каждый год на других территориях с его статусом вводились надбавки к ставкам, возраставшие от 10 до 60%. При перезаключении трудового договора рабочим и служащим выплачивалось единовременное пособие, равное половине месячной зарплаты. За 15-летний стаж на Крайнем Севере и 20-летний — в равнозначных ему районах пенсия по старости для мужчин назначалась в 55 лет, женщин — в 50. В рамках ТПК решались также социально-бытовые проблемы. За 1965–1980 гг. в Сибирском регионе вошли в строй многоэтажные благоустроенные дома общей площадью 143,3 млн кв. м. В 1960 г. размер жилплощади на одного горожанина достигал 5,9 кв. м., в 1980 г. — от 11,7 до 12,4 кв. м. [36, с. 154, 167, 168]. В частности, в зоне БАМа было построено 45 городов и поселков с комфортным жильем, обширной сетью магазинов, столовых, школ, детсадов, больниц и т.п. [3, с. 122]. Благодаря социальной политике правительству удалось переломить негативную миграционную ситуацию на востоке страны. Если

в 1956–1975 гг. в ходе переселенческого движения Сибирь потеряла 1452,4 тыс. чел., то в 1976–1990 гг. — получила 942,2 тыс. чел. [46, с. 121]. Особенно прочно в ней оседала молодежь из ударных комсомольских отрядов. В начале 1990-х гг. способы укрепления новых трудовых коллективов в регионе быстро утратили эффективность в связи со стартом рыночных реформ.

Экономическое освоение обширных территорий за Уралом требовало стимулирования продуктивного труда. Во второй половине 1950-х гг. на предприятиях была проведена унификация тарифных сеток и ставок. Возросла роль основного заработка, произошел переход от прогрессивной к премиальной сдельщине. На основе сочетания материального поощрения с идеей скачка в «светлое» будущее в СССР развернулось движение «Учиться, работать и жить по-коммунистически!». К 1961 г. в него включилось около одной пятой рабочих Сибири, к 1980 г. — примерно две трети. Однако число передовиков, реально обеспечивавших рост выработки, оставалось невелико. В начале 1960-х гг. во Всесоюзном обществе рационализаторов и изобретателей состояло 1,7% трудящихся, в начале 1980-х гг. — 6,4% [43, с. 208, 211]. Причины низкого удельного веса новаторов лежали в плоскости государственной политики в сфере оплаты труда. В 1967 г. минимальный размер заработной платы рабочих и служащих был установлен на уровне 60 руб., 1972 г. — 70 руб. Его увеличение сопровождалось механическим повышением тарифных ставок, снижением разницы в зарплате между низко- и высококвалифицированным персоналом. Если в середине 1950-х гг. в промышленности преобладали тарифные сетки с диапазоном 1:3,6, то в начале 1970-х гг. — 1:1,71. Расширение прослойки высокооплачиваемых работников происходило за счет опережающего роста заработков в добывающих отраслях сибирских ТПК. В 1960 г. нефтяники зарабатывали на 17,8 и 12,9% больше, чем приборо- и автомобилестроители, в 1985 г. — на 30,0 и 27,5% [47, с. 190–192]. «Длинный нефтяной» рубль являлся одной из причин ослабления позиций высокотехнологических сегментов экономики. Снижение популярности рабочих профессий, переизбыток дипломированных специалистов, расширение потребностей населения в условиях товарного дефицита и социальных проблем, разочарование

в коммунистической идеологии лишь усиливали несостоятельность господствовавшей макроэкономической стратегии. В 1961–1965 гг. производительность труда в народном хозяйстве СССР ежегодно увеличилась на 6,1%, оплата — 15,0%, в 1981–1985 гг. — 3,1 и 10,2% [47, с. 233, 234; 48, с. 8, 387; 49]. Снижение среднегодового прироста выработки при опережающем повышении заработной платы свидетельствовало об ослаблении эффективности стимулов к производственной деятельности к началу «перестройки».

Во второй половине 1950-х — 1980-е гг. в восточных районах СССР *сформировалась и получила развитие позднесоветская стратегия мобилизационной занятости, в которой преобладали ординарные практики управления трудовыми ресурсами*. Ее кризис и демонтаж в последнее десятилетие существования советского государства обуславливались, как противоречиями социально-экономического развития страны, так завершением масштабного индустриального освоения Сибири к началу 1990-х гг.

Выводы. В конце XIX — XX вв. эволюция стратегии мобилизационной занятости в России была органично связана с политикой имперского и советского государства по модернизации восточных окраин страны. *Возникнув изначально в рамках одного индустриального сверхпроекта, эта стратегия в дальнейшем приобрела черты системного явления, воспроизводившегося в различных формах российской властью и обществом на протяжении нескольких десятилетий*. Данный процесс периодически поддерживался властными импульсами в связи с необходимостью ответа на глобальные вызовы, в том числе путем развития в Сибири высокотехнологичных производительных сил. Нарращивание этих сил осуществлялось за счет мобилизации людских ресурсов, которой способствовали динамично изменявшиеся механизмы регулирования общероссийского и регионального рынка труда, носившие многовариативный характер. Однако после полного отката экономики к траектории освоения ресурсных богатств и исчерпания человеческого потенциала экстенсивного развития государственная стратегия мобилизационной занятости утратила эффективность и была отправлена на «свалку истории» в ходе радикального слома советского индустриального общества.

Литература:

1. Гончаров Г. А. «Принуждение к труду» и «принудительный труд» в социально-экономической политике первых десятилетий советской власти (1917–1940) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Челябинск, Энциклопедия, 2012. С. 540–546.
2. Тимошенко А. И. Мобилизационные решения в хозяйственном развитии Сибири в 1920–1930-е годы // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Челябинск, Энциклопедия, 2012. С. 400–410.
3. Тимошенко А. И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950-е — 1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск, Сибирское научное издательство, 2009. 174 с.

4. Борзунов В. Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции (по материалам строительства Транссибирской магистрали, 1891—1904 гг. М., Наука, 1965. 198 с.
5. История рабочего класса Сибири: Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, Наука, 1982. 459 с.
6. Шиловский М. В. Первая мировая война 1914—1918 гг. и Сибирь. Новосибирск, Автограф, 2015. 330 с.
7. Маркевич А. М. Стимулы к труду в металлургической и металлообрабатывающей промышленности России в годы Первой мировой войны. На примере Московского металлического завода (завод Гужона) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 6. М., 2001. С. 64—84.
8. Прошин В. А. К вопросу о проведении всеобщей трудовой повинности в Сибири в период «военного коммунизма» (конец 1919—1921 гг.) // Вопросы истории советской Сибири. Томск, Б.и., 1980. С. 46—62.
9. Московский А. С. Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири (1920—1937 гг.). Новосибирск, Наука, 1979. 349 с.
10. Цысь В. В. Трудовые армии периода Гражданской войны. Монография. В 2 ч. Нижневартовск, Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. Ч. 2. 231 с.
11. Ильюхов А. А. Политика Советской власти в сфере труда (1917—1922 гг.). Смоленск, Изд-во Смол. гос. пед. ун-та, 1998. 270 с.
12. Постников с. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900—1941 гг. М., РОССПЭН, 2009. 367 с.
13. История рабочего класса Сибири: Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, Наука, 1982. 425 с.
14. Московский А. С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, Наука, 1968. 308 с.
15. Озеров Л. С. Комсомол на новостройках довоенных пятилеток // Вопросы истории. № 12. Декабрь 1958. С. 132—151.
16. Исаев В. И. Быт рабочих Сибири. 1926—1937 гг. Новосибирск, Наука, 1988. 240 с.
17. Журавлев с. В., Мухин М. Ю. Крепость социализма: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938 гг. М., РОССПЭН, 2004. 258 с.
18. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 1030. Оп. 1. Д. 25.
19. ГАО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 985.
20. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1449.
21. Тимошенко А. И. Проблемы формирования рабочих кадров Сибири в годы первых пятилеток в условиях мобилизационной экономики // Иркутский историко-экономический ежегодник. Сб. науч. трудов. Иркутск, 2009. С. 233—238.
22. История рабочего класса Сибири: Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, Наука, 1984. 376 с.
23. Исаев В. И. Молодежь в трансформирующемся обществе: условия и механизмы социализации. Новосибирск, Изд-во НГУ, 2003. 242 с.
24. РГАЭ. Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2349.
25. Из докладной записки Госплана СССР в СНК СССР о ходе выполнения третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства от 4 октября 1940 г. // История индустриализации СССР 1938—1941 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/9332>
26. ГАО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38.
27. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 25.
28. Шевченко В. Н. Сибирский арсенал Победы: становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, Изд-во Красноярского гос. аграрного ун-та, 2008. 448 с.
29. Исупов В. А. Главный ресурс Победы: Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939—1945 гг.). Новосибирск, ИД «Сова», 2008. 378 с.
30. Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, Изд-во СО РАН, 2005. 449 с.
31. ГАО. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 201.
32. Чирков А. Д. К вопросу о подготовке квалифицированных рабочих в Сибири (1941—1945) // Народы Сибири в Великой Отечественной войне. Кызыл, 1973. С. 68—71.
33. Шевченко В. Н. Создание оборонной промышленности Красноярского края в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, СибГАУ, 2005. 194 с.
34. ГАРФ. Ф. Р-7507. Оп. 1. Д. 206.
35. Папков С. А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941—1945 гг. // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 71—80.

36. Букин С. С., Исаев В. И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920–1960-е гг.). Новосибирск, Параллель, 2009. 198 с.
37. ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129.
38. ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 175.
39. Савицкий И. М. Оборонная промышленность Новосибирской области. Опыт послевоенного развития (1946–1963 гг.). Новосибирск, Олсиб, 1996. 316 с.
40. Бикметов Р. С. Использование спецконтингента в создании и наращивании экономического потенциала Кузбасса в конце 1920-х — второй половине 1950-х гг. Дис. ... д-ра. ист. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/ispolzovanie-spetskontingenta-v-sozdanii-i-narashchivanii-ekonomicheskogo-potentsiala-kuzbas>
41. Соколов А. К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х — середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., ИРИ РАН, 2004. С. 74–99.
42. Народное хозяйство СССР. 1922–1972. Юбилейный статистический ежегодник. М., Статистика, 1972. 848 с.
43. История рабочего класса Сибири: Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. Новосибирск, Наука, 1986. 358 с.
44. Тимошенко А. И. Проблемы формирования индустриальных кадров для территориально-производственных комплексов Сибири в 1950–1980 гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, Изд-во БГУЭП, 2013. С. 267–276.
45. Районные коэффициенты оплаты труда, установленные в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям. URL: http://nalogobzor.info/2015_nalogi/buhuchet/rajonnye_koefficienty_k_oplate_truda-ustanovlennyy.pdf
46. Метелев С. Е., Виноградов В. Г., Албастова А. Р., Метелев И. С. Особенности формирования трудового потенциала Сибири. Монография. Омск, Омский ин-т Российского гос. торг. —эконом. ун-та, 2008. 127 с.
47. Труд в СССР. Статистический сборник. М., Финансы и статистика, 1988. 302 с.
48. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Стат. ежегодник. М., Финансы и статистика, 1991. 752 с.
49. Сведения о среднемесячной заработной плате за период с 1960 по июнь 1997 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901818727>

Дневник государственного деятеля А. А. Половцова: источнико-историографический очерк

Смирнов Евгений Алексеевич, студент магистратуры
Костромской государственной университет

В последние десятилетия частыми стали исторические исследования, авторы которых на основе содержательного анализа мемуаров, воспоминаний или дневников, дополняют исторические изыскания, созданные по официальным документам. Расширение спектра таких исследований может быть объяснено тем, что фигура конкретного человека в исторической науке стала играть особую роль. Интерес к частным вопросам жизни общества и истории повседневности диктует необходимость привлечения к научным исследованиям материалов личного происхождения, как опубликованных ранее, так и не введенных в научный оборот.

Научный интерес автора статьи заключен в исследовании деятельности Императорского Русского исторического общества (далее — РИО), которая находит отражение в дневнике Александра Александровича Половцова — государственного деятеля Российской империи, члена-основателя РИО, секретаря (с 1866 по 1879 гг.) и председателя общества (с 1879 по 1909 гг.). Пусть основная задача исторического изыскания узкона-

правленна и состоит в изучении деятельности Русского исторического общества, однако для понимания содержания самого дневника, исторического контекста воспроизведенных в дневнике событий, необходимо дать краткую источниковедческую справку, а также представить историографический обзор тех научных трудов, которые посвящены дневниковым записям А. А. Половцова.

Первые публикации дневника были произведены еще в первой половине XX века в журнале «Красный архив» [1]. Первый том указанного журнала, опубликованный в 1922 году, ставит основной задачей публикации документов — «разоблачение тайн империалистской политики и дипломатии» [2, с. 5]. Соответствующим образом производилась подборка документов, раскрывающая «суть» павшей в 1917 году Российской империи. Таким образом, в журнале были представлены небольшие фрагменты дневника, вырванные из общего контекста, представлявшие читателю лишь сведения «относительно внутренней политики царизма, о текущих политических событиях, придворных празднествах, интригах и скандалах» [3, с. 103].

В 1966 году дневник государственного секретаря А. А. Половцова [4] был опубликован, благодаря усилиям выдающегося советского историка П. А. Зайончковского, а также М. Г. Вандалковской и Г. М. Лифшица. Это издание познакомило достаточно ограниченный круг читателей (тираж 7200 экземпляров) с мемуарным наследием Половцова.

Хронологические рамки изданных дневников — 1883—1892, — время, когда их автор занимал должность государственного секретаря, период наиболее активной служебной деятельности Половцова. Текст дневниковых записей предваряет краткая биографическая справка, составленная профессором Зайончковским, аналитический очерк о политических взглядах и служебном положении Половцова, составленный, в целом, по материалам дневника. Особое внимание П. А. Зайончковский уделяет деятельности А. Половцова в Русском историческом обществе, подчеркивая, что издание сборника РИО и Русского биографического словаря является несомненной заслугой А. А. Половцова перед русской исторической наукой [4, с. 14].

В 1968 году исследователь Захарова Л. Г. публикует материал, посвященный изданному дневнику [5]. Она оценивает сделанную публикацию, как «незаменимый источник» по истории правления Александра III. Привлекая материалы дневника, историк дает оценку крестьянскому вопросу, внешней политике 80-х гг. XIX века, описывает бюрократический аппарат, дает очень критичные оценки государственным служащим и монарху, делая вывод: «Независимо от самого автора (Половцова — Е. С.) и его монархических убеждений дневник создает картину разложения всего механизма управления, назревания кризиса системы государственной власти» [5, с. 178]. В целом, сам дневник оценивается Захаровой как достоверный исторический источник, правдивость которого подтверждается при сопоставлении с официальными документами и иными материалами. Важно подчеркнуть, что исследователь делает акцент на целях, которые преследует Половцов при написании дневника, делая вывод, что автор дневников рассматривал их как исторический материал для будущего читателя [5, с. 178]. При непосредственном ознакомлении с текстом этот вывод подтверждается.

В 2005 году, спустя почти 50 лет после публикации дневников П. А. Зайончковским, было осуществлено переиздание, приуроченное к 100-летию историка [6]. В предисловии, составленном доктором исторических наук Л. Г. Захаровой, была подчеркнута важность переиздания, выражена признательность как государственному деятелю А. Половцову, так и ученому П. Зайончковскому, сохранившим память о нашем прошлом. Издание ничем не отличалось от предыдущего, за исключением внесенных изменений и уточнений в именную указатель.

В определенном смысле реакцией на новое издание в 2008 году стала статья историка С. А. Никитина с заглавием «Александр Александрович Половцов» [7]. Статья

стала достаточно объемным обобщением биографических сведений А. Половцова, его государственной деятельности и политических взглядов. Автор серьезно критикует выводы, сделанные Зайончковским, заключая, что характеристика Дневника в первой биографии Половцова неверна, плохо отражает его действительные особенности. Но сразу после этого приводит аргументы, которые, в сущности, дублировали мнение историка — первого публикатора Дневника А. Половцова. В заключение автор неверно подчеркивает, что дневниковые записи Половцова полностью расшифрованы по подлиннику и изданы заново (указывая, по всей вероятности, на переиздание 2005 года).

В 2015 году в разделе «Диалог о книге» журнала «Российская история» [8] появляется серия статей, отражающих взгляд историков на произведенную О. Ю. Голечковой публикацию Дневника А. А. Половцова [9]. Подготовленный труд стал хронологическим продолжением, а в незначительной части — дополнением, издания дневника, произведенного в 1966 году. Дневник охватывает период с 1893 по 1909 гг. и сообщает нам не только очень ценные сведения о жизни своего хозяина, но и массу интересных фактов из политической действительности России, преобразованиях в сфере государственного управления, представляет яркие характеристики современников Половцова.

Дневниковым текстам предшествует обширная статья составителя, раскрывающая источниковедческие и археографические проблемы реконструкции и публикации дневника А. А. Половцова за указанный период [9, с. 5—36]. О. Голечковой проделана колоссальная работа по анализу содержания дневниковых записей. Автор констатирует тот факт, что архивные материалы не совпадают с содержанием описей фонда. Серьезная археографическая работа проведена составителем в отношении реконструкции дневниковых записей с привлечением материалов фонда Половцова в Государственном архиве Российской Федерации, сравнении ранее опубликованных материалов с архивными. В статье приводятся исключительные, яркие примеры дневниковых записей, характеризующие отношение их автора к интригам, политическим фигурам, заседаниям Государственного совета и др. Автор дает детальное описание публикуемых материалов, приводит ссылки на номера разрозненных архивных дел, производит сопоставление опубликованных материалов в журнале «Красный архив» и архивных «журналов», подготовленных к публикации. В заключение обширного материала приведена сводная хронологическая таблица-реконструкция дневника за 1893—1909 гг.

Публикация дневника указанного периода проливает свет на события в жизни А. А. Половцова, которые не ограничены сроком его службы государственным секретарем, и, безусловно, может быть полезна историкам в оценках эпохи Николая II, деятельности министра С. Ю. Витте, оценках Русско-Японской войны, событий

1905–1907 гг. и др. глазами современников. Широким спектром опубликованных дневниковых записей представлена деятельность Императорского Русского исторического общества под руководством Александра Половцова.

Еще раз необходимо отметить, что подготовленный О. Голечковой дневник А. Половцова вызвал серьезный научный интерес к публикации. Это нашло отражение в обсуждении, развернувшемся на страницах журнала «Российская история». В нем приняли участие доктора исторических наук М. Г. Вандалковская [8, с. 190–192], И. В. Лукоянов [8, с. 181–183], О. А. Милевский [8, с. 183–186], кандидаты наук О. В. Белоусова [8, с. 186–190] и С. В. Куликов [8, с. 192–195]. Все авторы признают ценность подготовленной публикации, указывают на ее своевременность, дают некоторые критические замечания, касающиеся незначительных неточностей, связанных, по нашему мнению, с редакторскими проволочками.

Особняком в указанном журнале стоит статья исследователя А. В. Мамонова [8, с. 170–179], не являющаяся частью размышлений о публикации О. Голечковой. Предметом исследования указанной статьи являются детские дневники А. А. Половцова, которые никогда не публиковались вовсе. По мнению автора, этот уникальный документ дает возможность увидеть, как с детских лет формировалось мировосприятие будущего государственного деятеля. Историком приводятся сведения о жизни А. Половцова на основе изученных дневников, заключенных в хронологическом периоде с 1837–1838 и 1843 гг. Конечно, в контексте изучаемого нами вопроса, статья не представляет интереса, но подчеркивает большое значение и ценность Дневника Александра Половцова как исторического источника. Примечательна в указанном контексте такая мысль автора: «Дневник А. А. Половцова принадлежит к числу наиболее известных, сравнительно хорошо сохранившихся и вместе с тем мало изученных мемуарных памятников XIX в». [15, с. 170].

Литература:

1. Красный архив. 1923. Т. 3, 4. 1929. Т. 2. 1931. Т. 3. 1933. Т. 1, 4.
2. Красный архив. 1922. № 1.
3. Зверев Р. Я. Красный архив: Исторический журнал. 1922–1941: Аннотированный указатель содержания / под ред. проф. В. В. Максакова. — М., 1960.
4. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. В 2 т. — М., 1966.
5. Захарова Л. Г. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 177–179.
6. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. В 2 т. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.
7. Никитин С. А. Александр Александрович Половцов // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 39–54.
8. Российская история. 2015. № 3.
9. Половцов А. А. Дневник. 1893–1909. [сост.: Ольга Юрьевна Голечкова]. СПб.: Алетейя, 2014.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 2 (240) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственный редактор Е. И. Осянина
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 23.01.2019. Дата выхода в свет: 30.01.2019.
Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.